

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

«ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

№ 1 (2)

Издается с 2008 года

Выходит 2 раза в год

Москва

2009

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

PHILOLOGICAL EDUCATION

№ 1 (2)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2009**

Редакционный совет:

- Рябов В.В.** доктор исторических наук, профессор,
председатель ректор МГПУ
- Геворкян Е.Н.** доктор экономических наук, профессор,
заместитель председателя проректор по научной работе МГПУ
- Атанасян С.Л.** кандидат физико-математических наук,
профессор, проректор по учебной работе МГПУ
- Русецкая М.Н.** кандидат педагогических наук, доцент,
проректор по инновационной деятельности МГПУ

Редакционная коллегия:

- Чеснокова Т.Г.** кандидат филологических наук, доцент
главный редактор кафедры зарубежной литературы МГПУ
- Коханова В.А.** кандидат филологических наук, профессор,
заместитель заведующая кафедрой прикладной лингвистики
главного редактора и образовательных технологий в филологии,
декан филологического факультета
- Костомаров В.Г.** Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
академик Российской академии образования,
президент Государственного института русского языка
имени А.С. Пушкина, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языко-
знания МГПУ
- Гиленсон Б.А.** Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Заслуженный профессор МГПУ, доктор филологических
наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной
литературы МГПУ
- Джанумов С.А.** Заслуженный работник высшей школы Российской
Федерации, Заслуженный профессор МГПУ, доктор
филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой русской литературы и фольклора МГПУ
- Кременцов Л.П.** Заслуженный профессор МГПУ, доктор филологических
наук, профессор кафедры русской литературы
и фольклора МГПУ
- Киров Е.Ф.** доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой русского языка и общего языкознания МГПУ

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

e-mail: Vestnik@mgpu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика

- Зубкова Л.Г.* Принцип знака в категориально-иерархической организации языка (*окончание*) 8
- Киров Е.Ф.* Концепты и концептосфера языка и ментальности..... 15
- Ганиев Ж.В.* Необходимый тип эксперимента в развитии современной орфоэпии 19
- Девятова Н.М.* Сравнение в простом предложении: об особенностях субстантивной модели и ее места в синтаксическом поле сравнения..... 28
- Захарова М.В.* Языковая игра (современный этап) 34

Литературоведение

- Матвеева И.И.* Критика политических мифов 1920-х годов в повести А. Платонова «Город Градов» 39
- Щелокова Л.И.* Категория Духа и модель поведения человека в русской художественной публицистике 1941–1945 годов 47
- Чекалов К.А.* “П а accoutumé craindre l'eau” («Дневник путешествия в Италию» Мишеля Монтеня)..... 55
- Калашиникова Н.Б.* Образ Московии XVII века в записках голландского путешественника..... 63
- Чеснокова Т.Г.* Типология сюжета и характеров в «балладной опере» Р.Б. Шеридана «Дуэнья»..... 72

Лингводидактика

- Богомазов Г.М.** Синтетико-синкретические и аналитические тенденции в речи ребенка 82
- Светлой памяти Геннадия Михайловича Богомазова 97

Методика преподавания филологических дисциплин

- Коханова В.А.* Задачно-презентативный метод как технология личностно-ориентированного литературного образования..... 98

<i>Алферова А.А.</i> Изучение фольклора в культурологическом аспекте в 5–8 классах общеобразовательной школы	105
--	-----

Трибуна молодых ученых

<i>Кирьянова Е.Н.</i> Образ матери в ранней лирике Марины Цветаевой (на материале двух первых сборников)	110
--	-----

Научная жизнь

Дни Науки – 2009 на филологическом факультете МГПУ	116
--	-----

Юбилей

К 80-летию Заслуженного профессора МГПУ Леонида Павловича Кременцова	123
К 75-летию Журата Валиевича Ганиева	125
К 60-летию Нины Михайловны Малыгиной	127

Критика. Рецензии. Публицистика

<i>Кременцов Л.П.</i> Сшибка	130
<i>Ващенко А.В.</i> Рецензия на учебное пособие: Райкова И. Н., Травников С. Н., Ольшевская Л. А., Июльская Е. Г. Русское устное народное творчество: Хрестоматия-практикум; учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / Под общ. ред. С.А. Джанумова. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 400 с.	141
<i>Райкова И.Н.</i> Рецензия на книгу: О славе небесной и вечной радости. Народные христианские легенды. Средневековая агиография / Сост., перевод текстов, вступ. ст. и коммент. А.С. Джанумова. – М.: Совпадение, 2008. – 223 с.	143

Авторы «Вестника МГПУ» серии «Филологическое образование», 2009, № 1 (2)

.....	144
-------	-----

CONTENTS

Linguistics

- Zubkova L.G.* Sign Principle in Gategorical-Hierarchical Organization of Language (*continued from № 1, 2008*)..... 8
- Kirov E.F.* Concepts and Concept Sphere of Language and Mentality 15
- Ganiev Zh.V.* A Necessary Mode of Experiment in the Development of Modern Orthoepy..... 19
- Devyatova N.M.* Comparison in a Simple Sentence: on Specific Features of Substantive Comparative Model and its Place in a Syntactic Field of Comparison 28
- Zakharova M.V.* Linguistic Game Today 34

Literary Criticism

- Matveeva I.I.* The Critique of Political Myths of the 1920th in A. Platonov's Novel "*The City Gradov*" 39
- Shchelokova L.I.* A Category of Spirit and the Model of Man's Behavior in Russian Writers' Publicist Works of the 1941–1945th 47
- Chekalov K.A.* "Il a accoutumé craindre l'eau" ("*The Journal of the Voyage in Italy*") by Michel Montaigne) 55
- Kalashnikova N.B.* The Image of the XVII century Moscovia in the Notes of a Dutch Traveler..... 63
- Chesnokova T.G.* The Plot and Characters' Typology in R.B. Sheridan's Ballad Opera "*The Duenna*" 72

Linguodidactics

- Bogomazov G.M.* Synthetico-syncretical and analytical Tendencies in a Child's Speech 82

To the Memory of Gennady Mikhailovich Bogomazov 97

Language and Literature Teaching Methodology

- Kokhanova V.A.* Task-presentational Method as Technology of Personality-oriented Literary Education 98

<i>Alpherova A.A.</i> Studying Folklore from Cultural Studies Point of View in 5–8th Forms of the Secondary School.....	105
---	-----

Young Scientists' Platform

<i>Kiryanova E.N.</i> Mother's Figure in Marina Tsvetaeva's Early Lyrics (on the material of the two first cycles).....	110
---	-----

Scientific Life

Science Days – 2009 at the Philological Faculty of MCPU	116
---	-----

Anniversaries

Our Greetings to the Honored Professor of MCPU Leonid Pavlovich Kremontsov	123
Our Greetings to Professor Zhurat Valyevich Ganiev	125
Our Greetings to Professor Nina Mikhailovna Malyghina.....	127

Critical Survey. Reviews. Bibliography

<i>Kremontsov L.P.</i> The Collision	130
<i>Vashchenko A.V.</i> Review: Raikova I. N., Travnikov S. N., Olshevskaya L. A., Iyulskaya Ye. G. Russian Folklore: a Reading-book; a Manual for the Students of Philological Faculties of the Higher School / Ed. by S.A. Dzhanumov. – Moscow: Academia, 2007. – 400 p.	141
<i>Raikova I.N.</i> Review: On Heavenly Glory and Eternal Gladness: Popular Christian Legends. Mediaeval Hagiography / Collected and translated by A.S. Dzhanumov; with his Introduction and Notes. – Moscow: Sovpadeniye, 2008. – 223 p.	143

MGPU Vestnik authors, series "Philological Education".

2009, № 1 (2)	144
----------------------------	-----

Л.Г. Зубкова

Принцип знака в категориально-иерархической организации языка

(Окончание. Начало в «Вестнике МГПУ»
серии «Филологическое образование» № 1, 2008, с. 42–52)

Соотнесенность языковых иерархий в семантической и звуковой структурах обуславливает категориальную мотивированность означающего и его связи с означаемым в словесном знаке. Так реализуется в языке принцип знака, понимаемый автором вслед за В. фон Гумбольдтом как «согласованность между звуком и мыслью». Насколько ярко и последовательно осуществляется в языке принцип знака, зависит от способа грамматической категоризации и глубины иерархического членения языкового целого, от положения данного языка на шкале лексичности / грамматичности.

Ключевые слова: знак; означаемое; означающее; категоризация; иерархия

В разграничении *предметных* и *признаковых* слов среди называющих знаков, и в первую очередь *имен существительных* и *глаголов*, участвуют признаки, характеризующие звуковую форму слова как с внешней, так и с внутренней стороны — и как неделимое синтаксическое целое, и как определенный тип связи морфем. В «грамматических» языках и то, и другое может быть сопряжено, в частности, с функционированием существительных и глаголов в качестве словоизменительных классов, ибо словоизменение одновременно и морфологизовано, и синтактизовано.

Частеречные различия в степени лексичности / грамматичности, в степени синтеза, в технике соединения морфем коррелируют со звуковыми. Так, в русском языке части речи существенно различаются по характеру акцентной организации. В частности, за существительными и глаголами закреплены разные схемы подвижного ударения, причем у глаголов их больше, а акцентное противопоставление словоизменительных полупарадигм проводится более четко, нежели у существительных [2]. Это вызвано тем, что у глаголов категория времени, на которой основывается противоположение полупарадигм в словоизменении, обслуживает слово, а у существительных категория чис-

ла, на которой основывается выделение полупарадигм, обслуживает лексико-семантические варианты и, следовательно, больше лексикализована.

Частеречные различия в морфологической структуре наглядно обнаруживаются в звуковой форме корня. Субстантивный корень, будучи более лексичным и менее связанным, чем глагольный, имеет большую длину и отличается большей акцентной активностью. У глаголов акцентно активен не корень, а суффикс. Отличаясь от имен более развернутой словоизменительной парадигмой, большей грамматичностью и фузионностью, глаголы чаще имеют альтернирующий корень. При этом сам альтерниционный ряд также оказывается длиннее [2]. Среди корневых алломорфов у существительных преобладают менее осложненные, менее модифицированные и соответственно более предсказуемые алломорфы — основные, экспонированные немаркированными фонемами, и фонетически обусловленные. У глаголов корни более связаны и грамматичны. Отсюда преобладание алломорфов, не предсказуемых с синхронической точки зрения, — обусловленных либо только морфологически, либо одновременно морфологически и фонетически [1–3].

Различаются части речи и по типам морфонологических чередований и их функциональному использованию [2: с. 13–18].

В целом проведенный анализ вполне подтверждает вывод Н.В. Крушевского: «слова, обозначающие предметы, их качество, их действия или состояния и проч., отличаются друг от друга не только своим содержанием, но и своей внешностью, своей структурой и — в известной степени — своими звуками» [11: с. 147].

Звуковая форма словообразовательных макропарадигм — *непроизводных слов и дериватов разных ступеней мотивированности* — через посредство словообразовательных отношений коррелирует также с морфемным строением слова, словоизменением и семантикой. С повышением ступени словообразования и усложнением морфемного строения слова упрощается его семантическая парадигма, повышается степень продуктивности типов словоизменения, нетривиальное словоизменение сменяется тривиальным. Соответственно упрощается акцентная и альтерниционная парадигма [1–3, 6–7, 15].

Чем выше ступень словообразования, тем чаще выделяется ударением производящая база, а маркированные типы словесного ударения — флекссионное и подвижное — постепенно вытесняются немаркированным постоянным ударением на основе. В том же направлении повышается частота корневого ударения. Таким образом, ударение все чаще закрепляется за носителями лексического значения. Показательно и то, что акцентные сдвиги чаще наблюдаются в сфере лексической деривации и связаны с мутационным словообразовательным значением как наиболее лексичным.

В производных словах с уменьшением длины альтерниционного ряда алломорфов корня в словоизменительной парадигме и увеличением частоты алломорфов, не участвующих в чередованиях, изменяются и качественные (сегментные) характеристики алломорфов. С повышением ступени мотивированности падает частота основных (немодифицированных) алломорфов, с одной стороны, и наиболее модифицированных алломорфов, обусловленных как

фонетически, так и морфологически, с другой. Одновременно возрастает доля предсказуемых — фонетически обусловленных — алломорфов.

В большинстве случаев мена акцентных схем и альтернативных парадигм в производных связана со структурой производящих, причем в качестве мотивирующего чаще всего выступает исходное (немотивированное) слово словообразовательной цепи.

Поскольку семантическая мотивация производных подкрепляется акцентной и альтернативной мотивацией — полной или частичной, непосредственной или опосредованной (в зависимости от ступени словообразования) [3: с. 58; 6: с. 9–11, 14–15; 7: с. 18–20], постольку мотивированность словесных знаков означает не только выводимость их значения в той или иной степени из значения производящих, но и большую или меньшую предсказуемость их звуковой формы, в частности таких ее аспектов, как акцентная организация и алломорфное варьирование корня в словоизменительной парадигме.

В свою очередь противоположение словесных знаков по признаку немотивированности / мотивированности и соответственно непредсказуемости / предсказуемости их звуковой формы становится возможным и реализуется благодаря тому, что в русском языке вследствие высокой степени его грамматичности и членораздельности сосуществуют обе основные грамматические тенденции — не только фузионная, но и агглютинативная.

Для немотивированных непроемных словесных знаков типична **фузионная тенденция**. К ее признакам могут быть отнесены: обычная многозначность непроемного слова, часто нетривиальная словоизменительная парадигма, подвижное или флексивное ударение, полиморфизм — часто непредсказуемый — корня / основы, неавтоматические и функционально неоднотипные — морфологизованные и неморфологизованные — чередования фонем, а также нетривиальные орфоэпические реализации фонем в заимствованной лексике (нередуцированный безударный гласный, твердый согласный перед <e>, долгий согласный в корне).

Для мотивированных производных слов, особенно на высоких ступенях словообразования, характерна **агглютинативная тенденция**, а именно: распространенная однозначность слова; тривиальное, предсказуемое словоизменение продуктивного типа; постоянное ударение на основе; мономорфизм корня, предпочтительно включающего немаркированные согласные; тривиальные орфоэпические реализации фонем в образованиях от заимствованных слов (редуцированный безударный гласный, мягкий согласный перед <e>, краткий согласный в корне).

Анализ акцентных характеристик *ономазиологических лексико-семантических категорий* в русском языке показал, что семантическая близость синонимов коррелирует с усилением акцентных различий, а семантическая противоположность антонимов — со сближением акцентных характеристик [16–18].

Сравнение фонетических и семантических различий между словами в составе словообразовательных цепей и в антонимо-синонимических блоках

в русском языке [9] обнаруживает не только вполне закономерную корреляцию между значением и звучанием, но и зависимость характера корреляции от типа семантических отношений, и прежде всего от того, на каких понятиях они основываются — логически несравнимых или сравнимых [10, 14]. Соответственно в преимущественно семасиологических (полисемия, омонимия) и преимущественно ономасиологических (синонимия, антонимия) лексико-семантических категориях она принимает разные формы.

В словообразовательных цепях, члены которых связаны друг с другом отношениями последовательной мотивированности и различаются по числу лексико-семантических вариантов, наблюдается **параллелизм** между семантической и формальной организацией слова. Многозначность немотивированных исходных слов коррелирует с более сложной формальной структурой, в частности более сложной альтернативной и акцентной парадигмой, позволяющей дифференцировать отдельные лексико-семантические варианты как члены дизъюнктивной оппозиции, объединенные главным образом на психологической основе — на базе ассоциативно-семантических связей, но не на общности компонентного состава. У однозначных производных высоких ступеней мотивированности семантическое единство подкрепляется алломорфным и акцентным тождеством словоформ.

В ономасиологических лексико-семантических категориях, объединяющих знаки на логической основе — на базе предметно-понятийной общности, их единство обеспечивается **компенсаторной взаимозависимостью** между семантическими и формальными различиями. С усилением семантических различий в направлении от полной синонимии к частичной и далее к антонимии и, наконец, энантиосемии звуковые различия ослабляются и сходят на нет [9].

Не проходит бесследно для звуковой формы словесных знаков и взаимодействие разного рода категорий друг с другом. Так же как разграничение частей речи в отношении их звуковой формы осуществляется по-разному на разных ступенях словообразования, так и разграничение ступеней словообразования различается от одной части речи к другой. В разграничении ономасиологических лексико-семантических категорий, помимо взаимодействующих друг с другом семантических факторов, тоже участвуют словообразовательные и частеречные характеристики словесных знаков.

Как параллелизм, так и компенсаторная взаимозависимость между семантическими и звуковыми различиями в равной мере указывают на единство содержания и формы в языке. Ввиду взаимосвязанности семантических и звуковых различий и ее зависимости от типа семантических отношений функциональная асимметрия языкового знака, скользящего в плоскостях полисемии / омонимии и синонимии, не только не подтверждает догму о его произвольности, но, напротив, опровергает ее.

Не согласуется с представлениями о произвольности означающего и его связи с означаемым и то, что в языке вырабатывается иерархия звуковых

средств, служащих различению классов и подклассов слов, и эта иерархия соотносительна с иерархией членения лексики. Так, в русском языке для суперсегментного противопоставления различных классов слов друг другу используются следующие акцентные характеристики:

* **ударность / безударность** — для противопоставления знаменательных слов служебным (знаменательные слова обычно ударны и способны нести на себе синтагматическое и фразовое ударение, служебные безударны);

* **степень ударности** — для противопоставления собственно-знаменательных слов указательно-заместительным (первые обычно имеют более сильное ударение, чем вторые);

* **противоположение немаркированного ударения (наосновного) маркированному** (флексионному и подвижному) — для противопоставления производных слов высоких ступеней мотивированности непроизводным словам и дериватам первых двух ступеней (начиная с 3-й ступени словообразования в производных словах почти абсолютно господствует постоянное ударение на основе, в непроизводных словах и дериватах 1–2-й ступеней возможны все типы ударения, включая постоянное ударение на флексии и различные схемы подвижного ударения);

* **противоположение подтипов маркированного ударения** — для противопоставления имен и глаголов среди непроизводных слов и дериватов первых двух ступеней (за именами существительными и глаголами закреплены разные схемы подвижного ударения);

* **противоположение типов морфемного ударения при постоянном ударении на основе** — для противопоставления производных имен и глаголов высоких ступеней мотивированности (корневое ударение чаще встречается у имен существительных, суффиксальное — у глаголов).

Таким образом, иерархический принцип организации, характерный для семантической структуры слова, через посредство грамматических структур распространяется и на его звуковую форму. В результате звуковая форма слова предстает как явление многомерное и иерархически организованное. В ее создании участвуют разные звуковые средства — суперсегментные и сегментные, каждое из которых также стратифицировано и неоднородно. Наглядным свидетельством тому могут служить иерархия выделяемых ударением компонентов в акцентной организации слова [6], с одной стороны, и иерархия транскрипций сегментной структуры слова [4] — с другой. Соотнесенность иерархий в семантической и звуковой структурах друг с другом обуславливает категориальную мотивированность означающего и его связи с означаемым в словесном знаке. Так реализуется в языке принцип знака.

В иерархическом характере означающего отражаются:

- иерархия членения языкового целого на значащие единицы разного формата и соответствующие им уровни,
- иерархия членения морфологической структуры слова (при развитом словообразовании и словоизменении) на бинарные структуры — сло-

вообразовательную и словоизменительную — и небинарную морфемную структуру,

- иерархическая организация лексики, в которой, судя по критериям выделения частей речи, функционально-семантические свойства сопряжены с закономерностями иерархического членения синтаксических и морфологических структур.

Благодаря пронизывающим языковое целое иерархическим отношениям и категоризации изоморфное строение означающего и означаемого, их «диаграммное соответствие» друг другу регулярно обнаруживаются не только в синтаксисе и морфологии, но и на лексическом уровне, отнюдь не ограничиваясь периферическими в общем явлениями звукосимволизма, паронимии и т.п. (ср.: [19]). Вследствие категоризации и иных структурных связей языковой знак как элемент системы по необходимости не может быть абсолютно произвольным. В нем обязательно имеются иконические и индексальные составляющие.

Что касается произвольности, наблюдаемой как будто в выражении индивидуальных лексических значений, то она предопределена символической природой языкового знака, предполагающей текучесть и известную неопределенность как самих этих значений, так и бесконечно порождаемых все новых и новых смыслов. Но, судя по формальному разграничению ЛСВ многозначных слов [13], категориальная мотивированность распространяется и на выражение отдельных лексических значений.

Итак, принцип знака, воплощенный в категориально-иерархической его организации и обуславливающий его системную мотивированность, является важнейшей языковой универсалией, которая в зависимости от способа категоризации и глубины иерархического членения принимает разные формы в языках различных типов, представая то в как бы свернутом, то в развернутом виде.

Литература

1. Ващекина Т. В. Алломорфное варьирование корня в словообразовательной цепи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Ващекина; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 1995. – 17 с.
2. Зубкова Л. Г. Части речи в фонетическом и морфонологическом освещении / Л.Г. Зубкова. – М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1984. – 84 с.
3. Зубкова Л. Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка (К проблеме «произвольности» языкового знака) / Л.Г. Зубкова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 55–66.
4. Зубкова Л. Г. Единство внутреннего и внешнего в звуковой форме слова / Л.Г. Зубкова // Филологические науки. – 1988. – № 5. – С. 55–62.
5. Зубкова Л. Г. Фонологическая типология слова / Л.Г. Зубкова. – М.: УДН, 1990. – 258 с.

6. *Зубкова Л. Г.* Словесное ударение в характерологическом, конститутивном и парадигматическом аспектах / Л.Г. Зубкова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 5–22.
7. *Зубкова Л. Г.* Ступени словообразования как макропарадигмы, их взаимосвязь и специфика / Л.Г. Зубкова // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика: Сб. науч. тр. – Краснодар: КубГУ, 1991. – С. 16–24.
8. *Зубкова Л. Г.* Симметрия и асимметрия языковых знаков (по данным анализа звуковой формы лексико-семантических категорий) / Л.Г. Зубкова // Проблемы фонетики, I. – М.: ИРЯ РАН; Прометей, 1993. – С. 21–31.
9. *Зубкова Л. Г.* Фонетика и семантика в семасиологическом и ономасиологическом аспектах: формы корреляции между фонетическими и семантическими различиями в зависимости от типа семантических отношений / Л.Г. Зубкова // Тезисы II Международного симпозиума МАПРЯЛ «Фонетика в системе языка» (Москва, 19–22 ноября 1996 г.). – М.: РУДН, 1996. – С. 32–33.
10. *Карцевский С. О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С.О. Карцевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. II. – 3-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85–90.
11. *Крушевский Н. В.* Избранные работы по языкознанию / Н.В. Крушевский; сост. Ф.М. Березин; отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наследие, 1998. – 296 с.
12. *Матезиус В.* О потенциальности языковых явлений / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 226–238.
13. *Москвичева С. А.* Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Москвичева. – М., 2002. – 23 с.
14. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка: Учебное пособие для филол. спец. ун-тов / Л.А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
15. *Палеева Т. И.* Акцентная структура словообразовательных цепей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.И. Палеева; Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – М., 1988. – 16 с.
16. *Пандох А.* Семантика и акцентуация субстантивных антонимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Пандох. – М., 1990. – 15 с.
17. *Федюнина И. А.* Акцентуация синонимических рядов имен существительных в русском языке (к проблеме корреляции звучания и значения в слове): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Федюнина. – М., 1988. – 16 с.
18. *Шарма С.* Распределение и акцентуация глагольных антонимов в фокусе межуровневых связей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Шарма. – М., 1990. – 17 с.
19. *Якобсон Р. О.* В поисках сущности языка / Р.О. Якобсон // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 102–117.

Zubkova L.G.

Sign Principl in Gategorical-Hierarchical Organization of Language

Correlation of language hierarchies in semantic and sound structures conditions categorical motivation of the signifier and its relations with the signified in a word sign. By this way the principle of sign, understood by the author after W. von Humboldt as “coordination between sound and thought”, is realized in language. The extent of brightness and consistency to which the sign principle is carried out in a certain language depends on the mode of grammatical categorization and the depth of hierarchical discreteness of the language unity as well as on the place of this language on the scale of lexicality / grammaticality.

Key words: sign; the signified; the signifier; categorization, hierarchy

Е.Ф. Киров

Концепты и концептосфера языка и ментальности

Понятие концепта актуально в наши дни как общая идея, которая воспринимается всем языковым сообществом. Определенный набор концептов образует концептосферу этносообщества, обуславливая миропонимание, отражаясь в литературе и участвуя в построении образа будущего. Новая ситуация возникает при формировании мирового сообщества: складываются контуры мировой литературы, однако ей не соответствует единый всеобщий язык. Появляется необходимость формирования единого мирового языка.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; ментальность; образ будущего; язык

Приведем некоторые конкретные данные, полученные в рамках новейшей для настоящего времени научной дисциплины, прямо связанной с изучением конкретных проявлений концептосферы языка и менталитета.

Итак, русская картина мира, по данным авторов книги «Межкультурная коммуникация» [1], включает в себя такие основополагающие концепты, как соборность (это слово образовано от «собор», которое означает: церковь, собрание, суд, объединение людей на духовной основе), воля, удаль, беспредельность, вера, тоска, интеллигентность. Все эти концепты образуют **мегаконцепт** «русское», характеризующий русскую ментальность и картину мира как таковую. Как уже говорилось, эти концепты в той или иной мере отражаются и в самом русском языке, и это совершенно новое для науки направление — отыскание доминирующих черт в том или ином языке мира. Пожалуй, первым в этом направлении далеко продвинулся Г.П. Мельников, обнаруживший в русском языке детерминанты [2]. Например, такая детерминанта русского языка, обнаруженная Г.П. Мельниковым, как «неэкономность языкового материала», соответствует концептам «удаль» и «беспредельность».

«Английское» как мегаконцепт включает в себя, по мнению авторов «Межкультурной коммуникации», такие частные концепты, как дом (нельзя перевести на русский просто как дом, по мнению Карен Хьюитт, автора книги «Понять Британию», так как английское слово означает не только место проживания, но и атмосферу, домашний очаг, семью, то есть «атмосферу дома»), свобода (от русского концепта «воля» отличается наличием компонента «законность»), приватность (частная жизнь), здравый смысл, чувство юмора, джентльменство, честная игра — «fair play», сдержанность, традиция, наследие.

Мегаконцепт «немецкое», если верить авторам «Межкультурной коммуникации», включает в себя концепты: порядок, основательность, серьезность,

верность, храбрость, открытость, чистоту, простоту, лишенность запросов, ученость, развертываемость из самого себя, сентиментальность, склонность к повиновению, послушанию, языку приказов, деспотичности и грубости.

Мегаконцепт «французское», по мнению авторов указанной книги, включает в себя такие концепты: дух критицизма, свободолюбие, республиканские ценности, любовь, меритократия (оцениваемость по заслугам), дух рыцарства, индивидуализм (право личности на отдельное от коллектива существование), элегантность, бережливость, вкус к комфорту.

Таким образом, понимание чужой культуры — это самостоятельная и отдельная проблема, которая тесно связана с проблемой перевода с одного языка на другой, который по сути дела сводится к переводу с языка одной картины мира на язык другой. Так, русское слово «воля» практически непереводаемо на европейские языки без потери смысла, следовательно, этот концепт передается при переводе словосочетанием или даже предложением, а иногда требуется целый микротекст, чтобы обрисовать подобный идиоэтнический концепт.

Из всего сказанного выше, следует, что понимать окружающий мир мы сможем сходным образом только в том случае, если перейдем на более или менее общий для всех нас язык. В этой связи все более остро встает вопрос о едином для всех жителей земли языке (назовем его «бабилонто» — по образцу эсперанто). Вполне понятно, что интерлингвистика рано или поздно должна решить эту глобальную задачу. Мы предполагаем, что эта задача может быть решена путем гибридизации искусственных (эсперанто), вымышленных (типа «ларимина») и естественных языков (прежде всего испанского).

Следует рассмотреть в этой связи и совершенно новую проблематику — анализ конструированных языков, которые функционируют по преимуществу в сети Интернет, но влияют в той или иной степени и на внесетевой мир. Практически этой проблематике почти не посвящено специальных работ. Есть лишь одна (первая) диссертация в русском языкознании по подобной проблематике — это работа О.Н. Шуваловой «Вымышленные языки Интернета». Уже сам этот факт делает рассматриваемую проблематику актуальной, содержащей научную новизну. Очевидна также теоретическая и практическая значимость исследования этой темы, поскольку она посвящена искусственным языкам, которые являются полигоном для лингвокреативной деятельности и лингвомоделирования. Нигде так ярко не может быть смоделирована та или иная черта языка, как в искусственном вымышленном языке, кроме того, многие гипотетические фрагменты языка могут быть проверены на практике общения, пусть и искусственного, в вымышленном мире.

Современная лингвистика антропоцентрична, однако и сама жизнь становится антропоцентричной: человеку уже не хватает общего для всех и для самого индивида языка, он начинает конструировать для себя индивидуальный язык. Важно правильно расставить акценты в оценке этого удивительного феномена нашего времени: это не совсем глоттомания, подобная графомании, но и не простая тяга к творчеству, в том числе и конструированию. «Собака зарыта» в данном случае гораздо более глубоко.

Суть дела, как нам представляется, заключается в том, что человечество столкнулось с глобальным выбором путей развития после некоей точки бифуркации, к которой мы все стремительно приближаемся. Необходимы вероятные сценарии возможных путей развития глобальной цивилизации, при этом эти сценарии должны быть осознаны всеми жителями планеты. Обычно, такую функцию генерации сценариев берет на себя литература, однако литература пришла к реализму, сочтя его высшей точкой своего развития. Реализм достаточно успешно моделирует то, что есть. Нужны же модели того, что будет, того, что может быть. Другими словами, назрела настоятельная необходимость создания виртуального образа будущего. С этой целью в литературе создавались утопии (с эпохи античности — платоновское «Государство» — и до XX века, хотя здесь мы сталкиваемся и с антиутопиями), но отношение к утопиям в цивилизации в целом несколько скептическое, особенно оно ухудшилось после экспериментальной проверки такой красивой утопии, как марксизм.

Тем не менее, нужда в утопиях для современной цивилизации чрезвычайная, и литература среагировала на этот социальный заказ, породив жанр научной фантастики, — назовем это жюльверновой галактикой, которая в целом представляет собой не что иное, как креативную (сбывающуюся) утопию, — вспомним о коэффициенте угаданных предсказаний фантаста Кларка. При этом сохранился и жанр собственно литературной утопии, который мимикрировал в антиутопию, например, у Оруэлла («1984») или Замятина (см. его роман «Мы») или породил некую гибридную сущность, например, у Платонова мы не обнаружим в «Котловане» или «Чевенгуре» утопии в чистом виде, хотя и до антиутопии все-таки дело не дошло.

Таким образом, по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих» широкие интеллектуальные массы Интернета ринулись создавать утопии сами, однако утопия невозможна без языка, поэтому она иногда начинается с языка, а затем уже к вымышленному языку вымысливается мир. Именно в этом, как нам представляется, суть движения конлангерства — это поиск приемлемого образа будущего, иногда настолько отстоящего от настоящего, что и язык в будущем должен быть другой.

Очень характерны в этом отношении миры и языки, которые вымысливаются в Интернете. Эти построения, как правило, креативны, они могут быть воплощены в будущем в реальность. Поэтому «Утопия планеты Атэа» в русскоязычном Интернете (Рунете) со своим конлангом **эналь** без мужского рода, ультрафеминизмом и однополостью не менее опасна, чем маскулинный мир американского сериала «Star Trek» со своим вымышленным языком клингоном, в котором наблюдается острый дефицит невоинственных слов. Конечно, можно на это возразить, что это не дело лингвиста — давать социологическую оценку вымышленным мирам, дело автора изучить их языки. Наверное, так оно и есть, но мы не смогли удержаться хотя бы от «набросочной» оценки упомянутых виртуальных построений.

В первом из появившихся на русском языке исследований по этой тематике автор подходит к вымышленным языкам с лингвистических позиций, описывает априорность или апостериорность придуманных языков, устанавливая приблизительную степень того и другого. Становится понятной степень подобия придуманного языка реальному языку, которая, по данным О.Н. Шуваловой, в значительной мере соотносится с профессиональной лингвистической подготовкой автора языка. В конечном итоге О.Н. Шувалова создает исходную классификацию вымышленных языков, которая выстраивается на разных основаниях: по ориентации на апостериорность — априорность, по инсталлированности в вымышленный мир, по степени осуществленности в нем, по образу автора, по характеру задачи конструирования языка, по степени наивности проекта, по развитости языка. Вполне понятно, что из многих тысяч вымышленных языков лишь немногие могут быть признаны развитыми и совершенными. К числу таких относятся эльфийские языки Толкина из саги «Властелин колец», уже упомянутый клингон, а также и конланг D'ni.

Поразительным фактом является то, что язык клингон покинул границы вымышленного мира и начал употребляться в качестве языка общения людей в реальном мире. Возможно, что проекты создания искусственных языков типа эсперанто (auxlang) обретут второе дыхание в результате конлангерского движения.

Литература

1. Зусман В. Г. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие / В.Г. Зусман и др. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – 320 с.
2. Мельников Г. П. Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г.П. Мельников; отв. ред. Л.Г. Зубкова; Ин-т языкознания РАН. – М.: Наука, 2003. – 394 с.
3. Шувалова О. Н. Вымышленные языки в Интернете: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Н. Шувалова. – М.: ПроСофт-М, 2006. – 273 с.

Kirov Ye.F.

Concepts and Concept Sphere of Language and Mentality

The idea of concept is topical nowadays as a kind of general thought, which is perceived by the whole language community. A definite number of concepts forms the concept sphere of ethnos community providing the interpretation of the world and being reflected in literature so as to take part in building up an image of the future. Absolutely new situation takes place, when the world language community is formed: variants of world literature appear, but no any general language corresponds to them. There appears a necessity to form a universal world language.

Key words: concept; concept sphere; mentality; image of the future; language

Ж.В. Ганиев

Необходимый тип эксперимента в развитии современной орфоэпии

Русская орфоэпия после указаний Петра Великого о переходе литературного языка на национальную основу и переводе алфавита с церковнославянского на «гражданский» приобрела полемический характер. И по сию пору она остается ареной споров и несогласий. Положение необходимо выправить путем унифицированного орфоэпического эксперимента, учитывающего все возможные коды произношения.

Ключевые слова: произносительная норма; эксперимент; дискуссия; обоснованная орфоэпия

Начало орфоэпии в России относится ко времени возникновения фонетики, т.е. к осознанию того, что звучание не идентично графике и алфавиту: к 1729–1731 гг., времени написания и издания «Начальных основ русского языка» В.Е. Адодурова (точнее, фонетико-графической их части), переведенных на немецкий язык (*Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache*) и приложенных к Вейсманнову словарю (немецко-латинский словарь, переведенный на русский язык: *Teutsch-Lateinisch- und Rußischen Lexicon* 1731)¹. Намного шире русская орфоэпия изложена позже, в лекционном курсе Адодурова 1738–1740 гг. для студентов академического университета в Санкт-Петербурге [11]. Во многом перекликается с указанными работами Адодурова более полный труд его коллеги В.К. Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи» (1748). Орфоэпию отличала преемственность, поскольку это было связано с традициями в книжном произношении (учитель тщательнее наблюдал «правоизглашение», нежели правописание ученика); каждый автор внимательно изучал прескрипции предшественников. Вслед за Тредиаковским может быть рассмотрена компромиссная концепция Ломоносова. (Кстати, о традиции изучения работ предшественников: Ломоносов нелестно отзывался о работе Адодурова 1731 г., а о курсе лекций последнего по русскому языку в академическом университете 1738–1740 гг. ему ничего не было известно [11].) С Тредиаковским у Ломоносова по вопросам орфоэпии и по многим проблемам филологии и поэзии были непримиримые споры; неприязненно относился к «разночинцам» в поэзии и в филологии (по вопросам нормы в языке), т.е. к Тредиаковскому и Ломоносову, А.П. Сумароков, потомственный дворянин, генеральский сын, выпускник

¹ Перевод понадобился для членов Академии, у которых немецкий и латинский языки были рабочими языками.

престижного в 40–50-е гг. XVIII в. Пажеского корпуса в Санкт-Петербурге. М.И. Сухомлинов, составивший обширную историю императорской Российской Академии наук, считал такую неприязнь и непримиримость в обсуждении концептуальных вопросов характерной особенностью именно XVIII века. Увы, споры, иногда в резком духе, сопровождали обсуждение орфоэпических вопросов и в XIX, и в XX, и даже в XXI веке.

Начиная с «Писмовника» Н.Г. Курганова 1769 г. до Русских грамматик А.Х. Востокова 1831 г. [3, 8] пролегает полоса, на которой в результате борьбы между «архаистами» (шишковистами) и «новаторами» (карамзинистами) обозначился перелом в русском произносительном стандарте: от постоянных ссылок на церковнославянский язык пришли к утверждению московского говора дворян (интеллигентов) в качестве общенациональной нормы. Но это не была безусловная победа. Когда говор в течение более чем полувека правомочно претендовал на положение общерусского литературного образца, имелось немало ученых, деятелей культуры, литературы, противившихся этому (среди них были и уроженцы Москвы).

Определенный вклад в культуру публичного, общественного произношения (имея в виду в первую очередь технику речи, дикцию) внесли практики театра 2-й половины XIX – начала XX в. (в частности знатоки сценического произношения). Близость их к орфоэпии была очевидна и в 30–50-е гг. XX в., когда консультантами лучших (ведущих) театров являлись Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, К.И. Былинский.

Полемический характер орфоэпии повлиял и на степень адекватности в описании современного русского нормативного произношения. Выдающуюся роль при отсутствии единства среди орфоэпистов сыграл в этом описании, без сомнения, Л.В. Щерба; настоящим «тезаурусом» («сокровищницей, полнообъемным изданием») является и пособие Р.И. Аванесова «Русское литературное произношение» (1-е изд. 1950 г. — небольшое пособие для учительских институтов, 6-е изд. 1984 г. выросло более чем вдвое за счет очерка звуковой системы русского языка, схем профиля артикуляций звуков, а также обширного справочного отдела типа «От буквы к звуку» [1: с. 52–76, 246–377], что ощущается как переключки с щербовским параграфом «Правила чтения букв и буквенных сочетаний» в академической «Грамматике русского языка» [6: с. 90–97]. Аванесовская книга была подвергнута критической оценке как у нас в стране, так и за рубежом.

Серьезный вклад в орфоэпию внес также ученик Аванесова М.В. Панов. Всех этих ученых уже нет с нами — и что же? Споры не прекращаются до сих пор. Например, в последние годы, петербуржец, научный сотрудник Института русской литературы Р.Б. Тарковский, не ощущающий разницы между традициями стиха и орфоэпией «практической» речи, внес в спор ожесточенные нотки по поводу произношения слов *скучно*, *конечно* и др. [10]. Накал борьбы вокруг нормы в произношении не шел и не идет ни в какое сравнение ни с обсуждениями нормы в лексике (и фразеологии), ни в словообразова-

нии и грамматике [см.: 5: с. 3]. На фонетических научных конференциях наибольший интерес постоянно вызывают доклады и сообщения, посвященные специальным проблемам орфоэпии. Каждый раз подбираются необходимые, более или менее убедительные критерии (ссылки на традиции, авторитетные мнения, на роль статистических данных, район употребления и т.д.), чтобы считать вариант орфоэпически предпочтительным или, наоборот, не считать его таковым. Каждый раз необходимо подкрепить свою точку зрения, как это делали классики орфоэпии.

Несмотря на почти трехсотлетнее активное существование русской орфоэпии, никто из исследователей не ставил своей задачей отыскать причины постоянного «напряжения», несогласия одних специалистов по орфоэпии с мнениями других, выраженных в устной или письменной форме в различных жанрах полемики. Автор не только обобщил данные на протяжении всего существования орфоэпии, но и предложил на основании собственной теории метод и методику, способные примирить полемистов, внести в ситуацию объективность (в общерусском нормативном понимании).

Предметом исследования является произносительная практика, «колеблющаяся» внутри «пространства» между просторечным (вненормативным) и побуквенным («школярским») произношением. Объект исследования — определение факторов, детерминирующих (зачастую без осознания этого коммуникантами) выбор неких вариантов произношения, составляющих систему.

Целью этой работы является формулирование метода и методики исследования произношения, которые с учетом предшествующей истории орфоэпии могут служить унифицированным подходом к материалу, вытекающим из объективной научной данности нашей речи.

Сопоставление научных концепций специалистов по русской орфоэпии XVIII–XXI вв. для получения научно обоснованного подхода к реальности нашего произношения составляет теоретическую ценность исследования. Практическая значимость его сопоставима с переходом от освоения алфавита (графики) к изучению человеком научных направлений или художественных методов и их жанров. Так и в настоящее время при обследовании звучания нормативной речи нельзя ограничиваться соответствующими учебными пособиями и орфоэпическими словарями (включая словари трудностей произношения): расширенное и всеохватывающее понимание текстовых (дискурсных) «позиций» с определением корреляционной зависимости, дисперсионный анализ, призванный показать значимость фактора и сам факторный математический анализ могут определить степень связи между взаимодействующими явлениями. Останавливаться на сегодняшнем, идущем от XIX в., понимании элементов стилей (кодов) произношения означает отказ от изучения одной из тайн речи (произношения), как и вообще говорящего (и слушающего) человека. Использование, наряду со «слуховым» методом, современной экспериментальной и вычислительной техники делает такое исследование соизмеримым с продолжительностью жизни одного-двух поколений ученых.

К такому идеалу стремились многие русские фонетисты, сравним слова из вступительной лекции В.А. Богородицкого (произнесенной около 130 лет назад): «При изучении речи мы встречаемся с большими затруднениями. Однако какие огромные трудности преодолевали в области других наук!.. Все это побуждает нас потрудиться для языковедов будущего времени — передать им возможно точным образом речь нашего времени» [2: с. 2–3].

Орфоэпия — часть культуры речи, дисциплина теоретическая и практическая, которая, с одной стороны, исследует проблемы нормализации произношения, обосновывает сами нормы, а с другой — призвана определять, насколько речь правильна (нормативна) и в какой мере соответствует общественным представлениям о мастерстве и выразительности. В последние десятилетия XVIII в. наряду с термином «орфоэпия» была предложена и русская калька «правопроизношение». В основе орфоэпии, как части культуры нации, функционирует понятие речевой нормы, то, что «правильно» или «неправильно»; в этом, а также в основе возможных (разрешенных) вариантов содержится аксиологическая (оценочная) составляющая [7: с. 268]. Очень многое в орфоэпии ускользает от внимания неспециалистов, поскольку произношение по сравнению с лексико-грамматическими уровнями речи слабо связано с сознанием, мышлением. Недаром один из учредителей Института живого слова в Петрограде (1918 г.), ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы проф. Л.П. Якубинский писал о тех, кто анализирует стихотворную речь или занимается орфоэпией, что у них звуки речи всплывают «в светлое поле сознания» и что внимание сосредоточено на них [14: с. 19]. Это мнение связано с античным противопоставлением стихотворной и «практической» речи. В практическом языковом мышлении внимание говорящего не сосредоточивается на звуках, звуки не имеют самостоятельной ценности, служа лишь средством общения. Смысловая сторона слова (значение слова) играет в практическом языке большую роль, чем звуковая, что вполне понятно [14: с. 38].

Орфоэпические оценки присутствуют в любых литературных языках. Специфика русского литературного языка состояла в том, что вплоть до первых десятилетий XIX в. у многих видных теоретиков гуманитарных дисциплин сохранилось мнение об уместности (частичной) присутствия в нашем нормативном языке балканского по происхождению церковнославянского языка. Что касается исконно русского («нежного») языка, то ему многие отказывали в признании в качестве государственного, не считали достойным теоретического изучения и кодификации. Связано это было с противопоставлением, как называли его, «мужицкого» просторечия (т.е. автохтонного языка) правильному «славянскому» или «славянскому» языку (диглоссия). С одной стороны, была книжная традиция, а с другой, в XVIII в., в связи с развитием светской культуры после указаний Петра Великого о замене церковнославянского языка на книжный исконно русский, против фактов живого языка ученому, устоять уже было невозможно, если он не являлся заренелым консерватором не руководствовался политическими мотивами в быстро меняющейся российской государственности (после кончины Екатерины I шесть

дворцовых переворотов за три десятилетия). Такая непримиримость в отношении основы книжной речи (в том числе основы книжного произношения), непризнание других точек зрения, обстановка борьбы (отстаивание традиционных представлений или оспаривание их со стороны тех, кто стремился развивать исконную, живую русскую речь) и составляет специфическую особенность отечественной орфоэпии с середины XVIII до начала XIX в. Данная работа не история литературного произношения, в ней нет описания, например поэтапного изменения русских произносительных систем за последние три века, но есть борения концепций и человеческих страстей.

Невозможно научиться нормативному произношению, только читая (а не слушая!) тексты; так это было на Руси сотнями лет — учащиеся под руководством дьячков повторяли прочитанное вслух, овладевали традиционным книжным церковнославянским произношением, поскольку в основе русского правописания лежат не правила побуквенной передачи звуков языка, а иной принцип. В русской книжной культуре традиционное произношение играло более важную роль, чем усвоение основ правописания. Условны (конвенциональны) и нормы современного литературного произношения.

Надо сказать, что роль литературы в выработке русских общенациональных норм произношения была иной, нежели в лексике, фразеологии, словообразовании, грамматике. Установление современных фонетических норм завершилось позднее, чем это было, например, с нормами в словоупотреблении и грамматике. Объяснение этому надо искать в истории политической и культурной жизни русского общества. Потребность в единых произносительных нормах проявилась с развитием в государстве публичной речи (театр, гласный суд с 1864 г., Государственная дума с 1906 г.). В выработке норм выдающуюся роль сыграл русский театр, ставший школой и хранителем общепринятого произношения и его традиций. С середины XVIII в. отличную от живой речи манеру произношения вырабатывал императорский Александринский театр во главе с А.П. Сумароковым. С середины же XIX в. русские орфоэпические нормы стали формироваться главным образом в речи московской интеллигенции — у потомственных ученых императорского Московского университета, на сцене Малого театра, который возглавлял А.Н. Островский, а из ученых и театральных кругов Москвы эти нормы распространились в той или иной степени в других культурных центрах страны. Огромную роль в распространении общенациональных стандартов произношения с 20–50-х гг. XX в. сыграла общедоступность радио, звукового кинематографа, телевидения.

Образцовое русское произношение называют литературным, однако употребление этого термина применительно к звучанию по существу условно и не очень точно; термин «литературное» к произношению в общенациональной нормированной речи по изложенным выше причинам может быть применен с известной оговоркой. Будет точнее общенациональное орфоэпическое произношение называть нормативным. В жизни встречаются случаи, когда чтение вслух или спонтанная речь в лексико-грамматическом отношении

оформлены приемлемо, хорошо или даже безукоризненно, а звуковое оформление включает много ненормативных элементов, страдает диалектными отступлениями от нормы. Д.Н. Ушаков вспоминал, что у таких известных представителей русской интеллигенции, как писатель В.Г. Короленко и историк, лектор Московского университета В.О. Ключевский, писавших прекрасным общепринятым литературным языком, были явные диалектные отклонения в их русском произношении — южные у Короленко и севернорусские (оканье, например) у Ключевского [12: с. 6]. Фонетические следы говоров слышны в устной речи многих наших современников, пишущих правильным литературным языком, — у политических и государственных деятелей, у журналистов, деятелей литературы, искусства, науки и т.д.

Во многих странах с центростремительными культурными, политическими и экономическими процессами (при выдвигании столиц) нормированный национальный язык стал называться литературным несколько сотен лет назад — в знак признания роли национальной литературы в процессах формирования, развития, расцвета лексико-грамматических норм, стилистических и жанровых образцов в языке. Конечно, в пособиях нормированное произношение называли и будут называть литературным, это стало давней традицией, хотя адекватно понять сочетание «русское литературное произношение» после сказанного затруднительно, это конвенциональное решение.

И, наконец, сопоставление определений рамок орфоэпии в XVIII в. и позже с тем, как они сформулированы в 1967 г. М.В. Пановым и другими, обнаруживает свою противоречивую сущность. Во времена господства диглоссии, а потом позднее, при описании московского произношения, вплоть до монографии Аванесова «Русское литературное произношение», пособий его учеников К.В. Горшковой, В.В. Иванова и др. в понятие орфоэпии входило описание всех особенностей русского вокализма и консонантизма. Такое изложение было рассчитано на учащихся, не вполне освоивших нормативное произношение (первое издание «Русского литературного произношения» Р.И. Аванесова, например, было предназначено не для вузов, а для учительских институтов, которых в СССР было не меньше сотни и в которых обучались десятки тысяч носителей диалектов). Позже, когда нормы произношения (в том числе под влиянием радио, кино, телевидения) укрепились, стало ясно, что в орфоэпии, в отличие от фонетики, необходимо обратить внимание главным образом на «трудности произношения» (как сформулировали круг явлений Панов, Розенталь, Теленкова, Каленчук, Касаткина, Касаткин, Горбачевич и др.), т.е. на уместность употребления вариантов. Фонетика в этих случаях описывала системные явления, практически не знающие исключений (система глухих–звонких согласных фонем при четком произношении, сильные и слабые позиции гласных фонем не в соседстве с сонорными и некоторыми другими согласными и т.д.). Любая система, в соответствии с общеметодологическим положением, в своем функционировании допускает определенные колебания, зависящие от позиций в тексте (с учетом всех текстообразующих факторов), в фоноабзаце, во фразе, в синтагме и наконец не укладывающиеся

ся в уже зафиксированные регулярности в словоформах. В соответствии с этим орфоэпия изучает не всю фонетическую систему с возможными флюктуациями, а только исключения из фонетической системы («фонологические подсистемы» (см.: [9]) и специальные позиционные колебания в тексте) и т.д. Близкий к этому материал описывал в 70–80-е гг. XIX в. В.А. Богородицкий (см. его чтение текста «Ось и чека» по В.И. Далю). В отличие от массовых фонетических закономерностей (например, в четкой речи), внесистемные и специальные позиционные явления, которые изучает современная орфоэпия, носят единичный, дробный характер, касаются отдельных словоформ (например, реликты нормативного [γ], гласный [ы³] на месте <a> в 1-м предударном слоге после твердых шипящих, нулизация гласных и согласных звуков и т.д.) или отдельных участков текста, но эти случаи все же важны для культуры нормированного произношения. Вызвано это тем, что слушатель склонен переносить, экстраполировать свое впечатление от звукового оформления речи на общий культурный уровень говорящего. Если, например, говорящий плохо разбирается в исключениях (подсистемах, например, в произношении заимствований или различении написания и произношения и т.д.) в нормированном звучании, то снижается впечатление о самом существовании речи и затрудняется достижение поставленных ею целей, ее воздействие (ослабляется контакт).

Такое разделение науки о звуковом уровне языка на регулярную фонетику и «выборочную» орфоэпию было подготовлено еще 100 лет назад, недаром известная книга о нормированном (московском) звучании В.И. Чернышева называлась «Законы и правила русского произношения» [13], где первое слово означает фонетику, а слово «правила» относится к внесистемным явлениям в звучании. Так что перед нами не ритмизированная тавтология двух терминов, а то, что 60 лет спустя обернулось новым пониманием орфоэпии.

Ни один из авторов пособий по русской орфоэпии, например в XX в., при формулировании рамок и задач науки не повторяет своих коллег «по цеху»: достаточно сравнить работы Р.И. Аванесова, М.В. Панова, Л.А. Вербицкой, М.Л. Каленчук, Н.К. Пироговой, Р.Ф. Касаткиной и др. Намного экспрессивнее было несогласие между собой авторов пособий по орфоэпии в XVIII, XIX и в I-й половине XX в. Главная причина полемики произрастала из природы, сути нормативного звучания — из ее вариативности. Конечно, вариативны нормы и на лексико-грамматическом уровне, но там они осознаются говорящими успешнее (о связи сознания, мышления с единицами уровней языка см. выше).

Литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение: Учебное пособие для учит. ин-тов / Р.И. Аванесов. — М.: Учпедгиз, 1950. — 160 с.; Аванесов Р. И. Русское литературное произношение: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов / Р.И. Аванесов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1984. — 384 с.

2. *Богородицкий В. А.* Введение в изучение русского вокализма / В.А. Богородицкий // Русский филологический вестник. – Варшава, 1882. – Т. VII. – № 1. – С. 86–112.
3. *Востоков А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная / А.Х. Востоков. – СПб., 1831; 9-е изд., испр. – СПб., 1856.
4. *Ганиев Ж. В.* М.В. Ломоносов: Русское произношение должно рассматриваться двойное — простое и ораторское / Ж.В. Ганиев // Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы / Под ред. Ж.В. Ганиева. – М.: МГПУ, 2006. – 113 с.
5. *Горбачевич К. С.* Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке / К.С. Горбачевич. – СПб.: Норинт, 2004. – 512 с.
6. Грамматика русского языка: В 2-х тт. / Под ред. В. В. Виноградова. – Т. 1. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 720 с.
7. *Кохановский В. П.* Философия науки в вопросах и ответах: Учебное пособие для аспирантов / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фахти. – 3-е изд. – Ростов н./Д.: Феникс, 2006. – 346 с.
8. *Курганов А. Г.* Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей / А.Г. Курганов. – СПб., 1769. – Со 2-го изд. – «Писмовник». Цит. изд.: Писмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия. – 7 изд., вновь выправл., приумноженное и разделенное на 2 части профессором и кавалером Н. Кургановым. – Ч. I. – СПб., 1802.
9. Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы / Под ред. М. В. Панова. – М.: Наука, 1971. – 344 с.
10. *Тарковский Р. Б.* Русская поэзия и московские орфоэпы. О произношении слов «скучно», «нарочно», «конечно» и подобных / Р.Б. Тарковский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 396 с.
11. *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. (Доломоносовский период отечественной русистики) / Б.А. Успенский. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
12. *Ушаков Д. Н.* Русская орфоэпия и ее задачи. О правильном произношении / Д.Н. Ушаков // Русская речь / Гос. ин-т истории искусств; под ред. Л.В. Щербы. – Вып. 3. – Л.: Academia, 1928. – 95 с.
13. *Чернышев В. И.* Законы и правила русского произношения: Звуки. Формы. Ударение. Сочетания слов: Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов / В.И. Чернышев. – СПб., 1906; то же // Чернышев В. И. Избранные труды: В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Просвещение, 1970. – 656 с.
14. *Якубинский Л. П.* О звуках стихотворного языка / Л.П. Якубинский // Сборники по теории поэтического языка. – Вып. I. – Пг., 1916; Вып. III. Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. – Пг.: Ополз, 1919.

Ganiev Zh.V.

A Necessary Mode of Experiment in the Development of Modern Orthoepy

Russian orthoepy acquired of controversial nature since the instructions of Peter the Great as regards rebuilding of literary language on national principles and transference of national alphabet from the church Slavic order to the civil one. And nowadays our orthoepy still remains an area of discussions and disagreements. The situation has to be improved with the help of a unified (standardized) orthoepic experiment which takes into account all possible codes of pronunciation.

Key words: pronouncing norm; experiment; discussion; valid (well-grounded) orthoepy

Н.М. Девятова

Сравнение в простом предложении: об особенностях субстантивной сравнительной модели и ее места в синтаксическом поле сравнения

В статье рассматривается одна из форм выражения сравнения — простое предложение с субстантивным подлежащим и сказуемым — и ее место в системе русского сравнения. Ограниченность модели связывается с невыраженностью в ней такого компонента, как признак сравнения. Особенность модели объясняется модусной рамкой конструкции, ролью союза в оформлении сравнительной конструкции.

Ключевые слова: сравнение; компоненты сравнительной модели; модусная рамка

Сравнение, представляющее сопоставление двух объектов на основании их общего признака, реализуется в языке разнообразными синтаксическими конструкциями: сложноподчиненным предложением с придаточным сравнительным, предложениями со сравнительным оборотом, структурами простого предложения. Каждая из таких конструкций представляет реализацию общей сравнительной модели, включающей субъект (то, что сравнивается), объект сравнения (с чем сравнивается), общий признак сравнения и показатель сравнительного отношения [3]. Объединенные общим сравнительным смыслом, разноструктурные образования составляют синтаксическое поле сравнения, организованное вокруг прототипической сравнительной конструкции.

Прототипической конструкцией сравнения мы считаем сложное предложение с придаточным сравнительным, поскольку в такой конструкции находят эксплицитное выражение все компоненты сравнительной модели, при этом сравниваемая и сравнительная ситуация выражены отдельными предикативными единицами, имеющими собственные показатели предикативности: наклонение, время и лицо.

В настоящей статье рассматриваются сравнительные конструкции, представляющие простое предложение, в которых показатель сравнительного отношения — союз — занимает место между субстантивными подлежащим и сказуемым: *Дыханье Рима — как сухие травы* (А. Тарковский); *Он говорит, что в мире все нам снится; Что волосы мои сейчас как илем, Что все пройдет... Молчу — и надо всем Улыбка Даниила-тайновидца* (М. Цветаева).

Перед сказуемым в такой конструкции может употребляться не только союз КАК, но и модальные союзы. Что касается значения конструкций с разными сравнительными союзами, в науке высказывалось мнение о том, что

именно позиция перед субстантивным сказуемым является позицией нейтрализации присущих им различий. Ряд исследователей раздвигают границы синонимии: «Синонимичные связи и отношения устанавливаются между сравнительными оборотами с союзом *как*, структурами с модальными союзами *будто*, *точно*, *словно*, *ровно*, *чисто*, *что* и др. ..., сочетаниями с предлогами *подобно*, *вроде* и др., творительным сравнения, наречным образованием на *по-*, а также с прилагательными» [4: с. 6]. Ср.: «Союз *будто* имеет целый ряд вариантов — *как будто*, *будто бы*, *как будто бы...*, *точно*, *словно*, *ровно*, используемые в русском языке и просторечии» [2: с. 252].

Проблема значения союза и его роли в организации сравнительной конструкции в наших работах решается как часть более общей проблемы — диктумно-модусной организации сравнительной конструкции. Показатель сравнительного отношения при этом рассматривается как способ выражения модуса сравнительной конструкции, а проблема синонимии исследуемых единиц — как проблема модуса сравнительной конструкции.

Какое место занимают такие конструкции в синтаксическом поле сравнения? Каково их отношение к прототипической конструкции? Как в них реализуется общая модель сравнения? Чем отличаются сравнительные конструкции от конструкций метафорических *Дыханье Рима — сухие травы*? Ответы на поставленные вопросы позволят прояснить особенности исследуемой сравнительной формы.

Отличие исследуемой сравнительной модели состоит в том, что в ней субъект и объект сравнения занимают в предложении позиции подлежащего и сказуемого. Признак сравнения оказывается не в явной форме, а сами субъект и объект сравнения представляют свернутые ситуации, каждая из которых может быть развернута: *Мои волосы сейчас такие жесткие, как шлем*. В свою очередь, и сравнительный оборот может быть развернут в отдельное предложение: *шлем жесткий*.

В простом предложении субъект сравнения занимает позицию подлежащего (субъекта), которому приписывается предикативный признак. Предикат такой конструкции выражает качественную характеристику. Какими семантическими особенностями характеризуются субъект и объект сравнения в такой конструкции? В какой степени их значение определяет общее значение конструкции и влияет на значение общего признака сравнения?

Позицию подлежащего в таком предложении могут занимать существительные разных лексико-грамматических классов: конкретные существительные с личным и предметным значением, существительные отвлеченные и абстрактные. Что касается объекта сравнения, то, представляя предикативный компонент предложения, он называет качественный признак, и это в определенной степени ограничивает его выбор. Не всякое одиночное существительное может выразить качественный признак, поэтому чаще всего конструкция представляет распространенный предикат. Ср.: *Волосы как шлем*, но **Дыханье Рима — травы*. Или:

Глаза — как выцветший лопух,

В руках зажатые монеты (С. Есенин). — *Глаза светлые*. Но **Глаза — лопух*.

Особенности значения предикативного компонента и общего признака сравнения во многом зависят от того, что с чем сравнивается в сравнительной конструкции. Рассмотрим отдельно каждый из таких сравнительных типов.

1. Субъект сравнения называет лицо.

В таких конструкциях могут выражаться разные признаки лица: признаки внешности и признаки, передающие внутренние состояния. Обычно объект сравнения выражен нарицательным существительным. Например:

*Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган* (С. Есенин).

Союз КАК реализует ментальную модусную рамку: *все знают, каким бывает туман*. Существительное — объект сравнения — имеет обобщенную референцию.

Особенность выражения сравнительной модели состоит в том, что признак сравнения выражается не в самом предикате, а в его синтаксическом окружении: *В легендах Александр стал белесым, как туман*. Или:

*Нам башка Емельяна — как челн,
Потопающий в дикой реке* (С. Есенин).

При представлении внутренних состояний лица объект сравнения представляет наглядный образ. Например:

*Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал как желтый скелет* (С. Есенин).

В метафорическом представлении истерзанности, опустошенности души участвует наглядный образ телесного измождения. Или:

*Был я весь как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий* (С. Есенин).

Без распространения признак сравнения оказывается неактуализованным: **Моя душа — скелет*; *Я был как сад. Существительное *сад* потенциально содержит в себе качественные признаки: *много деревьев, цветущий*. Однако само существительное не может указать однозначно на выделяемый признак сравнения.

Модальные союзы, употребляющиеся в личных конструкциях, встречаются нечасто. Например:

*Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец* (С. Есенин).

Модальный союз в таком окружении выражает свою модусную рамку. Модусный субъект конструкций с модальными союзами может быть представлен как субъект гипотетической идентификации: *я и есть иностранец*. Особенность предложений со значением идентификации проявляется в особенностях референции существительного. И субъект и предикат такого пред-

ложения прочитываются как обозначения конкретных сущностей и имеют конкретную референцию. Особенность модусной рамки союза СЛОВНО мы верифицируем как «представить наглядно». При этом, представляя, модусный субъект обнаруживает внешнюю точку зрения, он смотрит на явление как бы со стороны. В номинации *иностранец* подчеркиваются внешние признаки: «*одинокий, даже внешне отличающийся от других*».

2. В конструкциях с предметными существительными степень распространенности конструкции и предиката во многом зависит от типа союза: употребляется ли союз КАК или модальный союз. Предикат в таких конструкциях представляет наглядные признаки субъекта сравнения. Например:

Прошлогодний лист в овраге

Средь кустов — как ворох меди.

Кто-то в солнечной сермяге

На осленке рыжем едет (С. Есенин).

Сравнение включается в изобразительный тип текста — с модусной рамкой «я вижу». Сравнение актуализирует два признака — количественный «много», и признак цвета «медный». Приводит ли замена союза КАК союзом СЛОВНО к появлению дополнительных смыслов? Ср.: *прошлогодний лист словно ворох меди*. СЛОВНО создает другой зрительный образ: модусный субъект — «представляющий» субъект — должен представить перед своим мысленным взором ворох меди. Зрительный образ, создаваемый при помощи союза СЛОВНО, заложен в самом слове. Этимологическую связь союза СЛОВНО и существительного *слово* отмечал Л.А. Булаховский (ссылка на работу содержится в работе Черкасовой [5: с. 171]). Мысль Л.А. Булаховского может найти подтверждение в следующем: через слово мы представляем заложенный в нем зрительный образ.

Именно особенность заложенного в слове и предмете зрительного образа, объясняет употребление существительного без распространителей. Например:

Ели словно купина (С. Есенин).

В приведенном выше примере *Глаза — как выцветший лопух* при замене КАК на СЛОВНО мы должны представить наглядный образ лопуха, а не признак цвета глаз — потухшие, выцветшие.

Лишь в контексте, где КАК употребляется рядом со СЛОВНО можно говорить об определенной нейтрализации их различий. Ср.:

Небо словно вымя,

Звезды как сосцы (С. Есенин).

В контексте изобразительного регистра слово само может создавать зрительный образ, поэтому в таком контексте представляется возможным говорить о стирании различий между КАК и СЛОВНО. При этом зрительный образ при союзе КАК создается распространенным объектом сравнения. Например:

Тучи — как озера.

Месяц — рыжий гусь (С. Есенин). Или:

Нефть — как черная кровь земли.

Нефть на воде как одеяло перса (С. Есенин)

Однако чтобы говорить о нейтрализации различий союзов, необходимо иметь более сильные условия: 1) встречаемость рядом с другим сравнением, оформленным союзом СЛОВНО, 2) общий контекст изобразительного регистра. Различие в значении конструкций состоит в том, что зрительный образ, представляемый при помощи СЛОВНО, извлекается из самого слова и предмета, тогда как зрительный образ в конструкции с КАК создается контекстным окружением.

3. В конструкциях с субъектами неконкретного и абстрактного значения сравнение не эксплицирует наглядный образ. В таком контексте употребляется только союз КАК.

Его стихи — как телогрейка (Есенин).

Общий признак такого сравнения задается контекстом — «стихов российских жар» и представляет собой ментальный признак.

Я Вас люблю. — Как грозовая туча

Над Вами — грех —

За то, что Вы язвительны, и жгучи

И лучше всех... (М. Цветаева).

И уточняя: *Брюсов не с рифмой сражался, а со своей нерасположенностью к ней. Поэзия, как поприще для самоборения* (М. Цветаева).

Что касается проблемы соотношения сравнительной и метафорической субстантивной модели, следует признать метафорическую модель — результатом следующего когнитивного шага [ср. 1]. Если сравнение выделяет общий признак, то в метафоре он сознается как признак постоянный. Ср.:

Несказанное, синее, нежное...

Тих мой край после бурь, после гроз.

А душа моя — поле безбрежное —

Дышит запахом меда и роз (С. Есенин).

Особенность метафорического представления признака — совмещение разных модусных значений конструкции (*как поле, словно поле*), ментальных и визуальных признаков предмета.

Итак, субстантивная сравнительная модель представляет собой свернутое выражение двух сравниваемых ситуаций с особым представлением такого компонента сравнительной модели, как признак сравнения. Это модель со значением качественной характеристики лица или предмета. Такая модель, наряду с предложениями со сравнительным оборотом, представляет один из вариантов редукции прототипической конструкции, и в синтаксическом поле сравнения ее место — рядом с конструкциями со сравнительным оборотом.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. В. П. Григорьев. — М.: Наука, 1979. — С. 147–174.

2. *Йенс Нергор Серенсен*. Союзы что, чтобы, как, будто в русском языке / Йенс Нергор Серенсен // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. ст., посвященный юбилею Г.А. Золотовой / РАН; Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; сост. Н.К. Онипенко. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 242–253.
3. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – 2-е изд. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
4. *Кононенко В. И.* Синонимика синтаксических конструкций с сравнительным союзом в современном русском литературном языке / В.И. Кононенко. – Киев: Гос. пед. институт им. М. Горького, 1967. – 273 с.
5. *Черкасова Е. Т.* Русские союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования / Е.Т. Черкасова. – М.: Наука, 1973. – 221 с.

Devyatova N.M.

Comparison in a Simple Sentence (on Specific Features of Substantiv Comparativ Model and its Place in a Syntactic Field of Comparison)

One of the forms of expression of comparison — a simple sentence with a substantive subject and a predicate – and its place in the system of Russian comparison is considered in the article. Limitation of the model is accounted for by non-expression of such a component as a comparison sign in it. Distinctive features of the model are accounted for by modus framework of construction and the role of conjunction in shaping of comparative construction.

Key words: comparison; components of comparative model; modus framework

М.В. Захарова

Языковая игра (современный этап)

В статье анализируются общие черты современного этапа развития русского языка, выступающие в качестве предпосылок для активизации роли языковой игры. Особое внимание уделяется уточнению определения термина «языковая игра». Рассматривается интертекстуальность современного языка как одно из проявлений языковой игры. Определяется и характеризуется специфический жанр, порожденный языковой игрой, — игровой текст.

Ключевые слова: языковая игра; интертекст; языковая ошибка; игровой текст; норма

Элементы языковой игры присущи большинству развитых языков практически в любую историческую эпоху, однако наиболее продуктивными с данной точки зрения являются, на наш взгляд, переходные периоды в развитии языка и цивилизации (культуры, нации, страны) в целом. Скорее всего, это связано с большей проницаемостью и меньшей стабильностью языковой и речевой нормы в эти моменты развития языка, а также с возрастающим стремлением носителей языка к экспериментам во всех сферах жизни, в том числе и в языке.

Здесь хотелось бы оговорить, что мы определяем языковую игру как **преднамеренное целевое нарушение общепринятой нормы, совершаемое носителем языка для реализации определенных задач**, то есть речь идет об игре в самом широком смысле данного слова: балагурство, языковая шутка, пародия, интертекст, тропы, каламбуры, языковые анекдоты, игровой текст (как особый тип широкого взаимодействия автора и читателя в игровом поле текста).

Современный период развития русского языка оказался чрезвычайно благоприятным для данного процесса, и языковая игра затронула все сферы бытования языка как в литературной, так и во внелитературных формах. Причем проявления игры в современном языке становятся все более разнообразными, многоплановыми и многоуровневыми.

Языковая игра активно представлена и в разговорной, и в письменной речи — в обеих сферах можно видеть обозначенную выше картину. К примеру рассмотрим характерное для современного состояния языковой игры явление в письменной (литературной) речи: многоуровневый игровой текст, требующий от читателя не только желания быть вовлеченным в игровое взаимодействие (что является необходимым условием самого существования языковой игры), не только достаточного уровня языковой компетенции (без чего игра не может быть продуктивной и целесообразной), но и высокой эрудиции, вовлеченности в современное общекультурное семантическое поле.

Рассмотрим пример, наиболее ярко иллюстрирующий подобное явление:

...Петухи, собравшиеся было прокричать свой первый утренний клич, торопились спрятаться за тынами и уже оттуда возмущенно призывать солнце взглянуть на происходящее безобразие.

— Всем выйти из сумрака! — во все горло командовал Лис, разряжая в сторону ворот оба пистоля. — Ночной дозор!

Уж не знаю, почему Сергею вспомнилось это полотно кисти Рембрандта, но распоряжение его было выполнено незамедлительно.

(фрагмент романа В. Свержина «Колесничие Фортуны»).

На первом уровне игровой ситуации — стандартная аллюзия: скрытая цитата из фильма «Ночной дозор». Однако источник аллюзии слишком новый и массовый (обычно источниками являются цитаты из литературных произведений, хорошо известных образованным носителям языка и закрепившихся в их сознании как значимый факт культуры). В современной языковой ситуации данная цитата воспринимается скорее как отсылка к использованию ее в разговорной практике, где она закрепились в значении «Внимание! Беру ситуацию под свой контроль!», а также к многочисленным пародийным использованиям данного высказывания.

Таким образом, столкнувшись с этой фразой, грамотный читатель уже на первом уровне получает двойную игровую ситуацию: установить происхождение цитаты (стандартная задача при аллюзии) и разобраться с контекстуальным шлейфом, который существенно различается в зависимости от предполагаемого источника цитирования: непосредственно фильм, текст книги, разговорное употребление, пародия.

А далее фиксируется и второй и третий уровень игры: во-первых, рассказчик не опознает цитату. Это разъединяет героев произведения по фоновым знаниям и, одновременно, объединяет читателей с одним из героев в противопоставлении остальным, то есть реальность в сознании читателя распадается не на внетекстовую действительность и внутритекстовой вымысел, а на свою реальность (мир Лиса = мир читателя) и чужую реальность (мир Вальдара), причем раздел проходит не между читателем и текстом, а внутри текста, что приравнивает фрагменты текстовой реальности к действительности.

Во-вторых, возникает еще одна аллюзия (отсылка к картине Рембрандта «Ночной дозор»), что, в то же время, нарушает ожидания читателя, который соотносит данную цитату исключительно с эпосом о борьбе добра и зла и не фиксирует совпадение названия фильма с названием полотна Рембрандта (даже зная о существовании этой картины). Вторая аллюзия придает высказыванию Лиса еще и прямое значение: бой происходит ночью, то есть в темноте, следовательно, слово «сумрак» может интерпретироваться и в своем прямом значении. То же самое относится и к понятию «ночной дозор».

Многоуровневая игровая задача заставляет читателя не только погружаться в текстовую реальность, но и вступать с этой реальностью в контакт, то есть превращаться из читателя — стороннего наблюдателя в участника

коммуникативной деятельности не только автора, но и героев произведения.

Все вышеназванные приемы на всех уровнях текста, таким образом, способствуют не только включению читателя в игровой текст, вовлечению его в языковую и, шире, культурологическую игру, но и трансформации существующей реальности в сознании этого читателя. Игра со словом, фактом; в самом широком смысле, со стереотипом сознания неизбежно приводит к разрушению либо коррекции этого стереотипа, а любая реальность сохраняется именно благодаря существованию определенного набора привычного: земля — под ногами, небо — синее, трава — зеленая... Неизменность неосознаваемых стандартов — гарантия стабильности бытия индивида. Следовательно, искажение стандартов — ключ к перестройке любой реальности.

Если художественная речь прежде всего реализует эстетические и философские задачи, то основной задачей разговорной речи по-прежнему остается передача информации. Соответственным образом трансформируется в этих сферах и языковая игра: использование игровых элементов позволяет сделать процесс коммуникации более результативным и действенным за счет разрушения стереотипов, привлечения внимания адресата, обращения к общим фоновым знаниям, что позволяет экономить время и силы обеих сторон коммуникативного акта. В то же время, в современном обществе элементы игры служат в какой-то степени и маркерам интеллектуальной значимости и общекультурной компетенции участников общения, во многом — являются одним из способов удостовериться в возможности собеседника правильно интерпретировать сообщаемое. Все это усиливает значимость и востребованность прежде всего интертекста как элемента разговорной языковой игры.

Интертекстуальные связи в речи прежде всего служат для упрощения процесса коммуникации, приближаясь по механизму воздействия к устойчивым сочетаниям типа фразеологизмов, однако сохраняя способность интертекстуальной единицы приносить в речевую ситуацию не столько лексическое значение, сколько весь контекст исходного текста.

Например, выражение «Извините, что помешал вам деньги прятать» из кинофильма «Любовь и голуби» в значении иронического извинения за вмешательство в чужие дела, на которое (вмешательство) было указано:

— *Что у вас тут стряслось? О чем сплетничаете?*

— *Ну, вот только тебя и не хватало! Не лезь!*

— *Ну, извините, что помешал вам деньги прятать...*

В разговорной речи последних лет встречается любопытное явление: «сплошной» интертекст, когда высказывание формируется из нескольких цитат, слитых в новое смысловое единство:

— *Ну что? Как получилось?*

— *Красота!.. среди бегущих первых нет и отстающих, стра-а-ашная сила... эта ваша заливная рыба... (см. «Красота! Среди бегущих первых*

нет и отстающих...» (В.Высоцкий); «Красота – это страшная сила!» (кинофильм «Весна»); «Какая гадость, какая гадость эта ваша заливная рыба...» (кинофильм «Ирония судьбы, или С легким паром»)).

Подобное употребление связано с некоей интертекстуальностью, если можно так выразиться, сознания носителей современного русского языка: слова, события, явления, ситуации связаны с определенным набором цитат из книг, фильмов, песен, мультфильмов, рекламных роликов, речи политиков, выступлений юмористов, — цитат, известных большинству носителей языка. Использование в соответствующем контексте закрепленного за ним блока цитат (или какой-либо одной) ведет, с одной стороны, к привлечению в конкретную речевую ситуацию контекста источника цитирования, с другой стороны, к снижению пафоса высказывания, снятию напряженности ситуации и т.д. («высокий слог», излишняя эмоциональность в современном языке оценивается чаще всего негативно, более предпочтительно ироническое восприятие и оценка действительности); и, наконец, в-третьих, к узнаванию интертекстуального элемента реципиентом высказывания и, следовательно, возникновению дополнительной общности между участниками коммуникации.

Долгое утомительное сидение в очереди: группа людей оформляет договор купли-продажи. Все устали, напряжены.

— *Все... Я хочу кофе...* — фраза из популярного в тот момент рекламного ролика сразу снимает напряжение: все улыбаются.

Иронический контекст вообще характерен для речи носителей современного русского языка. Это связано с действием нескольких факторов: уже упомянутое ощущение «все уже сказано»; стремление не выставлять свои чувства, эмоции, переживания напоказ, так как «всем сейчас непросто»; общее ироническое восприятие действительности («Если жаловаться на свою проблему, она становится больше; если над ней посмеяться — она исчезает»). Из-за этого ирония сопровождает сегодня большинство устойчивых выражений (говорящий осознает их общеизвестность и как бы извиняется за нее). С этой подчеркнутой ироничностью связано еще одно явление, характерное для современного состояния русского языка: устойчивые выражения (пословицы, поговорки, фразеологизмы, цитаты) чаще употребляются в намеренно искаженном виде, чем в исходной форме: ***Без труда не выловишь и селедку из лужи. Не делай из мухи космический корабль.***

Особое место языковая игра занимает, на наш взгляд, и в интернет-коммуникации (если описывать данным словом всю сферу особого речевого взаимодействия, где посредником выступает электронный носитель информации: электронное письмо, смс-сообщение, чат, форум, «аська»). Прежде всего здесь следует отметить «олбанский язык» (например, ставшее уже общеизвестным «Превед, медвед!»). Это явление вызывает многочисленные нарекания со стороны образованной части общества, однако представляет собой не что иное как орфографическую языковую игру: сознательное нарушение

нормы, необходимое автору для реализации некоей цели. В данной связи, целесообразно будет отметить важное условие игрового взаимодействия автор-адресат — обязательное знание (на сознательном или, хотя бы, бессознательном уровне) нарушаемой нормы. Если кто-либо из участников коммуникативного акта не знает либо не признает некую норму, то языковая игра, построенная на ее нарушении, невозможна, а следовательно, и коммуникация не будет успешной. Следовательно, написание «превед медвед» имеет смысл только в том случае, если и автор, и любой из его читателей знают, что правильным будет вариант «Привет, медведь!», в противном случае данный текст станет немотивированным нарушением нормы, то есть ошибкой, затрудняющей коммуникацию и препятствующей ее успешности, так как данное написание не соответствует ни орфографической ни орфоэпической норме.

Указанная черта вообще является определяющей для языковой игры как факта лингвистической и культурно-языковой действительности: игровое взаимодействие предполагает высокий интеллектуальный, языковой и культурный уровень обеих сторон коммуникации, так как и кодирование и декодирование «игрового» сообщения предполагает целенаправленные интеллектуальные усилия обеих сторон.

Таким образом, на наш взгляд, появляющаяся наиболее активно в сложные, переломные, периоды развития языка и общества в целом языковая игра становится не только показателем нестабильности нормативной структуры языка, но и своеобразной проверкой устойчивости и значимости для носителей системы языковых и речевых (и шире, общекультурных) норм.

Литература

1. *Свержин В.* Колесничие Фортуны / В. Свержин. – М.: АСТ, 2004. – 398 с.

Zakharova M.V.

Linguistic Game Today

The general features of the present state of the development of the Russian language are analysed in the article as pre-conditions for stirring up of the role of linguistic game in all its manifestations. A special attention is called to clarification of the definition of the term «linguistic game». Intertext in the modern language is examined as one of the manifestations of linguistic game. A specific genre raised by linguistic game — a game text — is also determined and characterized in the article.

Key words: linguistic game; intertext; language error; game text; norm

И.И. Матвеева

Критика политических мифов 1920-х годов в повести А. Платонова «Город Градов»

В статье показано, как отразились в творчестве Платонова-сатирика такие политические мифологемы, как миф о «кухарке, управляющей государством», о «советских служащих — слугах народа», о ведущей роли пролетариата в жизни страны и др. Не ставя перед собой цели разоблачить ложность привлекательных лозунгов, Платонов в повести раскрыл корыстные цели чиновников и в духе «проективной литературы» попытался дать положительное решение проблемы государственного бюрократизма «сверху».

Ключевые слова: сатира; ирония; политика; политические мифы

В литературоведении широко распространено представление об Андрее Платонове как о писателе-эстете, «играющем» с читателем сложностью и многоплановостью образов. Произведения Платонова нередко порождают прямо противоположные трактовки, заставляя исследователей искать новые способы разгадки секрета писателя. В настоящей статье предпринята попытка объяснить появление сатиры в творчестве писателя крушением его идеальных представлений о пролетарском государстве и особом месте в нем рабочего человека.

Платонов был выходцем из рабочей среды и в молодости испытал сильное влияние революционных и пролеткультовских идей. В его стихах, рассказах и публицистике начала 1920-х годов присутствует искреннее стремление преобразовать мир, наполнить жизнь творчеством. В ранний период у писателя сложилось особое мировидение, в котором переплелись народнопоэтические представления об идеальном государстве, популярные философские теории и мифы пролетарской революции, такие как «конец истории», рождение «нового человека», построение «нового мира», где все принадлежит народу и где «каждая кухарка сможет управлять государством».

О том, насколько прочно вошла политическая мифология в сознание Платонова, говорят его статьи 1920 года: «Обучение управлению», «Борьба мозгов», «Государство — это мы» и другие, в которых Платонов призывал рабо-

чих претворить лозунги революции на практике, а для этого изменить программу школ и ввести обязательное обучение государственному управлению: «Мы <...> должны добиться усовершенствования советской системы через введение в программу трудовой школы общеобязательного предмета обучения гражданскому управлению <...>, тогда мы всех людей поставим через несколько лет на один уровень знаний, необходимых для участия во власти; и дело государства станет делом каждого, и общественная человеческая спайка станет реальной вещью. Управление государством станет обязанностью каждого, общей повинностью» [7: с. 113].

В приведенном высказывании Платонова присутствует широко бытовавший в 1920-е годы миф о «кухарке, управляющей государством». Его рождение принято связывать с именем В.И. Ленина. Например, широкою известность получил плакат И.П. Макарычева «Каждая кухарка должна научиться управлять государством», подписанный именем вождя. В действительности, Ленин в своей статье «Удержат ли большевики государственную власть» (1917) заявил: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. <...> Но <...> мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» [4: Т. 34, с. 315].

Сам Платонов действовал так, будто реализовывал призыв Ленина учиться управлять государством. В 1920-е годы на этом поприще он добился многого: стал выдающимся журналистом Воронежа, ведущим инженером-мелиоратором, под руководством которого проводились грандиозные работы по электрификации и орошению Воронежской губернии, как лучший работник он был выдвинут на высокую должность в ЦК профсоюзов в Москву.

Однако в середине 1920-х годов личная драма Платонова, связанная с его отстранением от работы в ЦК профсоюзов, совпала с крутым изменением политики государства. Рушились ленинские стереотипы, им на смену приходили новые — со слепой верой в сильного вождя, в превосходство советского образа жизни над западным, с представлением об усилении классово-борьбы, сопротивлении внутренних и внешних врагов и другие, которые Платонов в силу постоянства своих идеалов не мог воспринять. Он чувствовал ущербность многих официальных мифологем, отсутствие под ними реальной почвы.

Первым в его сознании рухнул миф о рабоче-крестьянском государстве, построенном для народа. К 1927 году Платонов настолько разуверился в нем, что всерьез задумался о политической сущности новой власти. На книге Освальда Шпенглера «Пессимизм», которая была в библиотеке Платонова, обнаружены записи, сделанные писателем примерно в это время. Во вступлении профессора Г. Генкеля, где речь идет о прогнозах О. Шпенглера в отношении будущей культуры, Платонов подчеркнул то место, где сказано, что цели социализма, как и капитализма, носят империалистический характер.

Крамольные мысли не давали Платонову покоя, обуславливая появление сатирического пафоса. Но он еще надеялся обратить внимание читателей на антидемократические тенденции, наметившиеся в обществе. Это придавало его сатире проективный характер, теоретически обоснованный в работах А. Богданова и А. Гастева, заставляло вторгаться в область идеологии и политики.

Вплоть до 30-х годов Платонов считал себя политическим писателем. В стенограмме творческого вечера во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 года он признавался: «... с самого начала своей литературной работы я ясно сознавал и всегда хотел быть именно политическим писателем, а не эстетическим. Именно в этом заключаются высший художественный такт и предельная норма искусства» [9: с. 297]. В словах Платонова нет лукавства. Он действительно преследовал благородные цели — с помощью своих произведений обратить внимание на недостатки в общественно-политической системе страны, подсказать пути их устранения, хотя, скорее всего, не мог отдавать себе полного отчета в том, насколько серьезно задевал болевые точки государственной власти.

О политической направленности таких произведений, как «Усомнившийся Макар», «Впрок», «Котлован», говорилось в статьях многих исследователей [2, 10, 12]. Между тем самая известная его повесть «Город Градов», несмотря на то, что ее принято считать антибюрократической сатирой [1, 3, 6, 8, 11], насыщена политическими аллюзиями в неменьшей степени.

Обращение к ранним редакциям «Города Градова» (первоначально — рассказа) дает не просто представление о сложной работе Платонова, пытавшегося уложить произведение в прокрустово ложе дозволенного, но позволяет высветить далеко не безобидные писательские мысли и намерения, которые в первой редакции и черновых вариантах еще не спрятаны в подтекст. Не случайно редактор повести Г.З. Литвин-Молотов, прочитав первый вариант «Города Градова», справедливо отметил скептицизм автора в отношении советской государственности. На верхнем поле рукописи он написал: «1. Действия нет! Неживо. 2. Смеха, юмора — нет. Злобы, печали, скуки, уныния полон короб. Озлобленность и отрицание даже возможности хорошего, дельного в таких условиях! 3. А получится при такой переработке хорошая сильная вещь» (Архив А.П. Платонова // ИМЛИ РАН. Рукопись рассказа. л. 1).

Редактор уловил взрывоопасный характер рассказа, а потому, уважая и ценя Платонова, с которым был близко знаком еще в Воронеже, постарался придать рассказу черты антибюрократического произведения. Литвин-Молотов надеялся на то, что официальная борьба с бюрократизмом, которая велась в это время, позволит писателю избежать критики. Но Платонов имел собственные цели, о которых было сказано выше, поэтому совместная работа с редактором превратилась в настоящую борьбу за дорогие писателю мысли [5], в результате которой Платонов был вынужден завуалировать истинный смысл многих сцен и фраз.

В «Городе Градове» скептицизм Платонова в отношении мифа о государстве, в котором все принадлежит народу, впервые облекается в сатири-

ческую форму. По мнению Платонова, на пути к воплощению идеи пролетарского государства стоит новое опасное образование, «оригинальная формация буржуазно-аппаратной демократии». Еще в 1921 году в своем фельетоне «Душа человека — неприличное животное» Платонов назвал людей «с должностью» «официальными революционерами» [7: с. 164]. Писатель не просто разглядел зародившийся класс партийной номенклатуры, он увидел его суть и показал отнюдь не общественную, а государственную структуру, агрессивную и враждебную, опасно сросшуюся с коммунистической партией и бюрократическим аппаратом.

В противовес мифу о «кухарке, управляющей государством, Платонов нарисовал в повести картину всевластия бюрократии. Он показал, что народ в «новом государстве» не играет ключевой роли, всем управляет чиновничий аппарат, который использовал завоевания революции в корыстных целях. Известную цитату из речи Шмакова на вечеринке «Кто мы такие? Мы за-мести-те-ли пролетариев! <...> Все замещено! Все стало подложным! Все не настоящее, а суррогат!» дополняют черновики Платонова, в которых мысль выражена еще более прозрачно: «Мы за-мести-те-ли пролетариев на *государственных постах*. Пролетарий только право имеет на государство, а *правим-то мы*» (здесь и далее курсив мой — И.М). (Архив А.П. Платонова // ИМЛИ РАН. Сводная рукопись. л. 26).

В черновом варианте «Города Градова» мысль о подмене субъекта власти проговаривается дважды. Например, в «Записках государственного человека» находим не включенные в поздние редакции строки: «Но что такое истинная государственность? — Это, ясно и понятно, классовая сила, превращенная в *аппарат* и сбитая в нем до плотности железа. А что такое *аппарат*? — Это коллектив чиновников. Стало быть, советский чиновник есть исполнитель диктатуры пролетариата и *заместитель пролетария на государственном посту*» (Там же, л.11).

Платонов показал полное равнодушие чиновничьего аппарата к нуждам народа. Не случайно в 1 варианте «Города Градова» возникает и затем повсюду сохраняется эпизод о том, как распределялись деньги, отпущенные Москвой на ликвидацию последствий неурожая. После бесконечных заседаний и согласований хлеб спустя 9 месяцев после неурожая получил мужик, только что вернувшийся с заработков и поэтому не имевший никакого имущества. Платонов зло высмеял способ принятия решений градовскими бюрократами, иезуитскую волокиту и чиновничий беспредел: «Наконец, Губисполком решил создать Губернскую Комиссию по борьбе с недородом, затем учредить уездные комиссии, а также волостные и сельские, потом поднять кампанию в печати и начать работу по выявлению и учету пострадавшего от недорода сельского населения. Ранее того денег не расходовать, дабы не допустить [политической]¹ ошибки. <...> Затем Губернской Комиссией по борьбе с недородом была разработана “ведомость учета крестьянских хозяйств, на восста-

¹ Здесь и далее скобках даны слова, вычеркнутые из машинописи редактором.

новление, укрепление и развитие коих может в некоторой степени повлиять частичный недород некоторых районов губернии”. Ведомость эту разослали в уездные комиссии, те в волостные, волостные — в сельские. Сельские комиссии должны эти ведомости составить, потом послать в волостные комиссии, волостные — после увязки и проработки — в уездные; уездные комиссии, помудрив, поелику возможно, посылают ведомости в губернскую комиссию. Эта комиссия, получив тучу бумаги и полистовав ее, докладывает Губисполкому свой проект оказания продовольственной помощи населению, в некоторой своей части пострадавшего от частичного недорода» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 74).

Показательно, что в основной текст этот фрагмент не вошел, как не вошел и эпизод о мужике, получившем казенный хлеб в результате применения «классовой формулы».

В повести обозначена и другая важная политическая реалья прошлого, не афишировавшаяся в советской печати. Платонов в противовес мифу о единстве коммунистической партии и народа показывает спаянность партии с чиновничьим аппаратом. Интересно, что в первой редакции оба главных героя, Шмаков и Бормотов, — коммунисты. Каждый из них считает себя большевиком, каждый умело использует партийную фразеологию. «Мы, большевики, лучше переварили в себе тысячелетний опыт Европы, чем сами европейцы, выдумавшие одно социал-демократическое тело», — пишет Шмаков в «Записках государственного человека». «Я первый, кто [из большевиков] сел за стол и взял казенную вставочку, не сказав ни одной речи!» (Архив А.П. Платонова // ИМЛИ РАН. Рукопись рассказа, л. 21) — говорит на вечеринке Бормотов.

Обращает на себя внимание эпизод, высвечивающий отношение народа к партийной верхушке. Это сцена в поезде, когда путники разговаривают с молодым «знающим парнем», «равнодушная и старческая улыбка» которого делает его похожим на чиновника Шмакова. Сравни: «Лицо его (Шмакова — *И.М.*) было беззаботным, *пожилым и равнодушным*, как у актера в забвенной игре». В машинописи к первому изданию в сборнике «Епифанские шлюзы» (1927) этот парень — комсомолец. Связь комсомола с партией хорошо понимают его попутчики. Только что мирно и раскованно смеявшиеся над хитроумной притчей старика о мордвине и русском, они враждебно встречают рассуждения парня о вреде религии: «А я у вас извинения попрошу, [товарищ коммунист] гражданин, робко выговорил все тот же неизвестный человек, что на пшено цену знал, — ежели мы навоз, допустим, на загнетку положим, а печку затопим, чтоб тепло и свет шли, то, по-вашему, вырастет трава из навоза аль нет?» В этом комическом вопросе кроется явная издевка над стремлением коммунистов построить искусственную жизнь силовыми методами. В нем, как в зеркале, отражается недоверие народа к политическим экспериментам без учета здравого смысла и народного опыта.

Характерно, что большинство разоблачающих деталей Платонов был вынужден убрать. Например, комсомолец в тексте, изданном в сборнике «Епи-

фанские шлюзы», превратился в «масляного парня — деревенского жениха». Но для Платонова принадлежность парня к коммунистическому движению была настолько важна, что он пошел на риск и вновь сделал «масляного парня» комсомольцем во втором и третьем издании повести¹.

Платонов вскрыл *сословный* характер советской бюрократии, обозначив ее истинную роль и классовую задачу — проводника высших государственных решений: «...конторский стол суть непрременная принадлежность всякого государственного аппарата. Бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расплывшиеся части народа, пронизала их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей».

Кастовость и оторванность от народа партийной бюрократии Платонов разоблачил в сцене вечеринки по поводу 25-летия службы Бормотова, подчеркнув закрытость чиновничьей «тайной вечера». Пирушка больше похожа на конспиративное собрание и происходит при наглухо закрытых двери и окнах «условного» (условленного, оговоренного заранее) дома вдовы Жамовой. Мысль о том, что бюрократия есть привилегированное сословие, спрятана здесь в подтекст и высвечивается лишь в характерных «оговорках» героев: «Ваня! Закрой, дружок, форточку! Время еще раннее, всякий *народ мимо шляется...*»; «А, в-третьих, товарищ Обрубаев, выносит ли дисциплинированный партиец внутрипартийные разногласия на обсуждение широкой массы, к тому же мелкобуржуазной, — попытаю я вас?».

В сцене вечеринки сатира Платонова становится особенно дерзкой. Так, приведенная реплика Бормотова является скрытой проекцией на речи Молотова и Сталина, на фракционную борьбу внутри Коммунистической партии в 1926–1927 годах², в результате которой в ноябре 1927 года из партии были исключены Троцкий и Зиновьев, а позднее и Бухарин.

Согласно законам жанра, Платонов обозначил корыстные цели чиновников, их стремление любым способом проникнуть в высшие эшелоны власти. Едкую иронию Платонов излил на Обрубаева, который пытается использовать членство в партии для продвижения по службе: «Но тут встал Обрубаев — его заело, он озлобился и приготовился быть на посту. Пост его был видный — кандидат ВКП; но такое состояние Обрубаева службе его не помогало — он был и остался делопроизводителем, с окладом в 28 рублей ежемесячно». Обрубаев хочет воспользоваться пьяной откровенностью Бормотова и Шмакова, для того, чтобы написать донос в вышестоящие инстанции и тем самым доказать свою «преданность» партий.

В очерках «Че-Че-О» (1928), написанных год спустя в соавторстве с Б. Пильняком, еще более определенно заявлены ключевые идеи «Города Градова». Один из героев очерков произносит жестокую фразу о чиновниках,

¹ Второе издание повести было предпринято в литературно-художественном сборнике «Красная панорама» в 1928 году, третье — в книге Платонова «Происхождение мастера», вышедшей в издательстве «Федерация» в 1929 году.

² В «Правде» из номера в номер переходила рубрика «За единство — против дискуссии» (Правда, 1926, №№ 229, 230, 233, 235, 236 и т.д.).

паразитирующих на теле народа: «Ведь вот сукины суслики! — сколько их по советской земле ездит, службу ищет, колбасу жрет!...» [7: с. 242].

Народ в «Градове» по-пушкински безмолвствует. Однако это не означает, что рабочий люд не имеет своего мнения о происходящем. В этой связи обращает на себя внимание печальный сапожник Захар, который жалуется жене: «Я в мире человек сверхштатный! Не живу, а присутствую и учета мне нет... На собрания не хожу и ничего я не член!» Этот типичный платоновский текст соединяет грусть и иронию. Он иллюстрирует подчеркнутую аполитичность Захара, который давно смирился с тем, что в новой жизни от него ничего не зависит, что он живет на обочине революции. Так Платонов показал реальное положение «хозяина страны», мнение которого в строительстве нового государства не учитывается.

Таким образом, в повести «Город Градов» Платонов с помощью убедительной художественной логики высказал сильное сомнение в истинности политических мифов о «государстве, построенном для народа» и о «чиновниках — слугах народа».

Однако в данной работе не хотелось бы представлять Платонова разоблачителем социализма. Политическая сатира Платонова появилась в результате его нарастающей тревоги по поводу дискредитации высокой идеи пролетарского государства, которую он исповедовал и которая все больше превращалась в миф, сильно подрываемый на практике. В духе идей проективной литературы писатель попытался дать решение проблемы государственного бюрократизма, которое с высоты сегодняшнего времени может показаться наивным. В «Городе Градове» Платонов предложил разрешение конфликта «сверху». В спор бюрократов, борющихся за власть, вмешалась Москва, расставив все по местам и ограничив рвение градовских чиновников. Спустя два года в рассказе «Усомнившийся Макар» Платонов предложит иной способ разрешения конфликта — «снизу», что говорит об углублении кризиса его мировоззрения в эти годы.

Литература

1. *Верин В.* Сатирический дебют А. Платонова / В. Верин // Филологические науки. — 1979. — № 4. — С. 11–16.
2. *Корниенко Н. В.* Андрей Платонов: «Не отказываться от своего разума» / Н.В. Корниенко // Дружба народов. — 1989. — № 11. — С. 238–252.
3. *Кройчик Л. Е.* Особенности сатиры А. Платонова / Л.Е. Кройчик // Творчество Платонова: Статьи и сообщения. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1970. — С. 117–129.
4. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: В 55-ти тт. / В.И. Ленин; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Т. 34. — М.: Политиздат, 1962. — С. 287–330.
5. *Матвеева И. И.* Становление Платонова-сатирика (опыт текстологического анализа повести «Город Градов») / И.И. Матвеева // Творчество Андрея Платонова:

- Исследования и материалы. Научное издание ИРЛИ РАН. Кн. 4 / Под ред. Е.И. Колесниковой. – СПб.: Наука, 2008. – С. 264–280.
6. Менглинова Л. Б. Гротеск в повести А. Платонова «Город Градов» / Л.Б. Менглинова // Художественное творчество и литературный процесс. – Вып. 6. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – С. 71–88.
  7. Платонов А. Чутье правды / А. Платонов. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 90–113.
  8. Посадская Л. А. Гуманистический пафос сатирической прозы А. Платонова / Л.А. Посадская // Проблемы развития советской литературы. – Саратов: Изд-во СГУ, 1985. – С. 70–81.
  9. Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. – М.: Современный писатель, 1994. – С. 293–317.
  10. Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова / Е. Толстая-Сегал // Андрей Платонов. Мир творчества. – М.: Современный писатель, 1994. – С. 47–83.
  11. Фоменко Л. П. Советские сатирики 1920–30-х годов и творчество Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте / Л.П. Фоменко. – Калинин, Изд-во КГПИ, 1989. – С. 84–93.
  12. Шубин Л. «Градовская школа философии» / Л. Шубин // Литературное обозрение. – 1989. – № 9. – С. 21–26.

Matveeva I.I.

The Critique of Political Myths of the 1920th in A. Platonov's Novel "The City Gradov"

In the article the author shows how famous political mythologemes about "lady-cook running the affairs of the state", about "soviet state officials – servants of common people", about the leading role of proletariat in the economical and political life of the state were reflected in the creative work of Platonov-satirist. The aim of Andrei Platonov was not to clear up the dishonesty of the slogans attractive to common people but to illustrate the mercenary self-interested goals of the officials, their desire for penetrating into the highest echelons of authority by all means. In the story "The City of Gradov", which is written in the spirit of "projective literature", the writer tried to give a hint of how to find optimistic solution to the problem of state bureaucracy "from the top".

Key words: satire; irony; politics; political myths

Л.И. Щелокова

Категория Духа и модель поведения человека в русской художественной публицистике 1941–1945 годов

В статье исследуется влияние художественной публицистики 1940-х годов на поведение человека. Доказывается, что формирование оборонного сознания происходило во многом благодаря публицистическим произведениям А.Н. Толстого и Л.М. Леонова.

Ключевые слова: публицистика 1940-х; литература Великой Отечественной войны; А.Н. Толстой; Л.М. Леонов; русская литература XX века.

Исследование духовной жизни человека всегда находилось в центре внимания русской классической литературы. Особую актуальность оно приобретало в кризисные моменты истории России. Великая Отечественная война чрезвычайно обострила чувство Родины, что привело и к переосмыслению понятия *патриотизма*. Эти ключевые категории способствовали сплочению народа и достойному сопротивлению врагу. С первых дней войны начинает формироваться *оборонное* сознание, освобождаясь от прежней идеологической зависимости мышления. Немалую роль в этом сыграла художественная публицистика, где активно провозглашаются коренные понятия «родины», «нации» и «патриотизма», и не только вырабатывается, но и культивируется героическая модель поведения человека.

Родина начинает осознаваться с пространственно-территориальной позиции, отражая одну из черт *монументального историзма* (термин Д.С. Лихачева) и реализуя *панорамный взгляд*. Остановимся на рассмотрении некоторых публицистических выступлений А.Н. Толстого и Л.М. Леонова. Так, первую статью Толстого «**Что мы защищаем**» (от 27 июня 1941 г.) можно назвать программной, в ней прозвучали главные темы публицистики начального периода войны, она стоит у истоков формирования нового мировоззрения. Автор говорит о завоевании фашистами Польши, Франции, Норвегии, их движении на восток. Захватнические планы наци колоссальны, остановить их может только Россия. Бескрайнее пространство Родины демонстрирует ее могущество, ей отводится исключительная роль мощной крепости мирового значения, что подтверждается ее масштабом. Писатель рисует яркую образную картину: «*На границах СССР они ударились о стальную стену, и широко брызнула кровь их*» [4: с. 351]. «Стальная стена» обретает плоть и кровь — это могучая сила «*умного, храброго, свободолюбивого народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком изгонял с просторов родной земли*

наезжавших <...> хазар, половцев и печенегов, татарские орды и тевтонских рыцарей, поляков, шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма...» [4: с. 351]. Многочисленные вражеские набеги и успешное их отражение, путешествие в глубь веков служит поэтизации современных событий и передает «воздух русской истории» (Д.С. Лихачев). За счет широкого пространственного и временного охвата формируется исторический хронотоп, так как выстраивается не только вертикаль (временная), создающая нравственную основу, но и географическая (пространственная) горизонталь. К примеру, *народ «распахнет <...> ее (землю — Л.Щ.) под золотую ниву от океана до океана»* [4: с. 352], *«от океана до океана зашумели золотом колхозные нивы, зацвели сады»* [4: с. 354]. Пространственная константа – «от океана до океана» способствует сакрализации простора Родины и преодолению разъединенности народа. Писатель обозначает пространственно-временные и культурные границы Родины, заключительные слова статьи полностью отвечают замыслу автора, и, на наш взгляд, могут быть восприняты как декларация «духовного самоопределения» (И.А. Ильин), причем важно вспомнить, что в начальный период войны получает реабилитацию понятие *России*, досоветское прошлое воспринимается как полноправная часть истории страны. *«Это — моя родина, моя родная земля, мое отечество, — и в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...»* [4: с. 354].

Статья Толстого **«Нас не одолеешь!»** (25 сентября 1941 г.) продолжает оказывать эмоциональное воздействие на читателя, проявленное в поэтизации труда, славы, патриотизма и героизма людей. С самого начала писатель как бы отстраняется от внешних показателей (колонки *«цифр, говорящих об увеличении добычи, о восходящих графиках превышения норм...»*) [4: с. 354], ориентируя читателя на духовную сферу жителей тыла. Для этого необходима историческая параллель, благодаря которой жизнь современника включается в духовную традицию нации, знакомство с историей приобщает человека к единому истоку. Обращаясь к славе прадедов, автор вспоминает ратный подвиг князя Пожарского и Минина. Обширное пространство уже не просто географическое (внешнее), оно наполняется нравственным (внутренним) духовным содержанием. *«Человек впитывает здесь в душу свою эту ширь, эту силу земли, эту необъятность, и прелесть, и волю. Здесь ум бродит по видениям шумного и богатого прошлого и мечтает о безграничных возможностях будущего. Здесь у людей — красивые лица, веселые, смелые, дерзкие глаза и широкие плечи»* [4: с. 356]. По аналогии с фронтовым существованием жизнь тыла в военное время тоже ориентируется на славу прадедов, трудовые династии завода сильны своей традицией — *«три поколения рабочих в заводских цехах, передачей опыта от дедов к внукам и ревностью к своему заводу»* [4: с. 358]. Дела прадедов — это духовные достижения всего народа, образующие единый духовный центр. Из подвигов и деяний предков складывается духовное единство нации. Тыл рисуется как своеобразный монолит, благодаря ударному самоотверженному труду рабочих, их деятельность приравнена к битве с *«вооруженной насилием фашистской системой»* [4: с. 362].

Автор построил статью в форме кратких портретов-эскизов рабочих завода, каждый из них наделен героическими свойствами, являясь примером для других.

По мере продвижения вражеской армии в глубь страны, усиливается чувство тревоги за «сердце» страны, ее столицу, что убедительно показано в статье **«Москве угрожает враг»** (16 октября 1941 г.). Она продолжает серию газетных публикаций писателя. Автор настойчиво ведет разговор о проявлении мужества в момент опасности. Примеры для подражаний он находит в недавней истории (Ленинград, Одесса и другие города), а символы великой русской культуры (Петр 1, Пушкин) создают необходимый фон для славной новой страницы истории. Слава предков уже перестала быть их личной заслугой, она обрела вселенский характер, славу земли Русской. Благодаря широкому обращению к истории автор утверждает вечные начала жизни. Для воплощения этой цели древние книжники обращались к Библейским временам, а в советское время обращение к эпохе четырнадцатого века выступает своеобразным эквивалентом. Если говорить о характере пространственно-временной структуры всего цикла, то пространство здесь суживается до крайней точки, отступать некуда, знаменательно начало статьи: *«Ни шагу дальше! Пусть трус и малодушный, для кого своя жизнь дороже родины, дороже сердца родины — нашей Москвы, — гибнет без славы, ему нет и не будет места на нашей земле»* [4: с. 362]. Лозунговое обращение к читателю как нельзя лучше демонстрирует жизненную задачу — проецировать героическую модель поведения, категоричность подобного высказывания вполне оправдана военным временем. С той же твердостью формулируются призывы и задачи настоящего момента: *«Встанем стеной против смертельного врага»* [4: с. 362], *«Наша задача в том, чтобы остановить гитлеровские армии перед Москвой»*, *«...нужно сейчас, и немедленно, остановить врага»* [4: с. 363], *«Ураганом бомб, огненным ураганом артиллерии, лезвиями штыков и яростью гнева разгромить германские полчища!»* [4: с. 365].

Географическое пространство перестает играть ключевую роль, так как внешние границы уже определены, поэтому усиливается временная вертикаль, писатель переключается на аспекты духовной жизни личности, взывая к персональной ответственности гражданина. Эти положения будут детально разработаны и обобщены в статье **«Родина»** (7 ноября 1941 г.). В ней продолжены основные мотивы предыдущих публикаций и выработывался главный постулат патриотического чувства: единение народа во имя спасения Отечества. *«Надвинулась общая беда. Враг разоряет нашу землю и все наше вековечное хочет назвать своим»* [4: с. 368]. Здесь исторические экскурсы достигают кульминации, звучит классическое определение Родины. *«Родина — это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это — вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле»* [4: с. 366].

Времена предков воплощены в образе пращура «в посконной длинной рубахе», который «на бугре над рекою <...> огородил тыном свое жилище и поглядел по пути солнца в даль веков». Именно ему суждено было увидеть сквозь века всю трудную и славную историю России. Как страницы великой книги мелькают перед глазами ключевые события страны: «красные щиты Игоря в половецких степях», «стоны русских на Калке» [4: с. 367]. Народ «пошел за Медным всадником», который указывал «путь в великое будущее<...>». Устанавливается крепкая нерушимая связь с прадедами, не случайно собирательный образ пращура символизирует единый исток России, ее корневое начало. Из его уст звучит фраза, ставшая афоризмом в годы войны: «*“Ничего, мы сдюжим”*», — сказал он и начал жить» [4: с. 367]. Лаконичность выражения сродни монументальности. Именно пращур овладевает всем пространством, делая его «своим», наделяя его языком, самобытной культурой, оградив тем самым от остального мира. Родина приобретает статус сакрального центра, незыблемость границ которого — под охраной священной истории. И.К. Кузьмичев назвал образ пращура «образом-переживанием», думаю, что возможно «образ-переживание» трактовать более широко, для публицистов в целом им является образ России с ее прошлым и трагическим настоящим.

Толстой создает культурно-исторический очерк страны, в ходе которого образуется священный круг с его могучим духовным стержнем. Именно это четко обозначенное (внешне и внутренне) пространство способно надежно обезопасить и оградить от врагов. Заключительные слова статьи утверждают эту мысль. «*Наша родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти вражьи орды. Так было, так будет.*

Ничего, мы сдюжим!..» [4: с. 372].

Другим писателем, тоже творившим свою летопись войны, был Леонов. Его очерки и статьи были широко известны, некоторые давно отнесены к классике отечественной публицистики. Одно из первых его военных выступлений в печати — это статья «**Наша Москва**» (25 ноября 1941 г.). Его стилизованная манера близка произведениям Толстого. В частности, Москва рисуется как центр родного пространства, все исторические нити стянуты к ней, она — центр мироздания, начало начал. «*Москва — громадная летопись, в которой уместилась вся история народа русского. Здесь созревало наше национальное самосознание*» [2: с. 83]. Акцент на национальном самосознании не случаен, так как весь строй статей нацелен на иллюстрацию его формирования. Статьи писателя можно рассматривать как эпический цикл (жанровое, тематическое и стилевое единство несомненно), обозначенное в первой статье противостояние *свое / чужое* пронизывает весь этот цикл. Если в первой статье это касается внешних границ, можно сказать, поверхностного уровня, то в последующих — оно углубляется, наполняясь духовным смыслом. *Свое* пространство характеризуется как *милое, умное, живое* и др., *чужое* — *поганое, свирепое* и др. Автор исходит здесь из народной традиции. «*Народ сравнивает*

гитлеровское чудовище с лесным зверем, которого с рогатиной встречали бывалые русские богатыри». Далее: «Черным словом вспомнят люди этих дикарей, возмнивших себя владыками мира...» [2: с. 84].

Статья «**Слава России**» (10 июля 1943 г.) — подлинный гимн родной стране, причем гимновое начало проявлено не только в высоком лексическом строе (славянизмы, восклицания, эпическая интонация, «высокие» эпитеты), но и в «памяти жанра», статью можно соотнести с древним жанром Слова и считать программной. Контраст мирного / милого и военного / отвратительного составляет основу и этой статьи. «Ровный чистый снег ложится на поля <...> но чужим поганым следом затоптаны нынче дороги к милой столице» [2: с. 83]. Ровный чистый снег Родины не может быть затоптан поганым следом. Это не просто констатация факта, сокровенного убеждения, но и своеобразная экспозиция дальнейшего рассказа о славе земли Русской. Великое прошлое воссоздается через образный ряд: Москва — «древний мировой город», «родина полна решимости защищать» ее, она «очами сердца видит утренние московские улицы» [2: с. 83]. Высокий лексический строй настраивает и на проникновенное отношение к заявленной теме. Звучит и решительное обращение к бойцу: «Закрой навеки тусклое, похабное око зверя!» [2: с. 123]. Демонстративная контрастность высокого / низкого относит нас к древней эпике. Обусловлено это, вероятно, архетипическим сознанием: зверь, посягнувший на родное духовное пространство, осквернивший его, обречен.

Широкое освещение славных страниц истории родины связано с проявлением культа предков, их «добродетели и слава» служат нравственной нормой и вдохновляют ныне живущих. «С вершин истории смотрят на тебя песенный наш Ермак, и мудрый Минин, и русский лев Александр Суворов, и славный Пушкиным воспетый мастеровой Петр Первый, и Пересвет с Ослябей, что первыми пали в Куликовом бою. В трудную минутку спроси у них, этих строгих людей, что по крохам собирали нашу державу, и они подскажут тебе, как поступать, даже оставшись в одиночку среди вражьего множества. С каким мужеством они служили ей!..» [2: с. 123]. Боевая слава прадедов помогает утвердить не только персональную ответственность, но и проецирует необходимую модель поведения, служит объединяющей цели нации.

В другом очерке «**Твой брат Володя Куриленко**» (журнал «Красноармеец», № 19, 1942) Леонов взывает напрямую к личной сфере читателя. Законы публицистики всегда предполагают нацеленность на частное восприятие текста читателем. Манера повествования напоминает стилистику древнерусских воинских повестей с экспрессивной лексикой. «Набатный колокол бьет на Руси. Свиное лихо ползет по родной стране. Безмолвная пустыня остается позади него. Там кружит ворон да скулит ветер, пропахивший горечью пожарами, да шарит по развалинам многорукий иноземный вор ...» [2: с. 90]. Значимые символы: не только «набатный колокол», звучащий в момент опасности, собирающий и ободряющий на справедливую битву, но и «свиное

лихо», оставляющее позади безмолвную пустыню (бездуховное пространство). Неслучаен и зловещий образ ворона. Летописное начало придает достоверность происходящему: «И вместе с тобою вся страна узнает о событиях дня, с грохотом отошедшего в историю. Еще один день, еще одна ночь беспримерной схватки с врагом миновала <...>» [2: с. 90]. Прошлое страны передано не только в образах, но и в использовании старославянизмов, восклицательная интонация придает высокий эмоциональный настрой: «С благоговейной нежностью ты читаешь про людей, которые вчера сложили свои жизни к приножью великой матери. Кажется, самые тени великих предков наших обнажают головы и склоняют свои святые знамена пред ними. Какой могучий призыв к подвигу, мужеству и мщенью заключен в громовом шелесте газетного листа!» [2: с. 90] (подчеркнуто. — Л.Щ.). Вполне закономерным в данном контексте воспринимается «слово героя», звучащее тихо и строго, «как молитва», и подтверждает соотнесенность с древним жанром. В его «слове» — идея жертвенности: «За свободу, честь и достояние твое <...> в любое мгновение возьми меня, родина. Все мое – последний жар дыхания, и пламя мысли, и биение сердца — тебе одной!» [2: с. 90]. Автор проводит мысль о преемственности героического. «Многие из них уже отошли навеки к немеркнущим вершинам славы — воины, девушки и дети, женщины и старцы, принявшие на себя благородное звание воина. Нет, не устыдятся своих внуков суровые и непреклонные пращурсы наши, оборонившие родную землю в годы былых лихолетий. Никогда не поредеет это племя богатырей, потому что самый слух о герое родит героев <...>» [2: с. 90]. Пращур, образ прочной стальной кольчуги Александра Невского проецируют и героический тип современного человека – читателя, потенциального героя. Документальную основу очерка составляет перечисление и поэтизация главных, ставших широко известными, подвигов. «Вот юноша-красноармеец заслоняет собой амбразуру пулеметного гнезда <...> Вот сапер <...> голыми руками, на ощупь <...> расчищает перед штурмом минированное поле <...>. Грозен и прекрасен летчик Гастелло <...> Легендой прозвучал подвиг двадцати восьми братьев <...> Бессмертен образ комсомолки Зои <...>» [2: с. 91]. Обращение к памяти народа, «громадной книге, где записано все», не случайно, в связи с этим звучит обещание-призыв к мщению: «Есть у нас кому мстить, завоеватели!» [2: с. 92]. Писатель убеждает читателя запомнить погибших героев, считая их своими родными братьями и сестрами, тем самым утверждая духовное единение народа. «Запомни навсегда эту гордую, по-орлиному склоненную к земле голову Гастелло, и хмурые, опаленные пламенем неравного боя лица двадцати восьми, и строгий профиль Зои, и честный, простой, как небо родины, взор партизана Володи Куриленко» [2: с. 92]. Подробная биография семнадцатилетнего героя, его подвиг, «стенограмма народной войны», где фиксировались все боевые действия партизан по уничтожению противника, знакомит читателя с народным мстителем и служит не просто наглядным примером для его ровесников, но и создает единую биографию поколения. В финале звучит

призыв к потомкам: *«На великой и страшной тризне по нашим павшим братьям мы еще вспомним, вспомним тебя, Володя Куриленко!»* [2: с. 102].

Личностное обращение Леонов использует не только к советскому, но и к зарубежному читателю. Так, его знаменитое письмо «Неизвестному американскому другу» (первая часть 1942) начинается словами *«Мой добрый друг!»* настраивает на миролюбивый лад, автор стремится донести до сознания американского читателя всю опасность сложившейся в Европе ситуации. Он пишет о братстве народов: *«Но мы не чужие. Капли воды в Волге, Темзе и Миссисипи сродни друг другу. Они соприкасаются в небе. Кто бы ты ни был — врач, инженер, ученый, литератор, как я, — мы вместе крутим могучее колесо прогресса. Сам Геракл не сдвинет его в одиночку. Я слышу твое дыхание рядом с собою, я вижу умную работу твоих рук и мысли. Одни и те же звезды смотрят на нас. В громадном океане вечности нас разделяют лишь секунды. Мы — современники»* [2: с. 103]. Обращение к заокеанскому читателю увеличивает единое духовное пространство, писатель говорит об абсолютных ценностях всего человечества, формируя все то же оборонное сознание, но уже со вселенским охватом. Смертельная опасность фашизма грозит земному шару, в противостоянии этому люди должны объединиться и нет никакой возможности изолироваться от всемирной беды. Прозаик определенно и категорично выражает свою позицию, формируя единственно возможную в данную минуту модель поведения. *«Не жалости и не сочувствия мы ждем от тебя. Только справедливости. И еще: чтобы ты хорошо подумал над всем этим в наступившую крайнюю минуту»* [2: с. 108]. Финал очерка вписывается в афористичную формулу: *«Друг познается по любви, по нраву, по лицу, по делу...»* [2: с. 111]. В 1943 году появляется второе письмо «Неизвестному американскому другу», где автор рассказывает о зверствах фашистов. Основное внимание уделено фактам, зачастую неизвестные западным читателям. Публицист отбирает факты, способные воздействовать на самые сокровенные чувства души человека, например, состояние матери, у которой забирают дочь в газовый фургон. Касаясь коренных моральных основ характера человека (любовь матери к дочери и др.), Леонов стремится затронуть тончайшие струны души. Это должно было бы убедить мировое сообщество в необходимости активных антифашистских действий. Прозаик называет изложенное *кратким либретто* темы, *«способной целые материки поднять в атаку <...>»* он ее дарит *«<...> безвозмездно <...> Голливуду»* [2: с. 115]. Губительное и разрушительное начало фашистской идеологии должно быть воспринято всем человечеством, поэтому писатель призывает к активным действиям союзников. *«Я простой человек, который пишет черным по белому для миллионов своего народа. Может быть, я не прав, но только мне всегда казалось, что злодей, который в цинковой коробке травит окисью углерода пятилетнюю девочку, заслуживает немедленного удара не в пятку, а в грудь и лицо. Конечно, все дороги ведут в Рим, все же кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая <...>»* [2: с. 119].

Публицистика военных лет зачастую восполняла дефицит информации, которую не могли дать официальные сводки. Она создавала яркую образную летопись войны. Контрнаступление наших войск прозаик называет «поступью гнева». Именно так он определяет боевые успехи красноармейцев. По поводу взятия Харькова Леонов пишет: «Харьков взят! Еще один шаг к победе» [2: с. 126]. Автор подбирает высокие сравнения для освободителей города, признавая самым достойным сравнением современных героев с героями прошлого. «Что же сказать вам, освободители Харькова? Дрались, как львы? Мало! Как орлы, когтили вы вражескую нечисть на поле боя? Мало!.. Вы бились, как деды ваши, прославленные герои былин и песен, которые поете вы сами. Вы сравнились с ними в доблести и преданности родине. Сам Александр Васильевич Суворов хвалился бы такими храбрецами...» [2: с. 127].

Высокие образы и патетический тон, прямое обращение к читающей аудитории, декларативность идей характерны не только для Леонова и Толстого, но и для других прозаиков военной поры. На пути обретения родины необходимо совершить «акт духовного самоопределения» (И.А. Ильин). Выполнение этой высокой миссии взяли на себя литераторы тех лет. Во многом благодаря художественной публицистике в годы войны советская власть уже не отделяла себя от славы земли Русской. В истории старались найти героические образцы для подражания и на их примерах сформировать чувство национальной гордости. Многовековая история России служит духовной базой бойца сороковых годов. Боевая слава предшественников помогает утвердить персональную ответственность гражданина. Публицисты стремятся к прямому диалогу с современником, занимая позицию оратора и выполняя главную задачу жанра — донести до сознания каждого важность момента, ориентируя его на героическое служение Отечеству.

Литература

1. Ильин И. А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. – СПб.: АСТ, 2006. – 365 с.
2. Леонов Л. М. Собрание сочинений: В 10-ти тт. / Л.М. Леонов. – Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа. – М.: Художественная литература, 1984. – 631 с.
3. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: Избранное / Д.С. Лихачев; под ред. Т. Шмаковой. – СПб.: Logos, 1998. – 528 с.
4. Толстой А. Н. Собрание сочинений: В 10-ти тт. / А.Н. Толстой. – Т. 10. – М.: Художественная литература, 1986. – 511 с.

Shchelokova L.I.

A Category of Spirit and the Model of Man's Behavior in Russian Writers' Publicist Works of the 1941–1945th

In the article the influence of the Russian writers' publicist works of the 1940th on man's behavior is investigated. It is proved in the long run that formation of defensive consciousness occurred in many respects due to A.N. Tolstoy and L.M. Leonov's publicist works.

Key words: publicist works of the 1940th; Great Patriotic War literature; A.N. Tolstoy; L.M. Leonov; Russian literature of the XX century

К.А. Чекалов

“П а accoutumé craindre l'eau” («Дневник путешествия в Италию» Мишеля Монтеня)

В статье рассмотрена трактовка водной стихии в «Дневнике путешествия в Италию» Мишеля Монтеня. Основной целью путешествия было лечение мочекаменной болезни. Сочетая апологию минеральной воды и подробное описание водолечения с критикой негативных проявлений водной стихии, Монтень невольно вторит характерному для насыщенных гидравлическими устройствами «метеорологических» садов Возрождения амбивалентному восприятию воды (источник жизни и одновременно скрытая угроза).

Ключевые слова: источник; маньеризм; вода; сад; мочекаменная болезнь

В главе «О средствах передвижения» третьего тома «Опытов» Монтень следующим образом характеризует свои транспортные предпочтения: «я плохо переношу (а в молодости переносил еще хуже) длительную поездку в карете, конных носилках или на судне; и я ненавижу всякий другой способ передвижения, кроме езды верховой» [4: т. III, кн. VI, с. 152]. Далее приводится более подробное объяснение: «От легких толчков, производимых веслами и словно бы вырывающих из-под нас лодку, я начинаю ощущать какое-то замешательство в голове и желудке, и я не выношу этого так же, как когда подо мной шаткое кресло. Но если судно, на котором я нахожусь, плавно уносят паруса или течение, или его ведут на буксире, однообразное покачивание этого рода на меня совершенно не действует; раздражает меня только прерывистое движение, и тем больше, чем оно медленнее».

В главе «О сходстве детей с родителями» второй редакции второго тома содержится своеобразная апология минеральной воды. «Что же касается питья минеральной воды, то, к счастью, оно, во-первых, мне по вкусу, а во вторых, это простой и естественный напиток, который если и не полезен, то во всяком случае не вреден, доказательством чего служит то, что минеральную воду пьет множество людей самого разного склада» [4: т. II, кн. XXXVII, с. 532]. Здесь же Монтень рассказывает о посещении им «всех прославленных лечебных источников Европы». Наконец, Монтень не только пишет о различных способах лечения водами в Германии и Италии; он также обращает внимание на «социокультурный» аспект водолечения — на водах можно участвовать в приятных прогулках и общаться.

Третий том «Опытов» и вторая редакция второго тома, которые мы только что процитировали, выбрали в себя разносторонний опыт почти двухлетнего путешествия, осуществленного Монтенем — вообще-то домоседом —

в 1580–81 годах. Путешествие нашло свое отражение в не предназначавшемся для печати дневнике. Рукопись (без первой страницы) обнаружил в замке Монтеня в декабре 1770 года аббат Жозеф де Прюни; первое издание книги вышло в свет в 1774 году. Публикатор, библиофил и хранитель рукописей Королевской Библиотеки А. Менье де Керлон [об истории публикации см. подробнее 12: р. 20], внес в текст свои редакторские коррективы. Хотя в последнее время вышло в свет немало исследований, посвященных этому сочинению (включая и фундаментальный текстологический труд К. Каваллини, планирующей в скором времени выпустить академическое издание книги), «Дневник путешествия в Италию...» продолжает оставаться мало известным широкой публике памятником. Российскому читателю «Дневник...» практически не знаком, хотя имеются две написанные известными отечественными литературоведами статьи об этом памятнике [1; 2].

«Дневник...» примерно наполовину (по более точным подсчетам, на 45%) был написан секретарем, имя которого неизвестно. Возможно, соответствующие функции выполнял кто-то из небогатых родственников Монтеня; он обладал определенным культурным багажом и легким пером и с удовольствием воспользовался предоставленной ему возможностью побывать за Альпами. Хотя тема авторства первой части «Дневника...» уже стала предметом ряда исследований [11; 15], все же полной ясности в разграничении «голосов» секретаря (совсем не всегда являвшегося очевидцем описываемых им событий) и писателя до сих пор нет. По мнению Ф. Риголо, постановка вопроса о разграничении «голосов» в «Дневнике...» вообще контрпродуктивна; речь идет об образце «атропического» дискурса, где два голоса абсолютно слиянны; «слуга записывает размышления хозяина, подавая дело таким образом, будто их автором является он; хозяин же имитирует стиль слуги, совершенно не заботясь о том, чтобы выступить от своего собственного имени» [25: р. 476]. Действительно, стилистическая близость двух частей «Дневника...» бросается в глаза. Что касается части, написанной самим Монтенем, то в ней выделяется довольно обширный италияязычный фрагмент, в котором писатель демонстрирует вполне уверенное владение вольгаре.

1. По направлению к водам

Побудительные мотивы путешествия были разные; отчасти они сформулированы в третьей книге «Опытов». Это и «жадность нового и неведомого» [4: т. III, кн. IX, с. 209]; и стремление отвлечься «от пакостных хозяйственных мелочей и хлопот» [4: т. III, кн. IX, с. 217]; и «внутреннее беспокойство и нерешительность» [4: т. III, кн. IX, с. 262], порождающие «охоту к переменным местам»; и, наконец, мочекаменная болезнь (*pietre, gravelle*), которая впервые дала о себе знать в 1578 году и которую писатель считал наследственной. Смерть отца в 1568 году Монтень определенно связывает именно с этим заболеванием: «умер он в ужасных мучениях от большого камня в мочевом пузыре» [4: т. II, кн. XXXVII, с. 515]. Болезнь писателя требовала лечения на водах.

Маршрут Монтеня пролегал по Восточной Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, но главной целью путешествия стала Италия, куда французские господа прибыли в конце октября 1580 года. При этом обращает на себя внимание «двухфокусность» прихотливого маршрута Монтеня: дольше всего он задержался в Риме (что вполне естественно, так как французские путешественники XVI века в первую очередь стремились побывать именно в Вечном городе) и в провинции Лукка (о чем будет подробнее сказано ниже).

В обеих частях «Дневника...» ощущается повышенное внимание к водной стихии. Разумеется, с учетом болезни писателя сказанное в первую очередь относится к водам минеральным. Так, еще даже не выехав за пределы Франции, в Эпернэ (8 сентября 1580 г.), Монтень слышит (и приводит) рассказ иезуита Жана Мальдонна о целебных свойствах вод на курорте Спа (о них упоминал еще Плиний, а в XVI веке воды уже пользовались громкой славой), вплоть до живописных подробностей: брошенный в воду платок желтеет (из-за высокого содержания карбоната железа; медики восприняли эту деталь весьма скептически), а лягушки и прочие мелкие твари погибают. Интересно, что этот рассказ ввел в свое время (в XIX веке) в заблуждение не очень внимательных читателей дневника из числа жителей Спа, предположивших, что Монтень лично побывал на знаменитом валлонском курорте; ошибка перекочевала в некоторые популярные издания наших дней (Peeters G. Montaigne et les bains de Spa / G. Peeters // URL: <http://membres.lycos.fr/histoirespadoise/montaigne.html>).

Интересно и другое: данный пассаж — особенно с учетом того обстоятельства, что целительные источники издревле рассматривались как очаги языческих культов и вообще наделялись эзотерическим смыслом — мог бы вызвать у автора дневника алхимические ассоциации («citinnitas», «желтая стадия» Великого Делания), однако ничего подобного не происходит. Здесь, как и во многих других случаях, «Дневник...» предстает перед читателем как сырец, «предтекст», для которого всякого рода рефлексия является чем-то чужеродным [23: с. 55].

Прибыв в лотарингский городок Пломбьер (16–27 сентября), Монтень уже сам может оценить достоинства местных источников (также известных римлянам), «холодных и горячих» [18: с. 81] (между тем в Спа вода исключительно холодна, но вскоре после попадания в организм разгорячает его). Он не только пьет воду (по девять стаканов каждое утро), но и купается (через день); подробно описывается устройство купален, перечисляются симптомы заболевания писателя (обильное потоотделение). В швейцарском городе Баден (кантон Ааргау; здесь Монтень находился со 2 по 7 октября), источники которого упоминаются у Тацита в «Истории», вода испускает сильный запах серы; температура воды умеренная; многие ставят банки и прибегают к кровопусканиям прямо в купальнях, так что, сказано в дневнике, «я видел две общественные купальни, на вид будто бы наполненные кровью», поскольку вода приобретает угрожающий цвет. Это замечание отчетливым образом перекликается с одним пассажем из «Опытов» (глава «О трех истинно хороших женщинах»), где речь идет о смерти Сенеки. Са-

моубийство Сенеки, протекавшее в несколько этапов (надрезы на руках, на ногах, яд и, наконец, погружение в теплую воду), оканчивается — по Монтеню — следующим образом: «Почувствовав наконец приближение конца, Сенека, зачерпнув ладонью **смешавшейся с кровью** (выделено мной. — К. Ч.) воды и оросив ею голову, сказал, что совершает этой водой возлияние Юпитеру Освободителю» [4: т. II, кн. XXXV, с. 498]. Эпизод этот позаимствован из «Анналов» все того же Тацита (книга XV), но там не сказано о кровавой воде: «Тогда Сенеку погрузили в бассейн с теплой водой, и он обрызгал ею стоявших вблизи рабов со словами, что совершает этой влагою возлияние Юпитеру Освободителю» [5: кн. XV, с. 64] (см. также URL: http://ancientrom.ru/antlitr/tacit/annal/kn_15f/htm). Нельзя, правда, сказать, чтобы опыт пребывания в Бадене повлиял на рассказ Монтеня о Сенеке — этот фрагмент текста в том же виде присутствовал уже в первом издании второго тома «Опытов». Как и в случае со Спа, эзотерические коннотации цвета («красная стадия» Великого Делания, *tubedo*) здесь не актуализованы.

Вернемся в Баден. Не в пример местным жителям, сидящим в воде по пояс, Монтедь укладывается таким образом, что оказывается в воде по шею (тут налицо реализация «комплекса Ионы» и «материнства вод», о которых писал в своих работах Гастон Башляр). В большинстве случаев, однако, Монтедь не стремится к нарушению местных традиций, скорее наоборот — его заветная цель заключается в полном социокультурном и лингвистическом «погружении»; однако полное погружение в воду совпало с отходом от этого правила.

Перевалив через Альпы и оказавшись на территории итальянской провинции Венето, 13 ноября Монтедь посещает основанный чуть ли не Гераклом, посещавшийся Петраркой и процветавший в XVI веке курорт А́бано (возможно, родина Тита Ливия), но тут его постигает некоторое разочарование: вода чересчур горяча, чтобы в ней купаться или тем более пить ее. Остается только попробовать стакан остывшей воды на вкус. Впоследствии его ожидает еще один неудачный опыт: возвращаясь из экскурсии в Тиволи в Рим (3 апреля 1581 г.), путешественники встречают на своем пути ручей чрезвычайно воющей сернистой воды (не используемой в лечебных целях).

Однако подробнее всего «термальные» аспекты водной стихии представлены в «луккском» эпизоде «Дневника...». Обострение болезни побудило Монтедь провести в общей сложности около трех месяцев в не самом интересном для туриста уголке Тосканы, в провинции Лукка. Именно в этих краях находились известные со времен средневековья (но не античности, как хотелось бы думать Монтеню по аналогии с ранее виденными им курортами) целебные источники (Баньи делла Вилла, ныне Баньи ди Лукка). Воды явно пошли на пользу писателю; вначале он только пил их, а затем стал принимать ванны. Любопытно, что как раз «луккский» раздел «Дневника...» наиболее пространен и обстоятелен в том, что касается медицинских подробностей [6: с. 184]. В этом, наиболее пространном разделе «Дневника...» происходит своеобразная сублимация того самого антропологического измерения, которое фактически является в книге основополагающим [22]. Антропологизация

пространства, намеченная еще на первых страницах книги [18: р. 74], здесь приобретает самодовлеющий характер; здоровье Монтеня, этот его «талисман, то и дело утрачиваемый и обретаемый вновь» [25: р. 56], побуждает писателя о уделять особое значение циркуляции воды внутри его собственного организма, и уже не макро-, а микромир сводится к игре стихий (Вода — Земля, т.е. моча, пот, почечные камни и песок, интенсивно выделяющиеся из организма писателя). По мнению М. Бидо, «луккский» эпизод, этот своего рода «медицинский мемуар» [9: р. 462], обладает ощутимой автономией в рамках «Дневника» и вполне мог бы претендовать на самостоятельную публикацию. Но и в рамках «медицинского мемуара» Монтень остается верен логике «предтекста» и не развивает напрашивающихся здесь эзотерических коннотаций (хотя в целом его ориентация на теорию «гуморов» и учение Амбруаза Паре не подлежит сомнению).

Добавим к этому, что, на взгляд некоторых нынешних медиков, состояние здоровья Монтеня и особенности его «пунктирного», чрезвычайно избирательного повествования отчасти связаны между собой [27: р. 45, сноска 9] — мочекаменная болезнь породила мигрень, мигрень — оптические нарушения (которые он сам же и констатировал), а последние — «эстетику прерывистости» (*esthétique du discontinu*).

Однако описанием свойств целебных вод интерес автора «Дневника...» к водной стихии не исчерпывается. Она навязчиво преследует автора по всему пути следования. Базель — прежде всего город фонтанов (их тут более трех сотен, по уверениям секретаря); зато тут перед трапезой не принято подавать гостям тазик с водой для ополаскивания рук (Источник Молодости, по Г. Башляру) — каждый самостоятельно поливает себе из кувшина. Маршрут Монтеня и его спутников во многом следует бассейнам рек. Уезжая из Аугсбурга (19 октября), Монтень сожалеет, что не побывал в расположенном в сутках пути от него Ульме; но не столько потому, что его заинтересовал самый высокий из готических соборов, сколько из-за того, что Ульм стоит на Дунае. Зато по берегам другой великой европейской реки — Рейна Монтеню довелось ехать довольно долго, и он получил возможность сравнить ее спокойное течение в Базеле с бурным потоком, бьющимся о скалы близ Кайзерштуля. У него даже возникает ассоциация (чисто литературная) с водопадами Нила; впрочем, вслед за этим верный принципу сопоставлять все увиденное с французскими аналогами Монтень сравнивает Рейн с Гаронной [18: р. 107].

В свете подобного интереса к водной стихии логично предположить, что Монтень (подобно его приятелю Этьену Ла Боэси) уделит особенное внимание Венеции, где он находился с 5 по 11 ноября 1580 года. Однако Светлейшая писателя несколько разочаровала (особенно венецианки); к тому же «достопримечательности этого города достаточно известны» [18: р. 162], так что подробно писать о них, с точки зрения автора дневника, нет необходимости; в результате о знаменитых каналах секретарь не обмолвился ни словом. Из второго издания «Опытов» проясняется, быть может, основная причина про-

хладного отношения Монтеня к Светлейшей: «Пристрастие, которое я питаю к прекрасным городам Венеции и Парижу, ослабляется из-за острого запаха стоячей воды в Венеции и грязи в Париже» [4: т. I, кн. LV, с. 316 (в оригинале сказано еще более определенно: «l'aigre senteur... de son marais», т.е. «острый болотистый запах»)]. Ту же заболоченность и сырость автор дневника потом констатирует и в районе Монселиче, где неудачно осуществленные ирригационные работы обернулись превращением изобиловавшей водоемами местности в непролазную, населенную многочисленными утками топь.

Более примечателен обратный путь писателя с венецианской Террафермы, из Ка'Фузина в Падую; он проходил по реке Brenta с ее шлюзами, снискавшей в России славную литературную судьбу (от Пушкина до Ходасевича). И тут секретарь роняет замечание, которое заставляет вспомнить процитированный нами в начале статьи пассаж из «Опытов»: «Он привык опасаться передвижения по воде» (Il a accoutumé craindre l'eau) [18: р. 163]. Тем не менее, Монтень, верный своему основополагающему принципу «пробы» (запечатленному в названии его главной книги и даже побудившему его «немного поговорить на этом чужестранном языке» [18: р. 460]), решается испытать судьбу. К счастью, никаких неприятных для него последствий путешествие по спокойной воде Brenta не имело. Перемещается Монтень на «буркелло», большой лодке с вместительной кабиной, которую тянули с двух сторон лошади, обеспечивая «однообразное покачивание» (см. начало статьи); автор «Дневника...» не забывает отметить живописность берегов. Кстати, краткие перемещения на лодке Монтень совершал и на других отрезках путешествия, и в частности на его финальной стадии.

Уже «задним числом», во время пребывания в Абано, секретарь вспоминает о трудностях с пресной водой в Венеции; о ее доставке с материка на специальных судах, куда воду закачивают из источников при помощи особых механизмов [18: р. 171]. Устройства для перекачивания воды ранее уже фиксировались Монтенем и в Нефшато, и в Констанце, и в Аугсбурге; интерес к гидротехническим механизмам вообще очень характерен для «Дневника...». Что же касается питьевой воды, то соответствующие замечания встречаются в «Дневнике...» на разных этапах маршрута; особо неудачным оказался опыт Пизы, где она имеет из-за особенностей местности «болотистый привкус» [18: р. 320]. Пиза, несмотря на весьма сдержанную оценку ее красот Монтенем, заслуживает особого упоминания еще и потому, что именно в ее окрестностях, поднявшись на холм, писатель смог лицезреть «один из красивейших на свете видов» [18: р. 323]: гладь Лигурийского моря, расположенные на нем острова и порт Ливорно. Между тем марины — «бесчеловечная вода», по Г. Башлярю [3: с. 212] — Монтенем обычно игнорировались. Правда, французские путешественники ранее посетили расположенную на Адриатике Анкону (а потом еще пару дней двигались вдоль побережья), но тут море привлекло внимание писателя главным образом в силу необычной формы бухты, которая и дала название городу (от греческого *Αῦκων*, «лук») [18: р. 253].

Как видим, водные впечатления в «Дневнике путешествия в Италию», хотя и отлитые в нейтрально-документальную форму, по сути своей в полной

мере отразили прихотливость и субъективность авторского стиля «Опытов». Отдавая явное предпочтение проточной, «живой» воде, Монтень с недоверием относится к воде стоячей и заболоченной; в то же время его обоняние чутко реагирует на резкие (чтобы не сказать неприятные) запахи, исходящие в равной мере и от целебных источников, и от бурлящих термальных вод. В этом видится амбивалентность водной стихии в «Дневнике...» — она и животворна, и чревата неприятными ощущениями, а то и житейскими неудобствами.

(Продолжение следует.)

Литература

1. *Алексеев М. П.* Эпизоды из русской истории в «Опытах» Монтеня / М.П. Алексеев // Романо-германская филология: Сб. ст. в честь академика В.Ф. Шишмарева. – Л.: ЛГУ, 1957. – С. 16–33.
2. *Артамонов С. Д.* Итальянский дневник Монтеня / С.Д. Артамонов // Писатель и жизнь. – М.: Лит. ин-т, 1961. – С. 215–232.
3. *Башляр Г.* Вода и грезы / Г. Башляр. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.
4. *Монтень М.* Опыты / М. Монтень. – М.: Изд. АН СССР, 1954–1960. – Т. I–III.
5. *Тацит Корнелий.* Соч.: В 2-х тт. – Т. 1. Анналы. Малые произведения. – М.: Ладомир, 1993. – 443 с.
6. *Чекалов К. А.* Опыт о Тоскане. По страницам «Дневника путешествия в Италию» Мишеля Монтеня / К.А. Чекалов // Материалы XXXVII Международной филологической конференции. История зарубежных литератур. Имагологические аспекты литературы. – СПб., 2008. – С. 180–186.
7. *Шастель А.* Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного / А. Шастель. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 621 с.
8. *Alcidini Luchinat C.* Rappresentazioni della natura e indagine scientifica nelle grotte cinquecentesche / Luchinat C. Alcidini // Natura e artificio. L'ordine rustico, le fontane, gli automi nella cultura del Manierismo europeo. – Roma: Officina, 1979. – P. 144–153.
9. *Bideaux M.* Le Journal de voyage de Montaigne: essai sur l'Italie? / M. Bideaux // Montaigne e l'Italia. – Genève: Slatkine, 1991. – P. 453–467.
10. *Brunon H.* «Les mouvements de l'eau de l'univers». Pratolino, jardin météorologique / H. Brunon // Les éléments et les métamorphoses de la nature. Imaginaire et symbolique des arts dans la culture européenne du XVI au XVIII siècle. – P.: William Blake, 2004. – P. 33–53.
11. *Brush C. B.* La composition de la première partie du Journal de Voyage de Montaigne / C.B. Brush // Revue d'histoire littéraire de la France. – 1971. – № 3. – P. 369–384.
12. *Cavallini C.* «Cette belle besogne». Étude sur le Journal de voyage de Montaigne / C. Cavallini. – Fasano: Schena; P.: Sorbonne, 2005. – 382 p.
13. *Duport D.* Le jardin et la nature. Ordre et variété dans la littérature de la Renaissance / D. Duport. – Genève: Droz, 2002. – 407 p.
14. *Fagiolo M.* Il significato dell'acqua e la dialettica del giardino. Piero Ligorio e la «filosofia» della villa cinquecentesca / M. Fagiolo // Natura e artificio. L'ordine rustico,

- le fontane, gli automi nella cultura del Manierismo europeo. – Roma: Officina, 1979. – P. 176–187.
15. *Garavini F.* Montaigne et son énigme: double exposition / F. Garavini // *Itinéraires de Montaigne*. – P.: Champion, 1995. – P. 98–114.
16. *Impelluso L.* Jardins, potagers et labyrinthes / L. Impelluso. – P.: Hazan, 2007. – 381 p.
17. *Madonna M. L.* Il Genius Loci di Villa D'Este. Miti e misteri nel sistema di Pierro Ligorio / M.L. Madonna // *Natura e artificio. L'ordine rustico, le fontane, gli automi nella cultura del Manierismo europeo*. – Roma: Officina, 1979. – P. 190–226.
18. *Montaigne M. De.* Journal de voyage / M. De Montaigne; Édition présentée, établie et annotée par F. Garavini. – P.: Gallimard, 1983. – 500 p.
19. *Morel Ph.* Les grottes maniéristes en Italie au XVI siècle. Théâtre et alchimie de la nature / Ph. Morel. – P.: Macula, 1998. – 143 p.
20. *Moureau F.* Le manuscrit du Journal de voyage: découverte, édition et copies / F. Moureau // *Montaigne et les Essais. Actes du colloque de Bordeaux*. – P.: Champion; – Genève: Slatkine, 1983. – P. 289–299.
21. *Palissy B.* Oeuvres complètes / B. Palissy. – P.: Blanchard, 1961. – 437 p.
22. *Piovene G.* Prefazione / G. Piovene // *Montaigne M. Viaggio in Italia*. – Bari; Roma: Laterza, 1991. – P. IV–XVII.
23. *Pot O.* Lieux, espaces et géographie dans le Journal de voyage / O. Pot // *Montaigne Studies*. – 2003. – Vol. XV. – P. 63–104.
24. *Rieu A.-M.* Montaigne: Physiologie de la mémoire et du langage dans Le Journal de Voyage en Italie / A.-M. Rieu // *Autour du Journal de Voyage en Italie / Sous la dir. de F. Moureau, R. Bernoulli*. – Genève; Paris, 1982. – P. 55–66.
25. *Rigolot F.* La situation énonciative dans Le Journal de Voyage de Montaigne / F. Rigolot // *Poétique et narration. Mélanges offerts à Guy Demerson*. – P.: Champion, 1993. – P. 463–478.
26. *Solmi S.* La santé de Montaigne / S. Solmi. – P.: Allia, 1997. – 71 p.
27. *Tétel M.* Présences italiennes dans les Essais de Montaigne. – P.: Champion, 1992. – 210 p.
28. *Willett L.* Perdre le nord: Montaigne's Italian Prospects / L. Willett // *Montaigne Studies*. – 2003. – Vol. XV. – P. 43–62.

Chekalov K.A.

“Il a accoutumé craindre l'eau”

(“The Journal of the Voyage in Italy” by Michel Montaigne)

The article gives an account of the water element in “The Diary of the Journey to Italy” by Michel Montaigne. The major aim of the trip was to treat urolithiasis. Combining the apologia of mineral water and the detailed description of hydropathy with the criticism of negative manifestations of the water element, Montaigne unintentionally echoes the ambivalent appreciation of water (as the source of life and at the same time the latent threat), which is characteristic of the Renaissance gardens saturated with hydraulic devices. (*To be continued.*)

Key words: source; mannerism; water; garden; urolithiasis

Н.Б. Калашникова

Образ Московии XVII века в записках голландского путешественника

Статья содержит анализ материала из записок голландского путешественника XVII века, примечательных тем, что травелог, касающийся образа Московии и москвитов, впервые облечен в литературную форму. Восприятие России и русских отражает, однако, не только развитие жанра записок путешественника или черт плутовского романа, но и является вполне репрезентативным произведением, содержащим основные стереотипы восприятия «образа чужого» европейцем. Травелог интересен еще и как достоверный исторический материал, а также значительно дополняет представление о России в Европе XVII столетия.

Ключевые слова: голландская литература; травелог; образ России; восприятие России

Нидерландские путешественники, купцы, кораблестроители и ремесленники отмечали свои многочисленные перемещения по России выпуском фактографически значимых в наши дни заметок. Путешествие Яна Стрэйса [1], написанное и опубликованное в середине XVII века, оказалось примечательным по нескольким причинам: это и ценные сведения о «российской экзотике» исторического характера, проверенные впоследствии отечественными специалистами; и само построение текста в духе плутовского романа с четко обозначенными характерными признаками; и, «олитературенный» таким образом, рассказчик, передающий отчасти уже сложившийся стереотип восприятия России и русских в Голландии; и языковые приметы текста, предлагающие читателю псевдо-русские обозначения бытовых понятий. Все это объясняет живой интерес читателей-современников Стрэйса к его заметкам, многочисленные переиздания и переводы книги, а также востребованность произведения у российских историков. В нидерландскоязычной традиции это, вероятно, первый пример *литературного* путешествия, связанного с Россией, ее бытом и нравами.

Имагологический подход к исследованию произведений такого рода предполагает выявление определенных и сложившихся уже клише в восприятии образа «другого», будь то быт, нравы, литература, культура или что-либо еще, на национальной почве. При этом наиболее интригующим для инонационального читателя является процесс узнавания себя в тех самых тиражируемых стереотипах, которые транслирует автор. Говоря о западноевропейской литературе, для обнаружения органичности подхода того или иного путешественника следует также учитывать и наличие четко наметившихся стадий восприятия России в различные эпохи [2].

В этом смысле самоидентификация Европы Нового времени диктует довольно явное противопоставление себя варварской допетровской российской

экзотике. Ситуация, сопряженная с инертностью трансформации, охватывает довольно продолжительный временной отрезок.

Традиции литературы путешествий в Нидерландах формировались в XVII–XVIII веках под влиянием многих факторов. При этом описания в путевых заметках, дневниках и письмах экзотизмов разного рода, характерных для эпохи географических открытий, не являются, таким образом, специфически голландскими. К национальной специфике стоит скорее отнести тот факт, что авторы всегда оставались прагматиками, они осваивали географические пространства исключительно с какой-либо целью, ими двигали экономические, политические интересы, а также личный поиск путей карьерного роста и т.д. (значит, и направление путешествия было, таким образом, заранее predetermined). Праздный интерес не мог быть стимулом для подготовки путешествия в силу национальной (и активно насаждаемой во всех областях жизни и знания) «философии здравого смысла», не позволявшей растрачивать впустую личностные возможности.

Различного рода травелоги, созданные голландцами и связанные с Россией, известны ориентировочно с рубежа XV–XVI веков. Отчеты о торговых партиях перемежались записками о некоторых занятых событиях, придававших пикантность и занимательность рассказам. Однако разрозненные материалы вряд ли смогут составить предмет интереса в заданных рамках исследования, поскольку «неолитературные», да и без глубинных размышлений о сути происходившего, весьма субъективные, эти отрывки из писем, дневников и пересказов услышанного от очевидцев вызывают довольно много нареканий и сомнений у литературоведов и историков.

К XVII столетию два определившихся лидера эпохи — Франция и Англия — оказали существенное влияние на наметившийся принципиально новый подход к творчеству в нидерландской традиции. Нидерландские литературоведы склонны представлять влияние Англии на развитие публицистики и романа, а сферой влияния Франции оставались драматургия и поэзия. В этом отношении примечательно и то, что знакомство с английской литературой, с традицией плутовского и авантюрного романа XVII века (Юстус Ван Эффен — первый переводчик Свифта и Дефо на голландский язык) идет параллельно с освоением испанской пикарескной традиции, с осознанием различий их национальной специфики. Продолжая инородную традицию и укореняя ее черты на национальной почве, нидерландские авторы в значительной мере дополняют жанровый канон произведений, выстраивая сюжетную основу в первую очередь с учетом упомянутой выше «философии здравого смысла».

Существенным отличием следующего этапа развития литературы путешествий является тот факт, что в XVIII веке собственно приключения составляли уже фон, на котором развивалось основное действие романа, а именно раскрытие душевных переживаний и анализ мышления персонажей. Вероятно, наследование традиций пикарескных произведений составляло неотъемлемую часть общего процесса демократизации литературы, что выражалось

прежде всего в выборе персонажей, уже не деклассированных элементов, как в плутовском романе, но и не относившихся к социальной элите. Жизнь и приключения простого бюргера начали составлять сюжетную канву для развития произведения. Приключения же, по сути, представляют собой качественно другие, вполне повседневные события, отличающиеся эффектом неожиданности, меняющие привычный ход вещей, трансформирующие и образ самого пикаро. Органичность образа для европейской традиции подчеркивается Н.Т. Пахсарьян: «протеистически изменчивый герой-пикаро, сочетающий в рассказе былую неопытность и приобретенную горько-насмешливую умудренность, отзывается порой амбивалентностью ренессансного плута: он одновременно и объект воспитания жизнью, и объект сатирического разоблачения, и наставник читателя, обозреватель действительности, наблюдатель человеческой жизни» [2]. Качества голландского пикаро вполне сопоставимы с качествами пикаресного героя с той только разницей, что он гораздо менее охотно выставляется объектом сатиры.

Описания путешествий в Нидерландах до конца XVII века создавались либо с конкретно историографической целью, либо с целью расширения кругозора читающей публики. Безусловно, основной задачей такого рода произведений было ознакомление и развлечение. Но каким бы ни было подобное произведение, оно все-таки до середины XVIII столетия причислялось к околотитулярному творчеству, лишь постепенно, приобретая литературную форму, вбирая в себя поэтику разработанных жанров, к концу XVIII столетия в Нидерландах под влиянием переводных произведений, прежде всего Свифта и Дефо, позднее Стерна, развивается уже истинно литературный вкус к литературе путешествий, при этом собственно путешествия не обязательно были реальностью. Во имя прокламации авторской позиции создавались и романы в письмах, повествующие о путешествиях в вымышленные страны. Поэтика неведомого и непознанного в географии разрабатывается под углом зрения сопоставления личности в привычном мире и в ситуациях, способных проявить индивид как Личность. Так, в XVIII веке, появляется, например, занимательное переложение декартовской философии в форме «Описания могущественного королевства Кринке Кесмеса» Хендрика Смеекса, многочисленные анонимные робинзонады и Робинзоны (Валхерский и Гаагский, например), а также представляющие собой, по сути, теологические проповеди деизма, романы-утопии о путешествиях на фантастические острова, созданные в том числе и под влиянием руссоизма. К концу XVIII века робинзонады отражают также и изменившуюся политическую ситуацию внутри страны, произведения часто приобретают антиоранжистскую направленность, перерастают в памфлеты, отталкиваясь от стилистики путевых заметок.

XVII век в отношении литературы путешествий стал довольно плодотворным, явно составляя фундамент для развития именно литературной традиции. Это — многочисленные путевые записи и хроники голландских мореходов; записки торговцев, купцов, и просто путешественников, захватывающие чи-

тателя своей неподдельной искренностью и откровенностью отчетов, чьей примечательной особенностью стала документальная достоверность описаний, довольно часто крайне подробно и точно воссоздававшая и топографию, и местные реалии. Все более интересной становится не только этнографическая сторона произведений, но и авторские выводы о специфике национальной психологии. Таким образом, фактическая сторона в значительной мере дополняется психологической индивидуализацией национальных типажей, размышлениями об особенностях культурного восприятия.

Из того наследия, которое создавалось именно с литературной целью, как полноценное и достоверное описание путешествия, хотелось бы выделить книгу Яна Стрэйса «Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия по Италии, Греции, Лифляндии, Московии, Татарии, Мидии, Персии, Ост-Индии, Японии и различным другим странам, где приводятся помимо достоверного и обстоятельного описания упомянутых местностей, их особенностей и природы, диковинные и истинные происшествия, пережитые автором во время кораблекрушений, грабежей, тяжкой неволи у турок и персов, сильного голода, пыток и других бедствий». Начато в лето 1647 г. и продолжено до окончания третьего, последнего путешествия в 1673 г., охватывает, таким образом, 26 лет. Произведение было выпущено в 1676 г., а в полном русском переводе существует с 1935 г. [4].

Следует сразу подчеркнуть, что в записках Стрэйса Московия и москвиты не являются доминирующей темой и не составляют конечную цель путешествия. Говорить, таким образом, о намеренном выделении образа России или русских у него мы не имеем возможности, однако произведение является *первым* опытом именно *литературного* путешествия в Россию, что и представляет для нас несомненный интерес.

Итак, некий голландец, довольно рано сбежавший от отца, но все же получивший базовые навыки ремесла, а именно парусного дела, начинает свои странствия на торговых, военных и разбойничьих судах. Ситуация крайне распространенная в современности Стрэйса. Путешествия превращаются в узнаваемый символ эпохи, как подчеркивает Е.А. Стеценко, «общество не было готово и не могло полностью реализовать свой новый потенциал внутри себя из-за инерции сопротивления консервативной среды и ограниченных возможностей. Творческие силы вынуждены были искать для своего выхода свободные жизненные пространства» [3]. И Стрэйс становится одним из таких «ищущих». В 1668 г., узнав, что уполномоченный московского царя набирает людей для плавания по Каспийскому морю, он нанимается парусным мастером и отправляется со шкипером Бутлером в Московию. Вкратце сюжет произведения выглядит следующим образом: Московию рассказчик пересекает насквозь, от Новгорода до Астрахани, в связи с чем и имеет возможность наблюдать не только быт и нравы иноземцев, но и судить об их политике и исторической ситуации, оказавшись непосредственным свидетелем, к примеру, движения Степана Разина. В ходе путешествия происходит довольно близкое

знакомство с казаками, которые берут в плен и чуть не убивают Стрэйса, однако он бежит от них на шлюпке с другими матросами по Каспийскому морю, затем оказывается в Дагестане, в рабстве, откуда позднее его выкупает польский посланник. В 1671 г. Стрэйс, заплатив выкуп своему хозяину, выбирается из Персии, продолжает путешествие и, в конце концов, возвращается домой в Голландию в 1673 г. Многочисленные сюжетные перипетии демонстрируют знание автором плутовского романа, и, в первую очередь, испанского типа. Врожденная тяга к приключениям выливается у рассказчика в потребность путешествовать, в поиски нового и неосвоенного, что в результате формирует вполне узнаваемую сюжетную схему с часто сменяющимися эпизодами, каждый из которых в известной степени значим и может восприниматься как вставная новелла. Такого рода специфическая сюжетная организация текста дополняется и жанровыми особенностями качеств самого рассказчика — плута по призванию.

Жизненные коллизии подтверждают, что рассказчик, наделенный острым умом и наблюдательностью, обнаруживает родство, к примеру, с Доном Паблосом Ф. де Кеведо, довольно драматический исход многих приключений требует сметливости и изобретательности. Именно поэтому занятным представляется то, что несмотря на все злоключения и не самые приятные воспоминания, связанные у Стрэйса с Московией, он, как истинный пикаро, умудряется в 1675 г. снова отправиться в Московию, на этот раз простым конюхом и пушкарем при свите чрезвычайного посла Генеральных штатов Голландии и принца Оранского. И уже в Москве предъявляет московскому правительству претензию за прошлую свою службу с требованием денег. В исторических архивах есть точное подтверждение этому факту: «В прошлых же годах, по указу блаженные памяти великого государя, его царского величества, послан был в Астрахань иноземец корабельщик и в воровство Стеньки Разина ушел за море и через многие земли вышел в Галанскую землю, и из Галанской земли к Москве выехал с ним, послом. А великого государя его царского величества жалованьем против своей братии корабельщиков, которые в Астрахани были с ним вместе не пожалован. И ныне он, посол, великому государю, его царскому величеству бьет челом и милости просит за того корабельщика, чтоб великий государь пожаловал его, велел ему, корабельщику, на расплату долгов его и для скудости выдать свое великого государя жалованье против его братии и подал ближним боярам челобитную». Исход дела неизвестен, но узнаваемость прагматизма голландцев чрезвычайная.

Весь текст выстроен как литературное произведение. Последовательность перемещений становится структурообразующей. «В своих очерках я прилагал все усилия к тому, чтобы описать и изобразить жизнь с возможной точностью. Вот почему я не стыжусь уверить проницательного и понимающего читателя, что это произведение (в отношении правдивости и искусства) не уступит другим и даже превзойдет многие, в которых часто встречаются неверные суждения, а для возбуждения большего изумления изображаются вымышленные вещи,

которых нет в природе и которые вообще невысказаны» [4: с. 44]. Из этой фразы неминуемо следуют несколько выводов. Во-первых, убежденность в хорошем знании предмета исследования, которым становится для Стрэйса Московия. Во-вторых, наличие определенного интереса со стороны соотечественников к культуре и быту описываемых стран. В-третьих, что немаловажно, наличие сформировавшихся уже представлений у читателя, которым он будет находить подтверждение или опровержение в тексте. Очевиден и тот факт, что укорененность представлений о России Стрэйс воспринимает как данность, в связи с чем диковинные истории о большущем медведе, стащившем младенца и откармливавшем его в горах, а также о бедре необычайной величины, в 5 футов длины, которое крестьяне выкопали вместе с сундуком, не могут сбить читателя с толку, а будут восприняты как причуда развлекающегося автора.

Статичные сведения о Московии не вызывают нареканий ни у инационального читателя, ни у русского. Географически подробные описания сопровождаются у рассказчика подробнейшими сведениями о Новгороде (ранее славном и зажиточном купеческом городе, расцветшем при Иване Васильевиче), Коломне (деревне, поразившей путешественников достатком), Торжке и т.д. При этом пространно повествуется о плодородии земель, об изобилии дичи, рыбы, птиц, скота: «Из всего сказанного ясно, что московское государство способно обеспечить и прокормить своих жителей. Одна область плодороднее и лучше другой. Земля Владимирская очень плодородна... Однако рязанская плодороднее; там из каждого зернышка вырастает по крайней мере два колоса, а то три и более... Сибирское царство изобилует лесами, а близ Брянска такой лес, где еще не ступала нога человека, в нем много горностаев и соболей... В Устюге мало хлеба, но много скота и рыбы. Двина пустынна и неплодородна, однако изобилует рыбой и пушниной... В Ростове много соли. В Вятке плохо родится хлеб, зато много рыбы, воску, меду и диких зверей» [4: с. 161]. По мере приближения к Москве, однако, удручающе нарастает ощущение опасности, многочисленные разбойники, встречавшиеся ранее, не трогали путешественников, узнав, что они немцы на царской службе, однако партия теряет восьмерых купцов в стычке с москвитями, что дает рассказчику повод сделать общие предварительные замечания о натуре местных жителей: они агрессивны, демонстрируют варварские забавы и обычаи, живут по варварским законам, даже удивляются умению кататься на коньках (что явно должно было поразить воображение голландского читателя).

Тщательность бытописания оказывается наиболее впечатляющей именно в Москве. Достойным внимания автор считает все: и подробные описания внешности и одежды, и образа жизни (здесь учитываются хозяйственный уклад, религия, обычаи сватовства, венчания, развода, похорон, даже приводятся в пример похороны императрицы московской), вредные привычки (пьянство, женщины, «изобильно мажущие лица»), особенности кухни, болезни (к примеру, странная горячка, сопровождающаяся мучительной болью в голове и внутренностях, от которой человек умирает в несколько дней). Формирование образа москвитов явно выстраивается по принципу противопол-

ставления «своего» и «чужого», где «свое» превращается в фигуру умолчания, а «чужое» занимательно степенью варваризма. Многократно подчеркивается, что к свойствам натуры истинного москвиты следует относить прежде всего вороватость, лукавство, лень: «Они рабы по природе и рождены для рабства, они весьма редко работают добровольно и без принуждения; их всегда понуждают к тому побоями. Они так привыкли к своему рабству, что, получив свободу после смерти своего господина или по доброте его, снова продают себя в рабство. Тот, кто хочет заставить их работать, вынужден, сколько бы в нем ни было доброты и сострадания, прибегнуть к кулакам и палкам» [4: с. 162].

Не менее варварскими представляются и образы казаков. Стрэйс поясняет две основные ветви казачества, главой одной из которых является Стенька Разин. Рассказчик повествует о личной встрече с ним, а также о сцене, когда Разин, решив отблагодарить Волгу, бросает у него на глазах в воду молодую персидскую княжну. Дикость нравов впечатляет, очевидно, даже самого готового к вопиющей их демонстрации путешественника.

Однако тон рассказчика ощутимо меняется, когда речь заходит о верховных священнослужителях и патриархе или о власти царя (строгого единодержавного правителя). Здесь уже повествование ведется чинно, не допускаются вольности, а внимание акцентируется на происхождении власти и ее безграничности, регалиях и размере доходов.

Сведения о самой Москве затрагивают географию, историю названия (от реки, как поясняется в тексте), размеры (до опустошения татарами город был в 2 раза больше), повествование об обилии церквей и монастырей, колокольне Ивана Великого. Включенные по принципу «рассказ в рассказе» истории словно бы «разбавляют» насыщенность фактуры текста (таким представляется, к примеру, рассказ о Борисе Годунове, который признал великое послушание дворян, готовых по приказу царя броситься с колокольни). Крайне подробно описываются великолепный дом патриарха и рынок с торговыми рядами. Градостроительные принципы затрагиваются в рассказах о Китай-городе, Белом городе — Царь-городе с литейными, конюшнями, мясными рядами, о Скородоме, где можно купить дом из бревен, Стрелецкой слободе за рекой. Особенно подчеркивается, что в столице крайне мало домов каменных, что вызывает многочисленные пожары, а наиболее эффективным методом борьбы с ними стало разбирать соседние дома, что препятствует распространению огня.

Фактологическая составляющая текста поражает даже отечественного читателя, в связи с чем возникает вопрос, насколько сам Стрэйс, путешествуя, был в состоянии собрать весь представленный в произведении материал. Совершенно очевидно, что им была проделана серьезная подготовительная работа. Голландские исследователи критиковали автора за неточность географических координат, подвергая сомнению подлинность текста в целом. А. Морозов в предисловии к русскому изданию склонен представлять путешествие Стрэйса как продукт межнационального литературного обмена, где основным источником стало описание путешествия в Московию Адама Олеа-

рия. Но именно с этим текстом связаны и наиболее вопиющие неточности, поскольку все многочисленные русские названия обязательно даны в латинской транслитерации, причем крайне искаженно. Позволим себе предположить, что использованные Стрэйсом печатные материалы не вызывали в самом авторе сомнения, что и привело к такого рода неточностям.

Однако основная цель создания произведения автором достигнута — книга Стрэйса имела явный успех, переведена на несколько языков (немецкий, французский, английский) и неоднократно переиздавалась вплоть до XIX в.

Интерес к ней в России проявился уже во времена Петра I, когда был заказан перевод с голландского «о разорении Астраханском через Стеньку Разина», так и оставшийся незаконченным. Затем следуют несколько более поздних публикаций:

1788 г. — часть текста появляется в «Древней российской вивлиофике» и повествует о «вояже Иоанна Стрюса с Москву и Пресиду...»;

1824 г. — отрывки опубликованы Корниловичем в «Северном архиве»;

1880 г. — в первой книге «Русского архива» публикуется перевод французской версии текста.

В XIX в. «Путешествием» Стрэйса начинают интересоваться именно как историческим источником. Примером тому могут быть «История возмущения Стеньки Разина» А. Попова, подчеркивавшего необходимость изучения сведений из источников; на Стрэйса ссылается Н. Костомаров в своем сочинении «Бунт Стеньки Разина» (1859), С. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» (1880), В. Ключевский в своей книге «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1866).

Вне зависимости от историографической точности предлагаемого читателям материала, а также и от соотношения личной, очевидческой, осведомленности Стрэйса и знаний, почерпнутых в иных источниках, а не во время путешествия, автору безусловно удалось стать первым в собственной национальной традиции, кто предложил литературную версию путешествия в Московию. Рассказчик превращается в литературного героя, наделенного узнаваемыми пикарескными чертами, но при этом умудряется продемонстрировать добродетели, наиболее ценимые согражданами-современниками, вполне в духе требований XVII в.

Популярность текста в Голландии связана не только с занимательностью чужеродных варварских образов и сюжета в целом, но и с полезностью доставляемых знаний, что в кальвинистской традиции воспринималось как вполне уместный назидательный путеводитель. Как подчеркивал А. Эткинд, «у каждой культуры есть образ Другого, выполняющий свою роль в игре сил и значений, которые определяют ее восприятие себя» [5]. Степень варваризации образов московитов в тексте лишь естественным образом отражает диссимильативное восприятие нас европейцем XVII столетия, петровская эпоха станет поворотным моментом на пути формирования ассимилятивного культурно-исторического поля Европы и России.

Литература

1. *Struys J. J.* Drie aanmerkelijke en seer ramspoedige reysen, door Italien, Greikenlandt, Lijfflandt, Moscovien... / J.J. Struys. – Amsterdam: Jacob van Meurs, 1676. – 467 p.
2. *Потемкина Л.Я.* Кальдерон, испанская пикареска и французский комический роман / Л.Я. Потемкина, Н.Т. Пахсарьян. – Iberica – Л.: Наука, 1986. – С. 68–75.
3. *Стеценко Е. А.* История, написанная в пути... / Е.А. Стеценко. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1999. – 312 с.
4. *Стрэйс Я. Я.* Три путешествия / Я.Я. Стрэйс. – М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935. – 415 с.
5. *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд – М.: Новое литературное обозрение // Научное приложение. Вып. XXIX – 2001. – 485 с.

Kalashnikova N.B.**The Image of the XVII century Moscovia in the Notes of a Dutch Traveler**

The article contains the analysis of the notes of the XVII century Dutch traveler, which are specifically interesting for this travelogue, describing the impressions of Moscovia and moscovites, for the first time is presented as fiction. The perception of Russia and the Russians not only reflects the travelogue genre evolution or demonstrates picaresque features, but it is also a representative text, holding some major stereotypes of a European “image of the other”. The travelogue is also remarkable as a trustworthy historic document while it significantly adds the image and perception of Russia in the XVII century Europe.

Key words: Dutch literature; travelogue; image of Russia; perception of Russia

Т.Г. Чеснокова

Типология сюжета и характеров в «балладной опере» Р.Б. Шеридана «Дуэнья»

Предмет анализа в статье — типологические особенности сюжета и характеров в «Дуэнья» Р.Б. Шеридана, рассмотренные с учетом жанрового своеобразия пьесы как «балладной» (комической) оперы. Материалом для сопоставления служат континентальные модели драматической и музыкальной комедии — как в их оригинальной форме, так и в переработке английских драматургов. Особое внимание уделяется проблеме бурлескной трактовки «испанского сюжета» в «Дуэнья», функциям музыкальных номеров, а также устойчивым типам комедийных характеров.

Ключевые слова: Р.Б. Шеридан; типологический анализ; балладная опера; «испанский сюжет»; бурлеск

За свою долгую театральную жизнь Р.Б. Шеридан создал всего семь пьес, которые, тем не менее, отражают большое разнообразие жанров, известных английскому театру XVIII века — в первую очередь, комическому. Двухчастная структура театрального вечера, укоренившаяся в английской сценической традиции под влиянием французов, предполагала, помимо показа основной пьесы (*mainpiece*), наличие короткого «дополнения» (*afterpiece*) в виде фарса, «бурлеска», пантомимы или так называемой «балладной оперы». Последняя считается изобретением Джона Гея (1685–1732) — друга Дж. Свифта и А. Поупа, автора нескольких театральных пьес, человека, придавшего характер бурлеска (а заодно и политической сатиры) безобидному, казалось бы, музыкально-драматическому жанру, в котором диалоги чередовались с ариями и дуэтами, а мелодической основой служили широко известные мотивы народных баллад. В «Опере нищего» (1728) Гея, «подсказавшей» Б. Брехту идею, сюжет и персонажей «Трехгрошовой оперы» (1928), не только проводилась ироническая параллель между преступным миром и властью имущими, но и умело использовался эффект комического несоответствия между мелодией и словами, музыкальным настроением и характером персонажа, привычным и заново сочиненным текстом баллады. По стопам Дж. Гея пошел и молодой Филдинг, о чем свидетельствует его «Опера Грабстрита» (1731), другие музыкальные комедии и фарсы. Многие авторы, обратившиеся к жанру балладной оперы в конце 1720-х – середине 1730-х годов, также трактовали его как разновидность политической и социальной сатиры, используя «балладный» материал иронически — для сниженного изображения определенных социальных типов и конкретных лиц.

После короткого расцвета драматической сатиры в эпоху Дж. Гея и Г. Филдинга балладная опера отходит на второй план и исподволь меняется, становясь полноправным членом семьи театральных жанров. Авторы балладных опер в середине — второй половине XVIII века предпочитают пасторальные, авантюрно-экзотические и бытовые сюжеты с элементами бурлеска. Бурлеск же становится более безобидным и литературно-приглаженным в отрыве от памфлетно-сатирических задач. В балладной опере «Дуэнья» (1775) Шеридан опирается на сложившиеся к этому времени нормы, но оживляет их, «остраняя» замкнутость театральной традиции.

Бурлескно-несочетаемыми элементами, создающими в сумме комический эффект «Дуэньи», служат в первую очередь мотивы бытовой и авантюрно-романической комедии (в форме «испанского» сюжета). Термин «испанский сюжет» еще со времен Драйдена использовался для обозначения английских фабул, созданных по канонам испанской комедии плаща и шпаги. К «испанским» сюжетам обращались многие драматурги Реставрации, включая Сюзанну Сентливр (1669–1723), чья пьеса «Чудо» (1714) считается одним из сюжетных источников «Дуэньи». Расстановка персонажей и развитие параллельных интриг в комедии действительно чем-то напоминает балладную оперу Шеридана. В пьесе Сентливр — две влюбленные пары, отстаивающие свой брачный выбор против родительского произвола. Героиня одной сюжетной линии (Изабелла) приходится сестрой герою другой интриги — Феликсу (как донья Луиса — дону Фернандо). Отец Изабеллы (подобно отцу Луисы) пытается выдать дочь за богатого, но недостойного поклонника, от которого она спасается бегством. В роли бескорыстного возлюбленного героини (у Шеридана — Антоньо) выступает благородный английский полковник. Одновременно Феликс, брат Изабеллы, добивается любви прекрасной Виоланты, которой (как шеридановской донье Кларе) грозит участь монахини [3: р. 68].

Отмеченное сходство ограничивается, впрочем, шаблонными комедийными мотивами, каждый из которых в отдельности может быть встречен в десятках пьес. В «Чуде» к тому же отсутствует образ служанки или дуэньи, сравнимый по значимости с заглавным (у Шеридана) образом дуэньи Маргариты. У этого характера могли быть другие, в том числе — итальянские источники — традиции итальянской комедии (ученой и народной) активно впитывались английскими драматургами еще с XVI века — иногда «вперемешку» с испанскими и французскими сюжетами. Так, в 1773 г. (за два года до создания «Дуэньи») в Лондоне ставилась комическая опера Ч. Дибдина «Обручальное кольцо», сюжет которой опирался на оперу Б. Галуппи «Сельский философ» (“Il filosofo di campagna”, либретто К. Гольдони, 1754). Опера Дибдина, наряду с итальянским «оригиналом», могла стать ближайшим источником, подсказавшим Шеридану центральный мотив «Дуэньи» — подмену госпожи служанкой (в «Обручальном кольце» — Лизеттой), которая женит на себе богатого жениха (Зербино), открывая хозяйке путь к браку с любимым ею Энрике. У Шеридана участники интриги, соответственно, — Луиса

(хозяйка), Маргарита (дуэнья), Исаак Мендоса (обманутый жених) и Антоньо — счастливый обладатель руки Луисы¹. Тем самым, параллельные любовные интриги брата и сестры (Фернандо и Луисы) органично соединяются с «итальянским» мотивом подмены госпожи служанкой (по образцу «Сельского философа» и «Обручального кольца»)². Весь этот комплекс в «Дуэнье» к тому же дополняется путаницей между героинями-беглянками (Луисой и Кларой), что служит причиной необоснованной ревности одного из молодых кавалеров к другому (Фернандо — к Антоньо).

Мотив подмены является в «Дуэнье» одной из главных пружин действия, повторяясь на разных уровнях сюжета. Обмениваясь именами, герои обмениваются и сюжетными функциями, вторгаясь (невольнo или намеренно) в «чужую» интригу. Так, Антоньо, из-за присвоения Луисой имени ее подруги, становится мнимым «возлюбленным» последней и, в этом качестве, соперником Фернандо. Фернандо по той же причине оказывается претендентом на руку собственной сестры (принимаемой им за Клару). Мендоса («официальный» жених Луисы) превращается в конфидента Антоньо, думая, что помогает сопернику жениться на другой. Подмены, маски, переодевания цепляются друг за друга, оборачиваясь непредвиденными последствиями, усложняющимися, но иногда и распутывающими интригу. Так, уже на пороге финала благоприятную роль играет недоразумение, возникшее в переписке между отцом и дочерью. Луиса, покинув родительский дом, обращается к дону Херонимо с посланием, умоляя отца о прощении и благословении для себя и своего возлюбленного. Старик же, уверенный в том, что дочка бежала с Мендосой, дает Луисе и ее спутнику письменное разрешение на брак. Достойным завершением всей этой оперной кутерьмы служит появление «настоящих» масок, знаменующее начало свадебного пира — с танцами, пением и музыкой, которые по традиции венчают дело.

В цепочке упомянутых подмен ведущая роль принадлежит Луисе. И хотя изначальный толчок ее собственной интриге дает ловкая дуэнья, в дальнейшем героиня действует самостоятельно, присваивая имя подруги и тем умножая число хитроумных обманов, волнообразно распространяющихся за пределы одной сюжетной линии. «Классическим» случаем комедийной подмены остается, однако, лишь замещение Луисы дуэньей, тогда как другие эпизоды подобно рода подходят скорее под категорию маскарада (монашеское платье Клары), ложного слуха (о бегстве Клары с Антоньо) и мнимого узнавания (переодетой Луисы — братом или возлюбленного девушки — ее отцом). «Классического» для итальянской комедии замыкания трех интриг в правильный круг (на основе цепочки подмен) в «Дуэнье», однако, также не происходит. Линия Фернандо–Клары, несмотря на звенья, соединяющие

¹ Имена героев в «Сельском философе»: Евгения и Ринальдо (влюбленные), Нардо — «богатый крестьянин, слывающий философом» (нелюбимый жених), дон Тритемио (отец героини), Лесбина (хитроумная служанка).

² Goldoni C. Il filosofo di campagna: Libretto di Carlo Goldoni, musica di Baldassare Galuppi / C. Goldoni // URL: <http://www.librettidopera.it/filcam/filcam.html> (дата обращения 15.12.2008 г.).

ее с линиями дуэньи–Мендосы и Луисы–Антоньо, в структурном отношении остается вполне обособленной. Из всех интриг шеридановской пьесы она имеет наибольшее сходство с высокой комедией характеров, представляя собой ее оперно-сниженный вариант. Ревность Фернандо к другу возникает еще до путаницы между Кларой и Луисой и частично основана на прежней (отвергнутой и угасшей) любви Антоньо к Кларе. Присвоение Луисой имени подруги лишь укрепляет непрочную связь между двумя сюжетными линиями с помощью внешней (необязательной) структурной зацепки. Тем не менее, имя Клары срабатывает как дополнительная пружина действия, давая толчок расчетливой сметливости Исаака и превращаясь в подходящий мотив пробуждения «дремлющей» ревности Фернандо.

Персонажи балладной оперы Шеридана в целом принадлежат к устоявшимся типам, наделенным, однако, некоторыми особенными чертами. Среди влюбленной молодежи в «Дуэнье», как и в «Соперниках» (первой комедии Шеридана), есть персонажи «веселые» и «чувствительные», но нет той перекрестной системы связей, в рамках которой «чувствительному» Фокленду доставалась бы рука уравновешенной Джулии, а сентиментальная Лидия соединялась бы с добродушно-циничным Джеком. В «Дуэнье» каждый герой находит себе невесту подстать, так что капризно-придирчивым Фернандо и Кларе противопоставляется пара с более легким и уживчивым нравом — Луиса и Антоньо д'Эрсилья. При этом, в той самой мере, в какой «севильская» ревность Фернандо перекликается с невротической взвинченностью Фокленда, капризная щепетильность Клары напоминает сентиментальную чувствительность англичанки Лидии Лэнгвиш. В обеих пьесах «каприз» героини (английский или испанский) выступает как одно из главных препятствий к ее браку с тем, кого она любит и кем любима. В «испанском» варианте, впрочем, психологическое препятствие получает внешнее подкрепление: капризы Клары дополняются целым рядом побочных обстоятельств, включая злую волю ее родителей, ревность Фернандо и путаницу имен, инициированную Луисой. Сентиментально-романический женский «каприз», тем не менее, остается мотивом, столь благоприятным для комического изображения, что получает особую разработку в образе престарелой дуэньи, играющей роль своей молоденькой госпожи. Подобно чувствительной героине «Соперников», подложная невеста в «Дуэнье» настаивает на бегстве с женихом (Мендосой) — якобы из упрямого нежелания покорно соглашаться на брак, одобренный ее отцом. Однако если каприз Лидии Лэнгвиш был «подлинным», то романическая чувствительность дуэньи Маргариты — одновременно карикатурная маска чувствительной барышни (которую она изображает) и хитроумный ход, позволяющий «перезрелой Еве» обвенчаться с богачом Мендосой раньше, чем мнимый отец и жених обнаружат подмену.

Дон Херонимо, главный представитель старшего поколения в пьесе, таков, как ему и положено быть: «*упрямый старик*» (III.VII¹, пер. М. Лозинско-

¹ Здесь и далее при цитировании текста пьесы первая римская цифра обозначает номер акта, вторая — сцены

го¹), суровый отец и семейный деспот. Его убеждение, будто деньги — единственная основа прочного брака, иронически преподносится как своего рода «идейное новаторство» благородного испанца, пошедшего на выучку к «английским купцам». Дон Херонимо столь же капризен и непоследователен, как его предшественник сэр Энтони Абсолют (в «Соперниках»), и под влиянием минутного настроения требует от будущего зятя то циничного расчета, то бескорыстного восхищения красотой Луисы. Возлюбленного дочери, Антонио, он отвергает за бедность и непрактичность, но затем неожиданно принимает и прощает — за те же самые качества, только воспринятые в «положительном» свете (т.е. за благородство и бескорыстие).

Заметим, что соотечественники Шеридана не раз рисовали извечных врагов Альбиона — испанцев корыстолюбивыми и алчными. В «Дуэнье» дон Херонимо в своем меркантилизме, напротив, ссылается на опыт «передовых» наций — голландцев и англичан. В результате традиционные роли испанцев и англичан (а также отчасти отцов и детей) переворачиваются. «Упрямый» испанский старик оказывается прилежным учеником образцовых купеческих наций, а молодежь упорно держится за религиозные и национальные предрассудки, которые в контексте пьесы становятся единственной защитой свободного чувства от «демократического» меркантилизма. Исконный союз богатства и знатности как брачного идеала «испанских» отцов также разрушается. Его заменяет прагматичное убеждение, что золото — «чудесный очиститель» (II. III) — очиститель не только низкого происхождения или «неправильной» веры, но также глупости и плутовства. Впрочем, пафосный консерватизм сына в упомянутом споре воспринимается не менее комично, чем увертливый меркантилизм родителя. Отстаивая выбор сестры, Фернандо последовательно взывает к тем ценностям, хранителями которых издавна считались «отцы» (национальная гордость, семейная честь, чистота веры и т.п.), но наталкивается лишь на старческое упрямство, прикрытое оболочкой расчетливого «либерализма». В этом смысле приверженность старца и юноши к декларируемым ими убеждениям не менее двусмысленна, чем щепетильность Клары, во всех подробностях описывающей Луисе то место, где влюбленный Фернандо «не сможет» ее найти: «<...> у настоятельницы монастыря святой Каталины, по левую сторону площади, которая ведет к церкви Сан-Антоньо» (I. V).

Последовательно антисентиментальными являются в «опере» Шеридана и образы слуг, что закономерно соотносится с их возвращением к устойчивым континентальным образцам: предприимчивой служанки-дуэньи и ленивого («до самозабвения») и сообразительного («по необходимости») слуги-«грасьосо» (Лопес — слуга Фернандо). Тем не менее, иронические английские параллели и здесь проглядывают сквозь классическую традиционность образов. Карьера дуэньи Маргариты (из служанок — в госпожи — через выгодный брак) немногим отличается от карьеры сентиментальной Паме-

¹ Здесь и далее все цитаты из «Дуэньи» даны в указанном переводе М. Лозинского. Оригинальный текст: *Sheridan R. B. The Duenna / R. B. Sheridan // URL: http://www.didliomania.com/0/6/284/1959/26138/1/frame_set.html* (дата обращения 15.12.2008 г.).

лы, реализуя откровенно плутовской вариант ее судьбы. «Грасьосо» же столь глубоко погружен в интересы собственного желудка и сна, что не выходит из этой эгоистической спячки даже на время — чтобы оказать влюбленному господину какую-нибудь важную услугу. Не обладает он и функциональной самостоятельностью «демократического» плута — эта самостоятельность сохранена лишь за женским вариантом предприимчивой прислуги. Слуги в «Дуэнье», как и старшее поколение благородных персонажей, отталкиваются от сентиментальной английской модели собственного типа как его прямая (бурлескно-«реалистическая») противоположность. В этом смысле они также кажутся «учениками» своих британских коллег (только не в сентиментально-возвышенном, а в антисентиментальном и антибуржуазном их воплощении). При этом характерно, что роль единственного бескорыстного помощника Антоньо и Луисы принадлежит дворянину и разочарованному влюбленному — Карлосу. Сентиментальная характеристика этого персонажа («*Антоньо, Карлос тоже любил когда-то*» (II.IV), — вздыхает Луиса) опять-таки «контрабандой» цепляется за испанское благородство крови, отличая великодушную помощь влюбленного дворянина от корыстных (и часто бесполезных) усилий слуги. Этот союз благородства души и крови в образе Карлоса как будто возрождает «испанские» сословные предрассудки — и в то же время насмешливо разоблачается как оперно-романический вариант все той же английской «буржуазной» чувствительности. «Испанский» сюжет, таким образом, обыгрывается в «Дуэнье» двойко: как неосознанно пародирующее воспроизведение «чужого» и как условно-литературное воплощение «своего».

В названных игровых переходах не последняя роль принадлежит умело вплетенным в сюжет автобиографическим намекам. В условном действии «Дуэньи» их не так мало, и они узнаваемы (или были легко узнаваемы в 70-е гг. XVIII века). Помолвка Луисы с Мендосой могла оживить в памяти публики помолвку Элизабет Линли (будущей жены Шеридана) с богачом Уолтером Лонгом, уже послужившую предметом комического изображения в фарсе С. Фута «Невеста из Бата» (1771). А резкая перемена в отношении дон Херонимо к возлюбленному дочери — Антоньо напоминала историю отношений Шеридана со старшими представителями семейства Линли, счастливым завершением которой можно было считать само создание «Дуэньи» как результат совместного творчества молодого драматурга с тестем-композитором. Черты Шеридана узнаваемы в обоих героях романических интриг — Антоньо и Фернандо. Автор «Дуэньи» легко мог отнести к себе характеристику, данную в пьесе Антоньо как человеку бедному, но благородному, «*чья честь <...> пережила его богатство*», но которого «*разорила <...> скорее щедрость, чем мотовство*» (II.III). С Фернандо же Шеридана сближала не изжитая ревность к прежним поклонникам молодой жены. Все эти автобиографические черточки существовали в пьесе на уровне подтекстовых аллюзий, подчеркивая взаимодействие условной игры и «подражания жизни» не только взаимными переходами испанских мотивов в английские, но и мотивов литературных в биографические (и наоборот). В результате, «испанская» пьеса в ее английском

варианте, вместо того, чтобы быть по временам неосознанно комичной (как это часто бывало у предшественников Шеридана), стала в шеридановской версии по-настоящему остроумно-смешной.

Возможно, наиболее концентрированно (даже избыточно) гротеск, буффонада и фарсовый комизм воплотились в образе главного комического персонажа «оперы» – Исаака Мендосы. В Мендосе сосредоточены черты нескольких драматических типов, но суть его характера в наибольшей степени определяется «ритуальной» комической функцией «козла отпущения». Именно она позволяет «плутишке Исааку» соединить в себе целую «связку» сюжетных функций (а вместе с тем и целую гроздь комедийных пороков). Мендоса — самонадеянный фат, плутоватый проstack и наивный хитрец, классический трус и жадный богач. Он же — «мещанин во дворянстве», одураченный плут и безвредный злодей, жених-неудачник (в начале) и муж-подкаблучник сварливой старухи (в конце), наконец, инородец и иноверец. В самом изображении пороков Исаака Шеридан сочетает классический принцип доминанты с «неклассическим» принципом противоречия. Преобладающая черта в характере Мендосы — стремление к выгоде, в чем бы она ни выражалась: в огромном (даже для богача) приданом или в незначительном уменьшении расходов на содержание жены, в обмане соперника или в сохранении собственной жизни. Но если для дона Херонимо самое ценное качество будущего зятя — его состояние, то сам «маленький Соломон» гораздо выше ценит в себе «хитроумие» — качество, позволяющее в любой ситуации увидеть выгоду и извлечь ее: *«Черт возьми, из этого можно кое-что извлечь...»* (I.IV). *«Маленький Соломон (как меня называла моя тетушка) в таких фокусах разбирается неплохо»* (II.I). *«Ох уж эта хитроумная моя голова! Я — Макьявелли, истинный Макьявелли!»* (II.IV) Выгода, впрочем, чаще всего оказывается мнимой — отчасти из-за классической глупости Исаака, отчасти из-за его склонности, не довольствуясь достигнутым, искать еще большего барыша. Эта доминанта (стремление к выгоде) не только питает и организует другие пороки Мендосы (самодовольство, алчность, глупость и плутовство), но и взаимно сталкивает и «гасит» их, делая «плутишку» неспособным добиться хотя бы одной из поставленных целей. Плутовство берет верх над разумным расчетом (в эпизоде бегства с дуэньей), а глупость мешает успеху плутней. В результате порок становится не опасным, но смешным, а характер превращается в пустышку — недаром почти для каждого персонажа он выступает как негативное отражение его идеалов и требований. Так, с точки зрения Луисы, Исаак обладает *«наихудшим из пороков, который может быть у супруга»*, — он *«не нравится»* своей невесте (I.III). Для «ревнивого к своей чести» Фернандо Мендоса — воплощенная противоположность бескорыстию и благородству. И даже дону Херонимо, небезгрешному в вопросах денежной выгоды, Исаак является, в конце концов, в жалком образе одураченного плута — фигуры, явно противоположной его «идеалу» хорошего зятя: пусть даже мошенника, но мошенника успешного, ведь *«во мнении людей нет никого презреннее и смешнее, чем жулик, который стал жертвой собственных проделок»* (III.VII).

Во всех этих оценках и в авторском отношении к герою наименее «политкорректными» остаются, с современной точки зрения, насмешки над верой и национальностью Исаака, включая «национально окрашенный» образ тетушки, которая с родственной нежностью именуется замухрышкой и дурачка-племянника «маленьким Соломоном». В еврействе Мендосы самым «презренным и смешным», в глазах Шеридана, является, однако, не самобытность национального типа, а торжествующий оппортунизм, готовность с легкостью отказаться от веры и родины ради выгоды брака с богатой и знатной испанкой. За всем этим, как и за сценами с католическими монахами (изображенными, как и следует ожидать, беззастенчивыми вымогателями, лицемерами, обжорами и пьяницами), не следует забывать о подчеркнутой театральности «оперных» образов и о цели «балладной оперы» — веселить зрителя, обыгрывая готовые сценические шаблоны. Вот почему можно сказать, что в «Дуэнье» Шеридан воспроизводит протестантскую традицию сатиры на католиков и евреев во всем, кроме... самой сатиры. Исконно приписываемые подобным персонажам пороки не столько разоблачаются, сколько в буквальном смысле «смешат» — смешат откровенно, на грани фарса и буффонады, — и «восхищают» способностью автора, не затушевывая условность, переводить сатиру и юмор в ранг «остроумия» (в голдсмитовском смысле). При этом, чем больше прямой буффонады, тем выше степень «остроумия», обеспечившего «Дуэнье» небывалый успех у современников и у потомков.

В музыкальном отношении «Дуэнья», в соответствии с традициями балладной оперы, представляла собой своеобразную «смесь»: дуэты и арии, специально написанные Томасом Линли к этому случаю, перемежались в ней с популярными мелодиями, получившими в пьесе новую жизнь (оригинальная музыка к «Дуэнье» опубликована на Интернет-сайте)¹. Драматург в свою очередь активно сотрудничал с композитором, формулируя в письмах свои требования к музыкальному сопровождению. Требования эти, в частности, предполагали различие между искренней, или «прямой» лиричностью любовных дуэтов и арий — и особого рода музыкальным бурлеском, подчеркивающим несоответствие слов и намерений героев в тех ситуациях, когда, «ни один» из них «не имеет в виду того, что говорит» [З: р. 63 (пер. мой — Т.Ч.)]. Граница между бурлеском и чистой лирикой, впрочем, довольно подвижна: соседство комических реплик порой придает неожиданно пародийную окраску лирике «искренних» любовных арий. Нередко указанный сдвиг сопровождается сменой музыкальных форм. Так происходит в начале I акта, где нежная серенада Антоньо, плавно переходящая в его любовный дуэт с Луисой, неожиданно резко превращается в комическое трио-перебранку, в котором сладкие вздохи влюбленной пары чередуются с грубой руганью не вовремя разбуженного папаши. Такой поворот, впрочем, остается неожиданностью лишь для влюбленных, но вполне ожидаем для зрителя, уже подготовленного к наиболее «реа-

¹ *Sheridan R. B. The Duenna. With the music by T. Linley / R.B. Sheridan // URL: <http://www.iment.com/maida/familytree/henry/music/duenna.htm> (дата обращения 15.12.2008 г.).*

листочному» варианту развития событий монологом опасливого слуги («*Так! Старый барин сейчас проснется...*» и т.д., I.I). На фоне комически-бытовой обстановки театрально-романическая условность перестает быть чем-то само собой разумеющимся и предстает как далеко не самый разумный поступок пылкого юноши, словно нарочно выводящего из себя и без того сердитого родителя будущей супруги.

В целом музыкальные номера в «Дуэнье» не столь многочисленны, как в «Опере нищего» Дж. Гея, но довольно разнообразны, включая серенаду, арии, дуэты и трио, застольную песню бражничающих монахов и заключительный праздничный хор. Их органичность в структуре произведения, впрочем, скорее подчеркивает главенство литературного замысла над музыкальной стороной «оперы». Это главенство почувствовали уже современники, называвшие «Дуэнью» «комедией с элементами оперы» (корреспондент «Морнинг Кроникл») (цит. по [3: р. 65] (пер. мой — Т.Ч.)). В XX веке доминирующая роль литературной основы, органически требующей музыкального сопровождения, но оставляющей широкое поле для эксперимента, позволила С. Прокофьеву и Т. Хренникову создать оригинальные музыкальные «версии» «Дуэньи» («День чудесных обманов, или Обручение в монастыре» и «Доротей»). Музыкальный характер пьесы в свою очередь оказал воздействие на ее литературный стиль, потребовав сокращения слишком длинных монологов, стимулировав переплетение фарсового гротеска и «высокого» остроумия в речах персонажей. Жанровые традиции балладной оперы могли указать Шеридану путь к более широкому использованию мотива несовпадения — не только на музыкальном, но и на чисто «литературном» материале. Несовпадение точек зрения или уровней знания персонажей определяет комизм наивной похвальбы дона Херонимо и его насмешек над «дураком»-соседом, у которого сбежала дочь (II.I) (в то время как в его собственной семье подобные эксцессы, разумеется, «невозможны»), или иронический подтекст его же (дона Херонимо) спора с Исааком о красоте Луисы, в котором «тесть» ведет речь о своей дочери, а будущий зять невольно сопоставляет его слова с внешнестью дуэньи, выдающей себя за хозяйку (II.III). Все эти находки на уровне ситуаций, диалога и стиля обретут продолжение и в последующих — чисто «литературных» пьесах Шеридана, в том числе в «Школе злословия» (его главной «большой» комедии) и в «Критике» (его главном бурлеске).

Литература

1. *Ерофеева Н. Е.* Шеридан и жанр комической оперы: Учебное пособие / Н.Е. Ерофеева. — Орск: Изд-во Оркского гос. пед. ин-та, 1996. — 45 с.
2. *Шеридан Р. Б.* Дуэнья: Пер. с англ. М. Лозинского / Р.Б. Шеридан // Шеридан Р. Б. Драматические произведения / Вступит. ст. Ю. Кагарлицкого. — М.: Искусство, 1956. — С. 143–202.

3. *Loftis J. Sheridan and the Drama of Georgian England* / J. Loftis. – Oxford: Basil Blackwell, 1976. – XI, 174 p.

Chesnokova T.G.

**The Plot and Characters' Typology
in R.B. Sheridan's Ballad Opera "The Duenna"**

The object of analysis in the article is typological features of plot and characters in *The Duenna* by R.B. Sheridan which are considered from the point of view of the piece's genre as a "ballad" (comic) opera. Both continental and English models of dramatic and musical comedy serve the material for comparison in the article. A special attention is paid to the problem of burlesque interpretation of the "Spanish plot" in *The Duenna*, the functions of musical parts and also the stock types of comic characters.

Key words: R.B. Sheridan; typological analysis; ballad opera; Spanish plot, burlesque

Г.М. Богомазов

Синтетико-синкретические и аналитические тенденции в речи ребенка

В статье предложена схема смены периодов на основе соотношения процессов анализа и синтеза в речевой практике детей при усвоении ими системной организации русского языка. При построении схемы использован материал, полученный в ходе экспериментов и наблюдений над детской речью. В детской речи с рождения до 11–12 лет автор выделяет три периода соотношения процессов анализа и синтеза при усвоении родного языка.

Ключевые слова: детская речь; аналитизм; синтетизм; фонема; двухуровневая фонология.

В детской речи с рождения до 11–12 лет выделяется три периода соотношения процессов анализа и синтеза в речевой деятельности детей при усвоении русского языка. В первый период, который связан с передачей паралингвистических значений эмоционального характера, синтезирующие тенденции преобладают над аналитическими. После 3-х лет начинается период тотального аналитизма, который достигает максимального развития в 9–10 лет и который связан с формированием двухуровневой фонологической системы ребенка. Далее наступает период, когда синтетизм вновь берет верх над аналитизмом, но уже не на базе паралингвистических значений, а на основе лингвистических значений.

Процессы анализа и синтеза реализуются в речи ребенка постоянно при усвоении им родного языка, в частности русского. Однако в определенные периоды в речевой деятельности детей преобладают интеграционные процессы. В другие периоды наблюдается обратная тенденция, когда наступает период так называемого тотального аналитизма, хотя достижения периода преобладания интеграционных процессов над аналитическими в речи ребенка сохраняются.

Если ребенок развивается нормально, то переход от дословесного способа общения с окружающими к словесному обычно наступает в полтора года.

Если рассмотреть дословесный период с точки зрения соотношения процессов анализа и синтеза, то в данный период интеграционные процессы явно

преобладают над аналитическими. Это относится ко всем основным формам общения детей в дословесный период.

Первой формой общения младенца с внешним миром является крик, в котором не противопоставлены шумовые и голосовые составляющие. По своим акустическим характеристикам крик не обладает постоянными параметрами. «Звуки крика не имеют ничего общего ни с гласными, ни с согласными... такой звуковой поток невозможно разбить на отдельные составляющие его элементы... для описания его (крика) применяют понятие «диффузный звук»... любые попытки передать крики средствами графики (хотя бы транскрипцией) следует считать более чем условными» [1: с. 123]. Таким образом, в крике явно преобладают интеграционные процессы над аналитическими. Эта синкретичная форма общения приспособлена для передачи эмоциональной сферы в жизнедеятельности ребенка. Однако и в крике как форме эмоционального общения проявляют себя и аналитические тенденции. Так, уже на втором-третьем месяце у ребенка различаются три формы крика: первый свидетельствует о голодном состоянии; другой — о боли (обе формы тесно связаны с физиологическими потребностями ребенка); наконец, третья форма более социально окрашена: это так называемый ложный, или «фальшивый», крик, с его помощью ребенок требует, чтобы к нему подошли и обратили на него внимание. Мать прекрасно различает все три формы крика у своего ребенка [15]. Но если крик записать на магнитофонную пленку и дать чужой матери его послушать, то она не сможет по крику определить: чего хочет ребенок. В этом случае крик «трактуются всего лишь как маркер *какого-то* желанья — неудобства ребенка» [1: с. 126], т.е. крик как форма эмоционального общения непосредственно связан с конкретной ситуацией.

К более сложным формам эмоционального общения детей в дословесный период относятся гуление и лепет, в которых так же как и в крике синтез преобладает над анализом.

Гуление — это другая форма общения ребенка с окружающей его средой, возникающей приблизительно на втором месяце. Когда ребенку хорошо и он всем доволен, он начинает произносить гласноподобные звуки, сам процесс доставляет ему удовольствие. Если окружающие реагируют на эти звуки и пытаются вступить с младенцем в контакт, то эта форма развивается. Наиболее активного развития гуление как своеобразная форма эмоционального общения достигает к трем месяцам. Если гуление не воспринимается как форма общения и не поддерживается взрослыми, то она может сойти на нет.

Следующая стадия развития общения ребенка — это лепет. При этой форме бессознательно артикулируются не только гласноподобные звуки, но и квазислоги, состоящие из звуков, сходных с согласными и гласными. При этом квазислоги могут повторяться, и из них могут возникать квазислова и даже квазисинтагмы или квазифразы со своей ритмической структурой и интонационным рисунком, которые построены по образцам взрослой речи. Таким образом, синтез осуществляется с помощью ритмических структур и интонационного контура

(рисунка). В результате этого возникают синкретически организованные звучащие блоки приспособленные передавать эмоциональное содержание, потому что лепет, так же как и гуление, является своеобразной формой эмоционального общения, но более сложным образом организованной.

В конкретных формах гуления и лепета нельзя не отметить наличия определенных тенденций аналитического характера. Дело в том, что именно в этот период вырабатываются паралингвистические средства общения, когда конкретные фонетические формы обладают определенным эмоциональным значением. Так, вокалические элементы сходные с гласными типа *и*, *э* связываются ребенком с эмоциями мажорного содержания, а гласноподобные элементы сходные с лабиализованными гласными *о*, *у* — минорного. Широкий гласноподобный звук типа *а* может связываться с эмоциями любой окраски, но придавать им особую значимость. Восходящие ритмические структуры типа ямба и анапеста отражают мажорное содержание, а ритмические структуры, построенные по нисходящему принципу, типа хорей и дактиля — минорное. Интонационные контуры с повышающей интонацией оцениваются как мажорные, а с понижающей — как минорные. Все перечисленные ритмические и интонационные структуры приспособлены для передачи эмоционального содержания средней или умеренной субъективной ценности. В ритмических и интонационных структурах так же, как и слоговых, выделяются образования высокой субъективной ценности. Например, ритмические структуры типа амфибрахий и интонационные контуры восходяще-нисходящим движением тона. Все это согласуется с учением о зонной организации эмоций человека.

Отмеченное выше эмоциональное содержание конкретных фонетических форм лепета связывается ребенком с определенными ситуациями, т.е. и гуление и лепет так же, как и крик, как бы впаяны в определенную ситуацию, но лепет в отличие от крика обладает некоторой обобщающей силой, так как может характеризовать целый класс сходных ситуаций с эмоциональной точки зрения.

Таким образом, изложенные здесь сведения позволяют сделать вывод о том, что в дословесной речи детей преобладают эмоциональные формы речи, для которых с помощью преимущественно синтезирующих средств создаются в целом синкретичные фонетические формы для передачи определенного эмоционального содержания различного уровня субъективной ценности. С этой целью активно используются синтезирующие свойства ритмических структур и интонационных контуров. Звуковая система начинает формироваться с суперсегментных единиц. Первыми языковыми единицами в детской речи выступают интонационные контуры и ритмически организованные структуры, которые обобщенным образом способны характеризовать целые классы ситуаций с эмоциональной точки зрения. Появление в детской речи псевдослов с определенной ритмической структурой свидетельствует о том, что ребенок стремится расчленить ситуацию на ее составляющие. В данном случае ритмическая структура служит для отражения целой группы предметов и явлений тоже с позиций эмоциональных значений. И в данном случае синтезирующие тенденции преобладают над аналитическими.

Далее наступает словесный период в развитии ребенка. По соотношению синтеза и анализа начальный период овладения словесной речью во многом сходен с предыдущим периодом. Первые слова ребенка очень диффузны по своему значению. Так, первые слова Жени Гвоздева весьма многозначны. Например, слово *кася* в его речи обозначает и *кашу*, и *варить кашу*, и *есть кашу*, и *нести кашу*. Все зависит от конкретной ситуации, с которой увязывается это слово [9]. Далеко несовершенно и звуковое оформление первых слов, что объясняется также действием интеграционных процессов. Дело в том, что в речи ребенка словесного периода взаимодействуют две противоположные тенденции. С одной стороны, для освоения суперсегментных средств (ритмических структур и интонационных контуров), необходимо, чтобы звуковая цепь была наиболее гомогенной и состояла из однородных структур. С другой стороны, для повышения эффективности общения и приближения средств общения к взрослым образцам важно вводить в оборот речи все новые элементы, прежде всего согласные, что приводит к разрушению однородности звуковых последовательностей.

На первом этапе словесного периода побеждает первая тенденция. Этим объясняются многие явления в фонетике детской речи как частного, так и более глобального характера. К частным, например можно отнести явления дистантной ассимиляции (уподобления) звуков, при котором происходит частичное (по активному органу или способу образования) или полное уподобление в пределах слова одного звука другому. Например: вместо *Поля* произносят *Попа*, вместо *лиса* – *сиса*, вместо *нельзя* – *ненья* и т.п.

К более глобальным явлениям следует отнести явление субституции звуков, т.е. замены одного звука другим. Так, единственный переднеязычный щелевой звук [с'] может заменять все щелевые переднеязычные, именно [з]: *сень* (*зонт*), [ж]: *Сеня* (*Женя*), [щц']: *иси* (*ищи*) и т.п. замены [З: с. 269–282]. Таким образом, детское косноязычие в определенной мере объясняется преобладанием интеграционной тенденции в детской речи над аналитическими в данный период освоения русского языка.

Вероятно, начальный этап словесного периода, где синтезирующие тенденции преобладают над аналитическими, при нормальных условиях развития ребенка продолжается в течение полутора лет и заканчивается к трем годам. Именно в три года происходит смена соотношений процессов анализа и синтеза в речи детей. Теперь так называемый тотальный аналитизм определяет стратегию и тактику усвоения русского языка ребенком. Эта победа аналитизма над синтетизмом, по нашему мнению, объясняется нарастанием новых содержательных моментов в речи ребенка. Если раньше в период дословесной речи и в начальный период словесной речи фонетическая форма звуковых последовательностей была приспособлена прежде всего для эмоциональных форм общения, поэтому возникают синкретические формы с диффузным значением, способные обслуживать конкретные ситуации. Теперь же появляется необходимость и возможность передачи интеллектуальной информации, которая должна быть оформлена

по лингвистическим правилам русского языка, что и является причиной смены преимущества аналитических тенденций над синтезирующими. Эта тенденция нарастает постепенно. Так, уже в дословесный период ребенок способен с помощью интонационных средств передавать некоторые коммуникативные значения диалогической речи, оформленной по правилам русского языка, которые возникают в результате взаимодействия детей с речью окружающих. Восходящие интонации мажорного типа дают возможность ребенку передавать и улавливать в речи взрослых модальные значения вопроса, побуждения, просьбы, извинения и т.п. А нисходящие интонации минорного типа приобретают способность передавать значения чего-то уже известного для говорящего. Яркие нисходяще-восходящие интонации, связанные с эмоциями зоны высокой субъективной ценности, приспособляются для передачи и восприятия аффективных восклицаний, подчеркнутых волевых обращений и тому подобных модальных значений [8].

С появлением словесной речи возможности оформлять по нормам русского языка и передавать элементы интеллектуальной информации в речи детей возрастает. Однако окончательный перелом в речи ребенка наступает в три года, когда количество переходит в качество и наступает смена стратегий в соотношении анализа и синтеза при усвоении языка. Не случайно именно в этот период ребенок переходит от имитации (подражания) своими средствами речи взрослых к освоению нового вида речевой деятельности, в частности так называемого детского словотворчества, когда из готовых морфов, заимствованных из языка окружающих, создаются своеобразные неологизмы. «Детским словотворчеством мы называем такие словоупотребления малыша (неологизмы), которые он образует самостоятельно, не повторяя услышанные словесные формы... Одним из наиболее общих принципов образования неологизмов — это действие аналитических процессов в речевой сфере ребенка в отношении поступающих из вне словесных воздействий... Членению воспринятых словесных раздражителей подвергаются различные части речи — существительные, глаголы, прилагательные, наречия. В детском словотворчестве обнаруживается своего рода «тотальный аналитизм»... Материалы детского словотворчества показали также, что аналитические процессы вербальной сферы дополняются процессами синтезирующего, объединяющего характера», благодаря которым дети усваивают некоторые грамматические и лексические категоральные значения [14: с. 31].

Итак, в содержательной сфере ребенка в трехлетнем возрасте при усвоении норм русского языка меняется стратегия — с преимущественно синтезирующей на преимущественно аналитическую, что в целом связано со сменой акцентов в содержании коммуникации: наряду с эмоциональным содержанием нарастают элементы интеллектуального содержания, в связи с этим предъявляются новые требования к фонетической форме высказывания.

Можно предположить, что стратегия преимущественного аналитизма охватывает не только сферу содержания, но и область фонетической формы, которая приобретает способность к расчленению и определенному типу ана-

лиза. Экспериментальный материал подтверждает выдвинутое предположение. В 1977 году Е.Н. Винарская, Н.И. Лепская и автор данной работы опубликовали статью, в которой сообщались результаты экспериментов с детьми от 2-х до 10 лет (всего 59 детей). Дети были поделены на возрастные группы, каждой из которых предложили свой набор слов. Вслед за экспериментатором, который предлагал детям поделить слова на слоги по определенным моделям слогаделения, дети должны были самостоятельно поделить слова на слоги, исходя из своих представлений о слогаделении, которое сложилось в их языковом сознании и соответствовало их возрасту. Результаты устного слогаделения детьми фиксировались экспериментатором с помощью фонетической транскрипции.

Эксперименты показали, что двухлетние дети не способны поделить слова на слоги. «Деление слова на части для них означает деление на части соответствующего предмета — «А разве мама делится?». В лучшем случае дети могут допустить возможность деления предмета, обозначаемого словом, но не самого слова. Так, на предложение поделить слово «Мурка» один из наших маленьких испытуемых ответил, что это слово можно поделить на хвост, лапы и глаза». Способность сознательно делить слова на слоги возникает у ребенка в трехлетнем возрасте. Таким образом, способность ребенка к анализу как содержательной стороны слова, так и его фонетической формы возникает у ребенка одновременно и относится к трехлетнему возрасту (при условии нормального развития ребенка).

Дальнейшие эксперименты показали, что, овладев способностью делить слова на слоги, дети последовательно овладевают тремя моделями слогаделения. Если мы придем в среднюю группу детского сада и предложим детям поделить слова на слоги, то они будут делить слова на открытые слоги. Даже слово *майка* или *чайка* они будут делить следующим образом: *ма-йка, ча-йка* и т.п., хотя в качестве образца мы можем предлагать делить слова с помощью закрытых слогов: *май-ка, чай-ка*. Если мы предложим тот же набор слов детям в старшей (подготовительной) группе детского сада или первоклассникам, то обнаружим другую тенденцию. Дети при интуитивном слогаделении будут опираться на закрытую модель слога, т.е. там, где это возможно, они будут закрывать слог и делить слова на закрытые слоги. Если раньше они делили слова *картошка* и *морковка, форточка* на открытые слоги, т.е. *ка-рто-шка, ма-рко-фка, фо-рто-чка*, то теперь дети поделят эти слова иначе: *кар-тош-ка, мар-коф-ка, фор-точ-ка*. Если предложить поделить слова на слоги учащимся третьего класса, т.е. детям 9–10 лет, то обнаружится иная тенденция: дети будут стремиться совместить границы слога с границами морфем. В предыдущий период они делили слова типа *подоконник, прыгнул, покрасить* одним образом (*по-до-ник, пры-гнул, пок-ра-сить*), то теперь слогаделение осуществляется по иным критериям: *под-о-кон-ник, прыг-нул, по-кра-сить*, т.е. наблюдается стремление отделить приставку и суффикс от корня.

Таким образом, с каждым этапом овладения новой моделью интуитивного слогаделения принципы анализа звуковой формы ребенком усложняются. Так, «Раньше всего из звукового облика целостного слова детьми вычле-

няются слоговые сегменты, суммарные акустические характеристики которых имеют тенденцию к восходящей звучности. Такие слоговые модели нечленимы функционально (слогоделение преимущественно по принципу открытых слогов).

Затем слоговые модели, коррелирующие прежде всего с начальными морфемами слова, структурируются как фонемные последовательности (слогоделение преимущественно по принципу закрытых слогов).

В дальнейшем морфологическая структура языка отражается в фонемных последовательностях все более полно (преимущественно морфологический принцип слогоделения).

Следовательно, на начальном этапе анализ фонетической формы слова у ребенка базируется на фонетических критериях, со временем к этим критериям прибавляются морфологические критерии, т.е. анализ производится на более сложных с лингвистической точки зрения основаниях, что в свою очередь свидетельствует о более глубоком постижении детьми системных отношений русского языка, которое осуществляется самостоятельно на основе анализа инпута.

После трех лет ребенок постепенно по-новому воспринимает и осмысляет структуру самого слога. Это также происходит благодаря смены эмоциональных форм общения такими формами, в которых присутствуют и последовательно нарастают элементы интеллектуального содержания. При эмоциональных формах общения ведущим в слоге был гласный, так как именно гласный отвечает за передачу паралингвистической информации мажорного и минорного характера низкой, умеренной или высокой субъективной ценности. Согласные в этом случае лишь усиливают или ослабляют содержание паралингвистических значений гласных, а также ритмических структур, образованных этими гласными. Так, переднеязычные и мягкие согласные усиливают мажорное содержание слоговой структуры или ослабляют ее минорное паралингвистическое значение, а губные и заднеязычные согласные, наоборот, усиливают минорное значение слога, но ослабляют его мажорное значение.

После трехлетнего возраста в связи с нарастанием в речи информации интеллектуального характера ведущим в слоге становится согласный, так как свойства согласного определяют особенности аккомодационных процессов, происходящих в слоге в целом, т.е. параметры согласного определяют звучание гласного (его артикуляторные и акустические особенности). Так, слоги *па* и *пя* с фонетической точки зрения различаются друг от друга не только тем и не столько тем, что в *па* [п] — твердый, а в *пя* [п'] — мягкий, а прежде всего различным звучанием гласных в этих слогах. В слоге *па* звучит относительно чистый гласный *а*, а в слоге *пя* под влиянием мягкого [п'] звучит дифтонгоидный звук, начинающийся с и-образного элемента, а заканчивающийся относительно чистым а-образным компонентом (звучит дифтонгоид *и-а*) [3: с. 123]. Особую роль согласного в слоге подчеркивается и особенностями русской графики. В слогах *па* и *пя* неизменным остается графическая форма согласного, а под влиянием изменения фонетического содержания согласного меняется форма гласного: *а* меняется на *я*.

Об особой роли согласных в определении ритмической и слоговой структуры слова свидетельствуют и первые записи слов детьми. Так, дети детского сада и первоклассники пропускают гласные при записи слов. Например, вместо *Маши* пишут *ми*, вместо *мячь* пишут *мч*, а *время* обозначают последовательностью согласных *врм* и т.п. Данные записи свидетельствуют об особой роли согласных в языковом сознании детей преимущественно дошкольного возраста [13]. Это объясняется тем, что согласные противопоставлены гласным в русском языке не только по артикуляторным и акустическим признакам, но это противопоставление мотивировано функционально. Дело в том, статистически согласные в русском языке отвечают за передачу прежде всего лексических значений, а гласные в основном отвечают за передачу грамматических значений (вспомним в связи с этим падежные окончания существительных) и определяют ритмическую организацию слова. Это положение можно подтвердить и экспериментально. Запишите на доске буквы *п*, *ч*, *т* и предложите испытуемым угадать задуманное вами слова. Довольно быстро испытуемые угадают это слово — *почта*. По предложенным же буквам *о* и *а*, обозначающие гласные, испытуемые вряд ли смогут угадать задуманное слово, вероятно, они смогут догадаться только о ритмической организации этого слова.

Переоценка роли согласных и гласных в слоге на новом этапе усвоения ребенком системы русского языка, когда эмоциональная по своему содержанию форма общения сменяется другой, требует от детей тоже значительных усилий аналитического порядка, хотя процесс анализа протекает скорее бессознательным образом, чем сознательно.

В плане соотношения анализа и синтеза интересен и другой переходный момент в языковом сознании детей, который возникает приблизительно в 9–10 лет в речи ребенка, и связан не только со слоговой организацией русского слова, но и с развитием и усвоением фонологической системы русского языка. Вероятно, лишь с появлением собственной фразовой речи, когда по крайней мере часть слов во фразах настоящих слов, например двусложных, состоящих из отдельных морфем, несут лексическое и грамматическое значение, появляется необходимость в фонемах как особых единицах. До разделения слов на знаменательные и служебные, до расчленения слова на морфемы основной единицей является слог. Об этом свидетельствует первая модель слога, которую осваивает ребенок, где слог не разлагается на составные элементы, т.е. на согласный и гласный.

Потребность в формировании фонологической системы гласных и согласных возникает у ребенка на определенном этапе усвоения языка, в частности при необходимости различать и противопоставлять лексические и грамматические значения хотя бы в самом элементарном виде. Этому способствует явное несовпадение слоговых и морфологических границ в слове. Так, в первых существительных детской речи *мама*, *папа*, *баба* второй слог слова явно распадается на согласный, который относится к корню, и гласный, который составляет самостоятельную морфему, т.е. окончание именительного падежа и единственного числа, что спо-

способствует осознанию самостоятельной роли согласных и гласных в потоке речи и их различной функциональной значимости: согласные отвечают за лексическое значение, а гласные — за грамматическое.

Овладение моделью закрытого слога помогает ребенку освоить и осознать лингвистическое содержание такого явления, каким является ресиллабация, т.е. несовпадения слоговой структуры однокоренных слов. С одной стороны, *papa*, *мама* состоит из двух открытых слогов, а с другой — словоформы *pap*, *мам* состоит из одного закрытого слога, т.е. слоговая структура морфем может изменяться, что характерно для флективных языков [12]. При этом *pap*, *мам* являются корнями существительных с типичной слоговой структурой СГС, С — любой согласный, а Г — любой гласный. Таким образом, явление ресиллабации вновь помогает на базе аналитических процессов осознать различие слоговой и морфемной организации слова, в частности в функциональном различии согласных и гласных в русском языке. Не случайно дети сравнительно легко выделяют окончание у существительных на самых ранних этапах усвоения русского языка, т.е. прежде всего именно падежное окончание существительных выделяется и осознается ребенком как самостоятельные морфемы в его языковом сознании [15].

Итак, на фоне тотального преобладания аналитических процессов над синтетическими формируется одноуровневая фонологическая система согласных и гласных русского языка в языковом сознании ребенка, которая обслуживает все потребности ребенка, т.е. процессы восприятия и порождения речи. Это система фонем состоит из фонем первой степени абстракции по терминологии С.И. Бернштейна и сходна по своей функциональной направленности с фонемами щербовской фонологии, где фонема лишь потенциально связана с морфемой, т.е. любой согласный или гласный при определенных условиях может стать экспонентом конкретной морфемы, например, гласная фонема /a/ может стать экспонентом флексии *a* со значением именительного падежа, женского рода, единственного числа существительного в словах *рука*, *ручка*, *статья*, *тетя* и т.п. [2: с. 12]. Таким образом, фонологическая система первой степени абстракции формируется в языковом сознании ребенка на фоне несовпадения слога и морфемы, когда слог часто рассекается морфологической границей, что позволяет осознать самостоятельность согласного и гласного и их функциональное различие, когда возникает явление ресиллабации, которое способствует развитию данного процесса. В этом случае слог противопоставлен морфеме как чисто фонетическая единица, которая обладает не конкретным лингвистическим значением как морфема, а соотносится с определенным паралингвистическим содержанием, подчиняясь зонной структуре человеческих эмоций. Так, открытые слоги соотносятся с мажорным содержанием умеренной субъективной ценности, а закрытые — с минорным значением той же значимости. Закрытые слоги типа СГС могут выражать мажорные и минорные чувства, но высокой субъективной ценности [8].

Примерно в шесть лет, содержание речи ребенка довольно значительно изменяется, она становится менее зависимой от конкретной ситуации, т.е. бо-

лее контекстной. В речи детей увеличивается количество интеллектуальной информации, что требует более последовательного использования грамматических средства русского языка. В связи с этим у дошкольников усиливается интерес к морфологической организации слова, что приводит к смене моделей слога деления. От модели закрытого слога ребенок переходит к такой модели интуитивного слога деления, когда слог стремится совместить свои границы с границами конкретных морфем, из которых состоит слово, т.е. используется морфологический принцип слога деления. Эта тенденция проявляется более последовательно при знакомстве школьников начальных классов с письменными формами речи как при чтении, так и при письме. В этом случае слог обладает не только эмоциональным значением паралингвистического типа, он становится экспонентом конкретных морфем и ассоциируется с определенными лексическими и грамматическими значениями. Здесь мы можем наблюдать естественный процесс, когда ребенок овладевает морфологической структурой слова на новом этапе освоения системной организации русского языка, опираясь на уже хорошо им освоенную слоговую структуру слова. Конечно, для языкового сознания ребенка данного возраста более понятным и доступным является слог по сравнению с морфемой как элементом языка, поэтому освоить слово как сумму определенных морфем легче и проще, используя слоговую организацию слова. В этом мы видим основной смысл перехода от использования одной модели слога деления к другой. Экспериментальное изучение интуитивного слога деления учащихся 1-го, 2-го и 3-го классов показывает, что постепенно нарастает количество случаев, когда слог совмещает свои границы с морфемой, т.е. количество ошибок на морфослога деление сокращается. Этот процесс достигает своего максимума у учащихся 3-го класса, т.е. у детей в 9–10 лет. Этот период интересен тем, что на этом этапе, когда русский ребенок при слога делении преимущественно ориентирован на морфологический принцип слога деления, он использует в своей речевой практике своеобразный изолирующий тип языка, где слог представляет собой силлабему, т.е. слогоморфему [5: с. 161–172; 6: с. 17–25].

В этот же период происходит переход от использования одноуровневой фонологической системы, состоящей из фонем 1-й степени абстракции: щербовских фонем, к двухуровневой, где над фонемами 1-й степени абстракции надстраиваются фонемы 2-й степени абстракции, т.е. фонем в понимании представителей Московской фонологической школы [2]. Если фонемы нижнего уровня лишь потенциально связаны с морфемой, то фонемы верхнего уровня являются непосредственным элементом конкретной морфемы, и вне ее свойства фонемы определить невозможно. По словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, фонема — это подвижный компонент морфемы и признак известной морфологической категории [7: Т. I, с. 122]. В этом плане фонемы верхнего уровня сходны с фонемами Московской фонологической школы. Совпадение слога и морфемы в языковом сознании ребенка в этот период является дополнительным толчком для формирования фонем 2-й степени абстракции, так как усиливает значение морфемы в структуре слова и особо подчеркивает ее свя-

зи с определенными лексическими и грамматическими значениями. Не случайно в этот период устанавливается максимальная связь морфослогоделения учащихся 3-го класса с их уровнем грамотности (коэффициент корреляции достигает значимой величины и равен 0,52) [4: с. 126]. Так, в этот период, когда ребенком осваивается своеобразный изолирующий тип языка, многие из детей перестают обращать внимание на реальное звучание предложенных для слога деления слов и целиком полагаются на свои знания о фонемном составе соответствующих морфем. При этом дети явно ориентированы на использование фонем верхнего уровня, т.е. фонем Московской фонологической школы. Например, *французский* <фран-цуз-ск'иј>; *свистнуть* <св'ист-нут'>; *разведчик* <раз-в'ед-чик>; *мыться* <мит'-с'а> и т.п. Следовательно, изолирующий тип языка, которым овладевает ребенок в период освоения морфологической модели интуитивного слога деления, не препятствует формированию фонем верхнего уровня, т.е. фонем 2-й степени абстракции, а, наоборот, способствует этому. В данном случае мы придерживаемся той точки зрения, что фонемы играют определенную роль в системной организации изолирующих языков [14], хотя существуют и другие точки зрения.

После третьего класса количество ошибок в экспериментах учащихся на интуитивное слога деление, связанных с морфослогоделением увеличивается, т.е. количество несовпадений границ слогов и морфем возрастает. В то же время ослабевает связь морфослогоделения с уровнем грамотности учащихся (особенно в 6-м классе: коэффициент корреляции равен минус 0,01, т.е. фактически связь распадается [4: с. 131]. Все это свидетельствует о том, что с этого момента начинается переход от использования своеобразного изолирующего типа языка, где ведущей единицей является слог, к звукофонемному строю, где основной единицей является фонема как фонемы верхнего, так и нижнего уровня. Об этом же свидетельствуют экспериментальные данные по слога делению.

Однако морфологическая модель слога деления не может стать абсолютно ведущей. Этому препятствуют типологические особенности русского языка, представителя флективного типа. В этом случае слог чаще не совпадает с морфемой, чем совпадает. Статистические данные показывают, что в русском языке частота слогов, экспонирующих морф, колеблется от 10,5% в научном тексте до 24,4% в разговорной речи и 22,2–28,3% в художественном тексте.

В последующих классах слог теряет свои свойства языка изолирующего типа и проявляет себя как автономная ритмическая единица, а ассоциативные связи с лексическими и грамматическими значениями переходят в ведение фонем. Процесс формирования двухуровневой фонологической системы в языковом сознании ребенка завершается в основном к 11–12 годам. Нижний уровень этой системы обеспечивает процессы восприятия и состоит из фонем 1-й степени абстракции, а верхний — ориентирован на процессы порождения речи и фиксации ее на письме и состоит из фонем 2-й степени абстракции. Эти система организована иерархически: без нижнего уровня не может возникнуть верхнего [4].

Итак, обозревая период с 6-и лет до 11–12 лет с точки зрения соотношения анализа и синтеза в речевой деятельности ребенка можно отметить, что период преобладания аналитических тенденций над синтезирующими, который начинается в трехлетнем возрасте, продолжает действовать. Своего максимального развития эта тенденция достигает в 9–10 лет, когда и в содержательном и фонетическом плане слово представляет собой некую сумму слогоморфем (своеобразных силлабем) характерных для языка изолирующего типа.

Формирование двухуровневой фонологической системы вносит свои коррективы в соотношение аналитических и синтезирующих тенденций в оформлении слова как особой единицы. Благодаря тому, что к фонеме, в связи с ее потенциальными и конкретными связями с морфемой, переходят все смысловые ассоциации лексического и грамматического плана, слог становится чисто ритмической единицей. Именно ритмическая организация словоформы, состоящая из ударных и безударных слогов, помогает ей стать целостной единицей в языковом сознании детей данного возраста. Эта фонетическая форма ритмического характера без реализации аналитических тенденций становится целиком экспонентом целостного лингвистического значения. Таким образом, вновь побеждает синтезирующая тенденция. Однако синтез в данный период осуществляется не на основе паралингвистических значений, а на основе целостных категориальных значений лингвистического порядка. Так, если ранее (до трех лет) нисходящие ритмические структуры связывались с минорными значениями, а восходящие — с мажорными значениями умеренной субъективной ценности, то теперь нисходящие ритмические структуры стремятся стать экспонентами существительных, а восходящие — глаголов. Это подтверждают статистические тенденции взрослой речи носителей русского языка. Особую важность развитие преобладающей синтезирующей тенденции над аналитической приобретает для ребенка при освоении письменных форм речи, в частности чтения. Так, восприятие словоформы в целостном виде помогает ребенку перейти от побуквенного и слогового чтения к чтению целыми словами, а также от чтения вслух к чтению про себя.

Основной принцип русской орфографии является фонематический (в понимании представителей Московской фонологической школы) или морфематический (в понимании щербовской фонологии). В связи с этим каждое написанное слово русского языка представляет собой сумму фонем, выраженных буквами русского алфавита. В этом случае аналитические тенденции преобладают над синтезирующими. Однако ритмическая организация слова и в этом случае позволяет преодолеть аналитические тенденции письменной речи, так как благодаря своей ритмической структуре конкретная словоформа воспринимается как целостная единица с определенным лингвистическим содержанием. Развитию синтезирующей направленности при усвоении письменных форм речи способствует и другая тенденция, которая проявляет себя в этот период. Со временем сознательное использование двухуровневой фонологической системы, на чем и основываются правила чтения и грамотного письма, постепенно ослабевает. Процесс взаимодействия двухуровневой фо-

нологической системы с письменными формами речи из области сознательной деятельности постепенно переходит в область подсознания. Именно эта тенденция, носящая глобальный характер, обеспечивает процесс автоматизации навыков рационального чтения и грамотного письма [4]. При этом синтезирующая роль ритмической структуры слова весьма существенна, так как развитие данной тенденции, вероятно, способствует реализации указанной глобальной тенденции.

Итак, в речевой деятельности ребенка можно наметить три основных периода, отражающих различное соотношение процессов анализа и синтеза в речевой деятельности ребенка. В первый период (с рождения приблизительно до 3 лет) синтезирующие тенденции преобладают над аналитическими. В этом случае синтезирующая тенденция ритмических и интонационных структур осуществляется на основе эмоциональных форм общения, так как синкретические формы, формирующиеся в этот период, наиболее приспособлены для передачи паралингвистических значений с учетом зонной структуры человеческих эмоций.

С трехлетнего возраста начинает складываться другое соотношение между синтезом и анализом при усвоении русского языка ребенком, когда аналитические тенденции преобладают над синтезирующими. Первый подпериод, который длится где-то с 3-х до 6-и лет, связан у ребенка с усвоением системы фонем нижнего уровня, т.е. фонем 1-ой степени абстракции (система фонем щербовской фонологии), а второй подпериод, длящийся с 6-и до 9–10 лет, связан с формированием фонем 2-й степени абстракции (фонем в понимании представительницы Московской фонологической школы). С этим же периодом связан переход от использования одноуровневой фонологической системы к двухуровневой. Максимального развития аналитическая тенденция в речевой практике ребенка достигает к 9–10 годам, когда структура слова определяется суммой морфем, границы которых стремятся совпасть с границами слогов, т.е. слова представляет собой сумму определенных слогоморфем (силлабем), что характерно для языков изолирующего типа.

Далее наступает третий период, который связан с переходом от использования изолирующего типа языка к звукофонемному, когда фонема, а не слог, ассоциируется с лексическими и грамматическими значениями, слог же становится лишь элементом ритмической и интонационной структуры. В этот период вновь синтезирующие тенденции начинают преобладать над аналитическими. И здесь снова большую роль начинают играть ритмическая и интонационная организация слова, которая цементирует слово и помогает использовать его в речевой деятельности как целостное образование. Но в данном случае синтезирующая роль суперсегментных средств базируется не на учете паралингвистических средств эмоционального характера, а лингвистических значений, в частности категориальных значений лексического и грамматического типа.

Предложенная здесь схема смены периодов в соотношении использования процессов анализа и синтеза в речевой практике детей при усвоении си-

стемной организации русского языка строится на использовании известных наблюдений над детской речью, а также на использовании полученного экспериментального материала известного автору. Ряд выводов автора требует уточнений, снятия противоречий и углубления в характеристике самих периодов. Однако уже сейчас ясно, что исследование соотношений анализа и синтеза в речевой практике ребенка имеет значение как в теоретическом, так и в практическом плане.

Литература

1. *Базжина Т. В.* Ранние крики детей сегодня и четверть века назад / Т.В. Базжина // Речь ребенка: проблемы и решения / Под ред. Т.Н. Ушаковой. – М.: ИП РАН, 2008. – С. 115–130.
2. *Бернштейн С. И.* Основные понятия фонологии / С.И. Бернштейн // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5.
3. *Богомазов Г. М.* Современный русский литературный язык. Фонетика / Г.М. Богомазов. – М.: Владос, 2001. – 352 с.
4. *Богомазов Г. М.* Возрастная фонология (двухуровневая фонологическая система и ее роль в формировании чутья языка и грамотности учащихся 1–6 классов) / Г.М. Богомазов. – М.: Издательская группа URSS, 2005. – 376 с.
5. *Богомазов Г. М.* Слог в паралингвистической и лингвистической фонетике в онтолингвистическом и типологических аспектах / Г.М. Богомазов // Русистика и компаративистика: Сб. науч. ст. – Вильнюс; М.: МГПУ, 2007. – С. 161–171.
6. *Богомазов Г. М., Спиридонова Е. Ю.* Взаимодействие навыков чтения и письма в процессе их формирования: гендерный аспект / Г.М. Богомазов, Е.Ю. Спиридонова // Ребенок с нарушениями письма и чтения: образовательные траектории и возможности сопровождения: Материалы Третьей международной конференции Российской ассоциации дислексии (21–22 мая 2007 г.). – М.: МГПУ, 2007. – С. 17–25.
7. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. I. – 384 с.; Т. II. – 315 с.
8. *Винарская Е. Н., Богомазов Г. М.* Возрастная фонетика / Е.Н. Винарская, Г.М. Богомазов. – М.: АСТ, Астрель, 2005. – 207 с.
9. *Гвоздев А. Н.* От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений / А.Н. Гвоздев. – Саратов: Изд-во Саратовского у-та, 1981. – 256 с.
10. *Зиндер Л. П.* Общая фонетика / Л.П. Зиндер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.
11. *Зубкова Л. Г.* Соотношение звуковых единиц со значащими в типологическом аспекте (Ономасиологический и семасиологический подходы в фонологии) / Л.Г. Зубкова // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3.
12. *Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1977. – 183 с.
13. *Орфинская В. К.* К вопросу о системе русских гласных по материалам обследования речи детей / В.К. Орфинская // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л.: АН СССР Институт языкознания, 1951. – С. 208–217.

14. Ушакова Т. Н. Узловые проблемы раннего речезыкового развития ребенка / Т.Н. Ушакова // Речь ребенка: проблемы и решения. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – С. 13–35.
15. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. / С.Н. Цейтлин. – М.: Владос, 2000. – 240 с.

Vogomazov G.M.

Synthetico-syncretical and analytical Tendencies in a Child's Speech

The author of the article suggests the scheme of period changes based on the correlation between analysis and synthesis processes in speech practice of children. The scheme is built on both observations of children's speech and usage of experimental material. There are three periods of coordination of analysis and synthesis processes in children's speech (from the time of birth to the age of 11–12 years old), when mastering of native language also takes place.

Key words: children's speech; analytical structure; synthetic structure; 2-level phonology.

Светлой памяти Геннадия Михайловича Богомазова

9 марта ушел из жизни наш коллега, товарищ, любимый всеми преподаватель, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Богомазов Геннадий Михайлович.

Г.М. Богомазов родился в Москве в 1936 г. В 1960 г. окончил историко-филологический факультет МГПИ им. В.И. Ленина, работал в московской школе, затем в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, в Дипломатической академии МИД СССР, заведовал кафедрой русского языка в Московском государственном заочном педагогическом институте.

Вся жизнь Геннадия Михайловича — пример высокого служения науке, педагогике.

Более 45 лет Богомазов Геннадий Михайлович проработал в высшей школе. В нашем университете, на нашем факультете Геннадий Михайлович работал со дня его основания, и нам, коллегам, студентам и аспирантам, трудно представить без него наш факультет.

Мы знали его в первую очередь как честного, порядочного человека, всегда готового поддержать в трудную минуту и словом, и делом. Рядом с нами жил мудрый и достойный человек.

С лекций Геннадия Михайловича начиналось знакомство студентов с наукой. Он раскрывал перед ними стройность филологии, знакомил с особенностями русской фонетики, раскрывал системность языка, показывал, насколько увлекателен труд исследователя-лингвиста.

В лице Геннадия Михайловича мы потеряли выдающегося ученого, основателя школы детской фонологии, автора более 140 научных трудов, в том числе учебника по фонетике, по которому учатся наши студенты.

Университет, филологический факультет, кафедра русского языка и общего языкознания, все студенты и аспиранты глубоко скорбят о безвременной и трагической кончине коллеги и друга, выдающегося ученого, доктора филологических наук, профессора Богомазова Геннадия Михайловича.

Геннадий Михайлович останется в наших сердцах навсегда.

В.А. Коханова

Задачно-презентативный метод как технология личностно-ориенти- рованного литературного образования

В статье рассматривается один из личностно-ориентированных методов, в основе которого решение учебной задачи на уроках литературы, завершающееся презентацией результатов. Данный метод назван автором задачно-презентативным. В статье представлено описание личностно-ориентированной учебной задачи, даны ее типология и структурные компоненты, показано, как могут изучаться на уроках литературы художественные произведения на основе задачно-презентативного метода.

Ключевые слова: задачно-презентативный метод; личностно-ориентированное литературное образование; учебная задача; презентативные формы; личностно-ориентированная ситуация

Возможности, функции и результаты использования в педагогической деятельности учебных задач неоднократно рассматривали в своих трудах многие ученые: психологи (Е.Н. Кабанова-Меллер, Н.А. Менчинская, С.Л. Рубинштейн, К.А. Славская, Л.М. Фридман, А.Ф. Эсаулов, К.Дункер, И.Крачевский, Л.Секей), дидакты (Ю.К.Бабанский, Ю.М. Колягин, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин), методисты (А.Д. Александров, С.Е. Каменецкий, П.А. Знаменский, А.В. Перышкин, Л.И. Резников, В.П. Орехов, А.В. Усова и др.).

Исследователи рассматривают учебную задачу, прежде всего, как организующее и направляющее начало познавательной деятельности учащихся в процессе усвоения предмета. Таким образом, основу содержания обучения в рамках системы традиционного обучения составляет решение конкретных типовых задач, требующих от учащихся усвоения алгоритмических способов действия, предусмотренных содержанием учебных программ по различным учебным предметам. Подчеркнем, что это касается решения типовых задач не только на уроках математики или физики. В данном случае имеется в виду обобщенное представление **о задаче** как о цели деятельности, заданной в определенных условиях, которая должна быть достигнута преобразованием этих условий согласно определенной процедуре.

Как известно, задача включает в себя следующие компоненты: требование (цель), условия (известное) и искомое (неизвестное), сформулированное в вопросе. Между этими элементами существуют определенные связи и зависимости, за счет которых осуществляется поиск и определение неизвестных элементов через известные. Следовательно, решение типовых учебных задач связано с установлением таких связей и зависимостей между элементами задачи, которые соответствуют освоенным обучающимися схемам действия на основе использования известных алгоритмов, применимым к данным условиям задачи. Примерами типовых задач могут быть: на уроках математики — нахождение корней квадратного уравнения по известной формуле; на уроках географии — объяснение особенностей той или иной климатической зоны на основе географической карты с прямым использованием имеющейся схемы действия; на уроках русского языка — определение способа написания безударных гласных в результате их проверки по известным правилам; на уроках литературы — составление плана прочитанного текста в соответствии с имеющейся памяткой и т.п.

Однако в свете личностно-ориентированного образования традиционно понимаемая учебная задача приобретает качественно новые характеристики.

«Именно через задачу, — утверждает В.В. Сериков, — может моделироваться контекст познания как условие актуализации личностного плана учебной деятельности» [1: с. 130]. А для этого познавательная задача должна содержать личностный контекст. Включение личностного компонента в процесс решения задачи связано с такими личностными проявлениями ученика, как

- принятие намерения о решении,
- придание смысла,
- проявление своего творческого потенциала,
- оценка процесса и результата решения,
- взятие на себя ответственности за полученный результат.

Задача, по утверждению В.И. Слободчикова, выступает основанием личностно-ориентированной ситуации, если она становится для ученика *событием*, требующим перехода от одной модели мировосприятия и поведения к другой [2: с. 5–15].

Гармоничное взаимодействие личностного и предметного видов опыта возникает в том случае, если:

- учащийся видит смысл в изучении дисциплины, то есть она представлена в его жизненных планах или в сфере самоутверждения;
- он умеет установить рефлексивные отношения обыденного и научного опыта;
- он способен осознавать собственные ошибки и преодолевать свои заблуждения;
- при наличии определенного интеллектуального опыта, привычки мыслить логически;
- при наличии самостоятельности как личностного качества.

У таких учащихся, как правило, присутствуют вдохновение и увлеченность, а при необходимости они в состоянии проявить волевое усилие. В учебной деятельности у них обычно преобладает мотивация успешности.

В идеале «строительным материалом» личностных свойств и предметом переживания познающего субъекта должно стать пространство изучаемого учебного предмета: его логика, красота, возможность интеграции с другими областями знания, практики, выход в сферу ценностей и смыслов.

От учителя для постановки личностно-ориентированных учебных задач требуется:

1) такое представление об ожидаемом результате образовательного процесса, под которым понимается целостная ориентировка в материале как в определенной сфере жизнедеятельности;

2) необходимость проектировать не только знание как конечный продукт, но и процедуру усвоения материала, мировоззренческих и методологических идей (объектом проектирования при этом должны выступать деятельность, дидактическая среда, психологическая и социальная сфера познания);

3) представление о том, что моделирование личностно-ориентированных учебных задач и ситуаций может осуществить только учитель, обладающий качественно новым представлением о субъектах образовательного процесса и модели учебного материала. В этих моделях должны быть заложены представления о качественно новых функциях и возможностях этих феноменов в структуре целостной личностно-ориентированной ситуации учения.

4) ориентация на ученика как на субъекта познавательной деятельности требует разработки структуры личностно-ориентированной ситуации.

В основе этой ситуации лежит

- фрагмент содержания образования, включающий познавательно-практическую задачу,

- ориентировочная основа ее решения (понятия, принципы, способы),

- личностный компонент, заданный как специальная информация о «человеческом измерении» изучаемого явления или косвенно через особый вид творчества.

Важнейшая характеристика задачи как всеобщего способа мышления состоит в ее *проблемности*.

Рассмотрим классификацию учебных задач, описанную в педагогических трудах.

В интерпретации личностно-гуманитарного образования В.В. Сериков условно подразделяет все задачи на три основные группы:

- предметно-познавательные задачи,
- практико-ориентированные задачи,
- личностно-ориентированные задачи.

В соответствии со временем, отведенным для их решения, в образовательном процессе перед учащимися могут быть поставлены задачи нескольких уровней.

Первый уровень задач — задачи, для решения которых используется время урока.

Второй уровень — долговременные целевые задачи, для решения которых нужен более значительный отрезок времени.

Учебные задачи можно классифицировать и на основании их содержательного характера. Так, традиционно выделяют два основных типа задач: тематические и имитационные.

Тематические задачи связаны с содержанием материала конкретной темы. Задачи имитационного характера, как правило, имитируют научно-познавательную деятельность человека и, в свою очередь, условно могут быть разделены на три группы: проблемно-поисковые, экспериментальные, олимпиадные задачи. С учетом специфики литературы как учебного предмета можно добавить еще два вида задач:

- коммуникационные, в основе которых лежит задача развития речи учащихся и их коммуникационных навыков,
- творческие, основанные на проявлении творческих способностей учащихся и способствующие развитию их креативности.

Имея в виду, что учебная задача при определенных усилиях учителя может быть переведена в личностно-ориентированную, остановимся на включении в традиционную структуру задачи презентативного компонента. Даже в случае неполной готовности учителя этот компонент значительно усиливает личностно-ориентированный характер учебной задачи, так как презентативная деятельность учащихся, само дополнительное условие публичного представления результатов вносит настолько существенные изменения в сущность и характер процесса решения учебной задачи учащихся, что можно говорить о задачно-презентативном методе как о личностно-ориентированном.

Таким образом, **задачно-презентативный метод** — это совокупность методических приемов учителя, направленных на постановку и решение учащимися личностно-ориентированных учебных задач, результаты которых должны быть публично представлены ими на учебном занятии.

Изучение учебного материала на основе задачно-презентативного метода переводит любую учебную задачу в личностную плоскость, так как учащийся не косвенно, а непосредственно должен будет утверждать публично свою интеллектуальную (либо творческую, коммуникативную и пр.) состоятельность. Для выполнения задачи подобного рода от обучающегося требуется демонстрация умения презентовать результат своего труда, способность оформить его в приемлемом для понимания других варианте и представить с определенным комментарием, который также необходимо осмыслить, оформить в краткую речь, сопроводив каким-либо иллюстративным материалом.

Выполнение такого рода задач дает возможность учащимся:

- целеустремленно и самостоятельно работать над развитием собственной речи;
- постоянно осмысливать процесс и результаты собственной деятельности, чтобы представить ее результаты с наибольшим успехом;

- стремиться к наилучшему результату и наивысшей оценке окружающих, что значительно повышает эффект успешности от учебной деятельности.

Рассмотрим, как может выглядеть использование задачно-презентативного метода на уроках литературы.

Весьма традиционной является, например, задача проанализировать стихотворение, опираясь на схему анализа и образец анализа другого стихотворения в старших классах. Личностно-ориентированной она становится в том случае, если учитель предваряет анализ следующими приемами:

- дает краткое предисловие о той жизненной ситуации, которая привела поэта к написанию этого стихотворения, о его месте в творческой и личной судьбе автора;

- обращает учащихся к их личному опыту;
- представляет информацию о возможном глубинном смысле, который выявляется при литературоведческом анализе, но не обнаруживается при первом прочтении стихотворения;

- акцентирует внимание на личностной проблематике произведения.

Такого рода вступление к решению поставленной задачи может способствовать пробуждению познавательного интереса, возникновению мотивации к самостоятельному анализу. Совокупность данных приемов представляет собой **личностный компонент** учебной задачи.

Однако если учитель дополнит задачу необходимостью для учащихся представить результат проведенной работы в какой-либо из презентативных форм, личностно-ориентированный эффект значительно возрастет.

Формы презентации результатов решения учебных задач могут быть следующие:

- устное сообщение;
- письменно оформленный результат, который сдается учащимся с кратким публичным сопроводительным словом;
- краткое устное сообщение с наглядно оформленным результатом (в виде схемы, таблицы, иллюстрации и т.д.);
- компьютерная презентация, выполненная, например, в программе Microsoft Power Point.

Следовательно, структура личностно-ориентированной учебной задачи схематично будет выглядеть на рисунке 1.

Приведем пример использования задачно-презентативного метода при изучении темы «Родная природа в стихотворениях русских поэтов XIX века» в 6 классе. По определению В.П. Полухиной, «главная задача учителя — организовать работу со стихотворениями о природе так, чтобы пробудить интерес и любовь к поэзии. Поэтому первое, что необходимо учителю, — это освоить образное содержание стихотворения, добиться того, чтобы ученик отчетливо представлял, видел предмет изображения. Как писал В. Набоков: «Главная задача писателя — превратить читателя в зрителя». Затем — выявление основных чувств, которые вызывает та или иная картина, тот или иной предмет, которые помогут школьникам понять основной тон стихотворения и проникнуться чувствами, которые

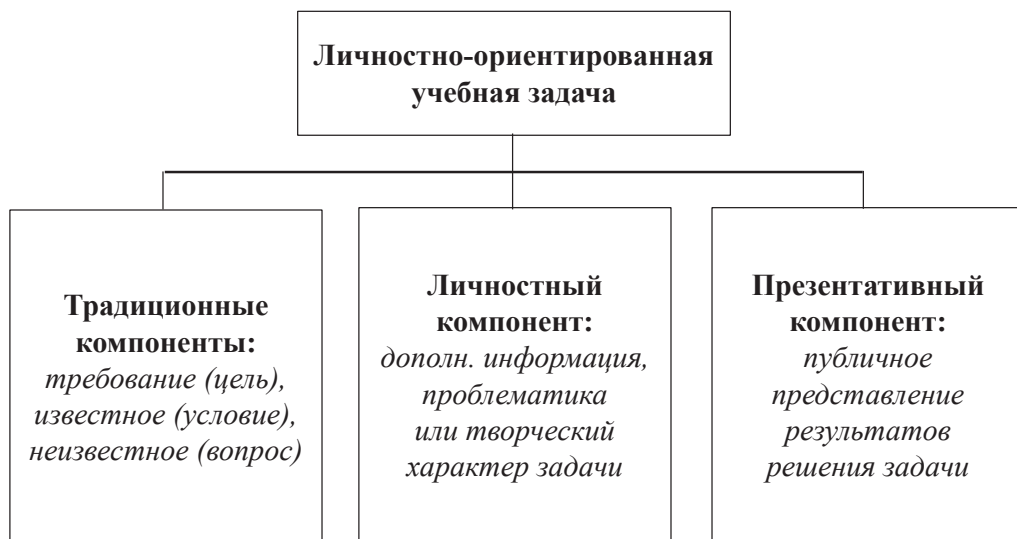

Рис. 1.

стремился пробудить поэт, и, наконец, личное отношение к нарисованному, которое отразится в выразительном чтении того или иного стихотворения» [3: с. 65].

Стихотворения, которые предлагаются для изучения в 6 классе, тематически связаны изображением картин природы в разные времена года: Е.А. Баратынский «Весна, весна!», И.С. Никитин «Встреча зимы», стихотворения А.Н. Майкова «Осень» и «Пейзаж». В методическом пособии В.П. Полухиной предлагается изучение стихотворений с помощью приемов, хорошо знакомых учителям: беседа по вопросам учителя, словесное рисование, заучивание наизусть, сопоставление с живописными произведениями и пр. Все эти приемы имеют право на применение, однако весьма эффективным может стать использование задачно-презентативного метода, который переведет изучение лирических стихотворений в личностную плоскость для учащихся. В ходе уроков, посвященных изучению стихотворений, учитель может поставить перед каждым шестиклассником следующую задачу:

1. Прочитать в хрестоматии стихотворения разных поэтов, посвященные описанию времен года.

2. **Выбрать** стихотворение, наиболее точно соответствующее личному восприятию данного времени года.

3. Сравнить с собственным восприятием этого времени года.

4. Подготовить **выразительное чтение** стихотворения.

5. Подготовить устный ответ (в 2–5 предложениях), объясняющий выбор именно этого стихотворения.

В качестве индивидуального задания, которое учащиеся выбирают по желанию на дополнительную оценку можно попросить их выполнить следующие виды работ:

6. Подобрать иллюстрацию, соответствующую теме, образам или мотивам стихотворения (иллюстрация может быть музыкальной, живопис-

ной, например, в форме аудио- или видеозаписи, а может представлять собой творчество самого ученика).

7. Подобрать близкое по теме и настроению стихотворение другого поэта и подготовить его выразительное чтение с комментарием.

Весьма традиционная учебная задача в данном случае приобретает характер лично-ориентированной в связи с изменением ряда условий:

- учащимся дается право выбора наиболее близкого им стихотворения;
- учебный материал приобретает личный характер, так как учащиеся соотносят его с субъектным опытом;
- учителя интересует обоснование этого личного выбора в форме личного суждения ученика, а не просто проверка навыка выразительного чтения (как принято в традиционной методике);
- результаты своей работы ученики вынуждены тщательно подготовить, так как должны продемонстрировать публично;
- учащиеся получают возможности для творческого самовыражения, но их не обязывают жестко это делать.

Таким образом, при использовании задачно-презентативного метода на уроках литературы могут быть достигнуты не только учебные цели, но и цели, связанные с личностным развитием учащихся. Обращение к субъектному опыту учеников, развитие у них таких качеств, как креативность, рефлексивность, коммуникативность, является важнейшей задачей учителя, работающего в условиях лично-ориентированного литературного образования.

Литература

1. Сериков В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем / В.В. Сериков. – М.: Логос, 1999. – 272 с.
2. Слободчиков В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе (психологические основы проектирования образования): Автореф. ... докт. психол. наук / В.И. Слободчиков. – М., 1994. – 83 с.
3. Полухина В. П. Литература. 6 класс: Методические советы / В.П. Полухина. – М.: Просвещение, 2005. – 122 с.

Kokhanova V.A.

Task-presentational Method as Technology of Personality-oriented Literary Education

One of the personality-oriented methods is examined in the article, its basis being the decision of educational task at the lessons of literature, completing in the presentation of the results. This method is called by the author a task-presentational one. A description of a personality-oriented educational task is presented in the article, together with its typology and structural components. The way of studying pieces of fiction on the basis of task-presentational method at the lessons of literature is also shown in the article.

Key words: task-presentational method; personality-oriented literary education; educational task; presentational forms; personality-oriented situation

А.А. Алферова

Изучение фольклора в культурологическом аспекте в 5–8 классах общеобразовательной школы

В статье освещается проблема изучения двух частей словесного искусства — фольклора и литературы — методом интеграции на протяжении всего периода среднего образования. Важнейшие цели интегрированного изучения литературы и фольклора в культурологическом аспекте соотносятся как с ведущими воспитательными задачами (воспитание художественного вкуса, общей культуры личности, развитие самостоятельности и творческого начала, активизация нравственного воспитания), так и с главной целью изучения литературы — «через формирование квалифицированного читателя — к формированию духовно богатой личности».

Ключевые слова: интеграция; фольклор; воспитание личности; интегрированный урок

В Государственном образовательном стандарте сформулирована ведущая цель школьного курса литературы: «Воспитание духовно-развитой личности, осознающей свою принадлежность к родной культуре, обладающей гуманистическим мировоззрением, общероссийским гражданским сознанием, чувством патриотизма; воспитание любви к русской литературе и культуре, уважения к литературам и культурам других народов; обогащение духовного мира школьников, их жизненного и эстетического опыта» (URL: <http://www.edu.ru>.)

К сожалению, из всех разделов школьной программы по литературе именно фольклор у школьников наименее популярен, так как, вследствие небольшого количества часов и небогатого программного материала, эти разделы остаются наименее изученными, наименее понятыми и оцененными. А ведь «фольклорным произведениям принадлежит одна из основных ролей в деле осознания национальных традиций и мировосприятия» [4: с. 156].

Изучение русского фольклора имеет большую педагогическую ценность, поскольку актуализируются знания из различных образовательных областей (истории, мифологии, этики, психологии, литературы, музыки, изобразительного искусства, географии, религии и др.) и создаются благоприятные предпосылки для развития познавательных способностей школьников, повышения уровня литературного образования, обогащения эмоциональной сферы, формирования у них нравственности, мировоззренческих позиций. Таким образом, «фольклор – это самобытный вид словесного искусства, содержащий в себе культуру и творчество нации и ставший фундаментом для развития русской классической литературы» [4: с. 178]. Следовательно, изучение

фольклорных произведений различных жанров в 5–8 классах средней школы должно проходить в культурологическом аспекте.

Школьное изучение фольклорных произведений должно осуществляться таким образом, чтобы учащиеся смогли освоить не только основные признаки, характеризующие произведения разных жанров, но и осознали их взаимосвязь, их значение в национальной культуре Руси. Необходимо найти такие пути в организации работы над темами, которые стимулировали бы литературно-творческую деятельность учащихся, так как именно такой путь способствует формированию духовной личности учащихся.

«Выбор соответствующих методов, приемов и форм обучения обусловлен спецификой литературы и психологическими особенностями ее восприятия» [1: с. 37]. Прежде всего, это связано с тем, что мир духовных ценностей не может быть внесен в сознание кем-то извне. Ценности вырабатываются только самостоятельно. Поэтому ученики должны быть активными участниками этого процесса. Активизации деятельности школьников способствует применение эвристического метода обучения. Рассмотрим основные методические принципы и приемы изучения отдельных фольклорных жанров.

На уроках, посвященных изучению былин в 5–6 классах, вопросы и задания строятся таким образом, чтобы можно было определить не только своеобразие былин как жанра и ее отличия от сказки, но и через их идейное содержание и систему образов выявить нравственные идеалы народного сознания. Поэтому изучение былин обязательно необходимо сопровождать историческими справками об истории и культуре Древней Руси, которые можно давать детям как индивидуальное домашнее задание. Например, к изучению былины «Три поездки Ильи Муромца» можно подготовить исторический материал о значении города Муром в политике Древней Руси и о народном герое казаке Чоботок Муромский, в иночестве Ильи, как примере реально существовавшего богатыря и ставшего прототипом Ильи Муромца в былинах.

При выявлении особенностей языка былины обращаем внимание на то, что в былинах нет рифмы (это можно выявить на основе сравнения с лирической народной песней), а есть своеобразная ритмическая организация стиха. Например, предложить расставить ударение в первых двух строках, в результате чего выявляем, что в строке три ударных слога и между ними три безударных. Необходимо сказать об особенностях исполнения былин и при возможности дать послушать фрагмент аудиозаписи.

Обращаясь к былине, необходимо посвящать отдельные уроки знакомству с произведениями живописи В. Васнецова, К. Васильева, И. Глазунова. Для актуализации былинного жанра и повышения интереса к изучению народного творчества можно использовать современную экранизацию былины «Алеша Попович». Сравнивая содержание былин с мультфильмом, в котором наряду с фольклорной лексикой используются современный сленг, можно выявить особенности былинного языка и в качестве внеклассного чтения организовать эстетическую дискуссию об употреблении сленга в современной речи и жар-

гонизмов — в художественной литературе. Связь с современностью всегда рождает особый интерес учащихся к литературе как к предмету, а через предмет — к искусству слова.

Также в качестве итогового занятия можно предложить учащимся творческую работу: описать былинным стихом какое-либо историческое событие, например, битву Александра Невского, где образ князя будет иметь черты богатыря. Опять же в зависимости от профиля класса, от его уровня знаний можно предложить описать былинным стихом какое-либо современное событие, например, будущие Олимпийские игры в Сочи.

Изучению песенного фольклорного жанра помогает этнографический материал. Через поэтику календарно-обрядовой поэзии легче воссоздать в воображении школьников картин из жизни наших предков. В работе с песенными жанрами фольклора важно использовать аудиозаписи. Они помогут учащимся не только эмоционально воспринимать песню, но и будут способствовать целостному восприятию и пониманию образности обрядовой поэзии. Рассказ о русском народном костюме, праздничном и повседневном, также будет актуален на уроке по изучению обрядовой поэзии, так как народный костюм, как и песня, имеет свою символику. Например, рассказ учителя о роли цвета в русском народном костюме или символическом значении растительного орнамента в женском костюме поможет учащимся лучше понять символику обрядово-календарной поэзии. После рассказа учителя о народном костюме учащимся можно самим предложить «разгадать» символическое значение, например, песни-заклички или веснянки.

В 7–8 классах, работая с историческими песнями, учитель должен обязательно обращаться к истории Руси. При этом необходимо сравнивать народное видение героя песни и историческую точку зрения. Так, например, в истории Иван IV представлен, прежде всего, как деспотичный правитель, в народных песнях он заступник, батюшка, так как при Иване Грозном боярское сословие утрачивает власть, что благоприятно отражается на жизни крестьян. Такое же двойственное представление образа Ивана Грозного в произведении М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника Кирибеевича и удалого купца Калашникова». Поэтому при изучении произведения М. Ю. Лермонтова детям будет наиболее понятна противоречивость образа царя, особенности такого явления, как опричнина.

Работа над малыми фольклорными жанрами направлена на решение следующих учебных задач:

- выявление специфики каждого малого фольклорного жанра в отдельности и в то же время выявление их общих черт;
- определение взаимосвязи малых фольклорных жанров с крупными по идейному содержанию;
- работа над такими средствами речевой выразительности, как метафора и сравнение, которые являются основой для создания загадок и пословиц;

– выявление функционального значения малых фольклорных жанров в народной и современной речи.

Для реализации данных задач, помимо традиционных методов и форм работы, можно использовать следующие виды творческих заданий для учащихся:

- подобрать ряд пословиц, которые соответствуют различным жизненным ситуациям;
- озаглавить какой-либо рассказ пословицей;
- написать сочинение по пословице;
- сочинить загадки о современных жизненных явлениях;
- проиллюстрировать загадку или пословицу.

Интересно проходят уроки, когда иноязычным детям предлагается обратиться к своим национальным малым фольклорным жанрам, принести на урок литературы и сравнить, как один и тот же предмет или явление описано, а, следовательно, и воспринимается народами по-другому. Сравнение произведений разных народов на примере малых фольклорных жанров позволит создать, с одной стороны, представление о различии культур, а с другой, выявит мудрость и самобытность каждой, что способствует воспитанию в детях уважения к другим национальным культурам, толерантности во взаимоотношениях.

Решая проблему реализации национально-культурных запросов на уроке литературы, очень важно избежать опасности национальной замкнутости, так как она неизбежно приведет к духовному оскудению. Необходимо всегда помнить о том, что «подлинное национальное самосознание ставит бытие нации в перспективу мировой истории, оно преодолевает провинциализм национальной жизни и национальных интересов. Чужую национальную душу может почувствовать и узнать лишь тот, кто знает свою национальную душу» [3: с. 16]. Поэтому постижение русской национальной культуры необходимо вести в сравнении с культурными традициями других национальностей.

Принципы диалектического единства общечеловеческого и национального как формы его проявления должны стать определяющими на уроках. Задача учителя в том, чтобы сформировался человек — активный субъект культуры.

Литература

1. Беленький Г. И. Приобщение к искусству слова: (Раздумья о преподавании слова) / Г.И. Беленький. – М.: Просвещение, 1990. – 188 с.
2. Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии / Ф.И. Буслаев. – Русский Вестник. – 1872. – Т. 101. – С. 645–727; 1873. – Т. 103. – С. 293 – 329; 1873. – Т. 104. – С. 568–649.
3. Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры: Гуманитарный комментарий к естествознанию / Г.Д. Гачев. – Ростов-н./Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1992. – 217 с.

4. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи / В.Я. Пропп / Сост. Б.Н. Путилова. – М.: Наука, 1976. – 324 с.

Alpherova A.A.

Studying Folklore from Cultural Studies Point of View in 5–8th Forms of the Secondary School

The article deals with the problem of studying the two main parts of the philological area: folklore and literature – with the help of integrated method during all the period of secondary education. The most important aims of integrated studying literature and folklore in the aspect of culture are closely connected not only with general educational tasks (such as development of artistic taste, general culture and self-dependence of a pupil together with stirring up his moral upbringing) but also with the leading aim of studying literature as such which may be described as movement “from the formation of a qualified reader to the formation of a spiritually rich personality”.

Key words: integration; folklore; education and upbringing of a personality; integrated lesson

Е.Н. Кирьянова

Образ матери в ранней лирике Марины Цветаевой

В двух ранних сборниках Марины Цветаевой «Волшебный фонарь» и «Вечерний альбом» образ матери является определяющим. Разносторонне одаренная, Мария Мейн могла стать выдающейся пианисткой, но судьба ее сложилась иначе. Образ матери в лирике Цветаевой трагичен. Именно она передала дочери любовь к музыке, тонкое понимание Красоты и Искусства.

Ключевые слова: Марина Цветаева; Мария Мейн; ранняя лирика; образ матери

*Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим...
(М.И. Цветаева. «Маме»)*

Интерес к первым, ранним сборникам Марины Цветаевой, помог найти мало освещенную в исследовательской литературе область лирики великого поэта — область дома, в котором складывалось и определялось мировидение будущей бунтарки.

Дом в цветаевской «поэтике бездомья» выступает как своеобразная модель мира, в которой и время, и пространство, и перемены происходят в соответствии с изменениями в мировосприятии самой Цветаевой, это и пространство, имеющее свой дух, обретший в стихах и воспоминаниях «телесность» (зала, детская), и семья — два главных человека на всю жизнь — сестра Ася (Анастасия Цветаева) и мать (Мария Мейн).

Столь близкое русскому менталитету понимание ДОМА через категории уюта, тепла и близости для лирики Цветаевой не годится вовсе. И хотя традиционно центральный образ матери может, без сомнения, быть назван определяющим для двух ранних сборников — «Волшебный фонарь» и «Вечерний альбом», — он исполнен в совершенно ином ключе, что отчасти продиктовано мировидением самого поэта, отчасти действительной атмосферой семьи. Цветаева далека от бытописательства даже в ранней лирике. Эта чуждость предметному миру, интерес ко всему одухотворенному, тонкое понимание искусства как нечто живого — от матери.

Разносторонне одаренная, Мария Мейн, по свидетельству А.И. Цветаевой, музыке училась у Муромцевой, любимой ученицы Н. Рубинштейна, живописи — у художника Клодта. Исследователь А. Саакянц [4] пишет, что в своих дневниковых тетрадах Мария Мейн предстает человеком, тонко чувствующим и понимающим искусство, обожающим русскую литературу; дневники раскрывают сложный мир ее чувств и помыслов, выдающих в ней неординарную и глубоко трагическую натуру.

О трагичности натуры Марии Мейн мы можем судить и по воспоминаниям обеих дочерей. Марина Цветаева писала в очерке «Мой Пушкин» [3: с. 274]: «Моя мать выбрала самый тяжелый жребий — вдвое старшего вдовца, с двумя детьми, влюбленного в покойницу... (первую жену В. Иловайскую) на детей и на чужую беду вышла замуж, любя и продолжая любить того, с которым потом никогда не искала встречи и которому, впервые и нечаянно встретившись с ним на лекции мужа, на вопрос о жизни, счастье и так далее, ответила: “Моей дочери год, она очень крупная и умная, и я совершенно счастлива...”. Боже, как в эту минуту она должна была меня, умную и крупную, ненавидеть за то, что я — не его дочь!» Об этой неразделенной и первой — нет, единственной! — любви Марии Мейн известно немного. Ни имени, ни фамилии — только бал, на котором семнадцатилетней девушкой повстречала она *его*, женатого человека, который жил в ее сердце всю жизнь, звучал в ее музыке... С этой встречей поселилась в судьбе Марии Мейн великая трагедия, быть может, оттого и музыка, рожденная ее руками, руками гениальной пианистки, никогда не видевшей сцены, была так восхитительна. В очерке «Мать и музыка» Марина Цветаева [2: с. 158] опишет случай в Мюнхене как во время игры матери незнакомый чужой мальчик, зачарованный этой игрой, попросту упал вместе со стулом, на котором сидел, ей под ноги. Никто из присутствующих не только не засмеялся, но и каждому ясно было, что невозможно быть рядом и не быть замороженным силой такого искусства. «Никогда не забуду своей матери с чужим мальчиком, — пишет Цветаева. — Это был самый глубокий, за всю мою жизнь, *поклон*». Так от матери с самого детства и через всю жизнь далее — огромная *сопричастность* Искусству.

Войдя в дом мужа молодой хозяйкой, она столкнулась с бытом в серости той повседневности, которая угнетала ее тонкую натуру. Однако приняла твердое и до конца исполненное ею решение: двум детям Цветаева от первого брака с актрисой и певицей В. Иловайской быть матерью (младший Андрюша так и звал ее мамой), а мужу, известному на весь мир историку и филологу, — помощницей. В залах белокаменного музея на Волхонке столько ее труда! Вся иностранная переписка Цветаева лежала на ее плечах. Одиночество, невнимание вечно занятого мужа, позже — дети, всегда — домашние обязанности (думать о том, что заказать на обед!) — все это, а главное невозможность свободно отдаться музыке, способствовало тому, что Мария Мейн сама определила свою действительность. Дети вечно видели мать с книгой, слышали мать за роялем — так она БЫЛА, спасаясь, как в омуте, в своем великом искусстве.

В старом вальсе штраусовском впервые

Мы услышали твой тихий зов...

[1: с. 10, «Маме»]

По-настоящему формульными в определении значения образа матери в цветаевской лирике могут быть строки:

Мы, как ты, приветствуем закаты,

Упиваясь близостью конца.

Все, чем в лучший вечер мы богаты,

Нам тобою вложено в сердца.

[1: с. 10, «Маме»]

Образ ее возвышен, окутан печалью, все ее существо проникнуто звуками вальсов, она прекрасна, и никогда не увидеть ее за сервированным к ужину столом, рядом с чем-то еще из мира предметной действительности, и только дети порой нарушают границы ее особого измерения любопытным вопросом, суетой, желанием поиграть, *ее* дети, еще не доступные большому искусству, живущие в мире шума и игр.

... Гневом глаза загорелись у графа:

«Здесь я, княгиня, по благости рока!»

— «Мама, а в море не тонет жирафа?»

Мама душою — далеко!

— «Мама, смотри: паутинка в котлете!»

В голосе детском упрек и угроза.

Мама очнулась от вымыслов: дети —

Горькая проза.

[1: с. 46, «Мама за книгой»]

Параллельное существование в этом тексте мира детства как мира житейской прозы и романтизированного мира высоких чувств в романах «пера и шпаги» продолжают контраст, лежащий в основе всего образа матери. Она сама существует на грани желаемой фантазии и выдуманных грез и досадной действительности. Умело гиперболизированное противоречие между «сверканьем кинжала» и домиком из кубиков усиливается преувеличенно театральным благородством героев, «княгини» и «графа» со сложной высокопарной речью и наивным детским вопросом о «жирафе».

Мать словно принадлежит иному измерению, она близка — и недостижима, она совершенно не замечает, что рядом, в детском мире, в ней нуждаются. В стихотворении «Пробужденье» контрастность образа реализуется через пространство: миру детской комнаты противопоставлена далекая зала, где стоит рояль.

Бедный разбужен! Черед
За баловницей сестренкой.

.....
Холодно! Кукла без глаз
Мрачно нахмурила брови:
Куколке солнышка жаль!
В зале — дрожащие звуки...
Это тихонько рояль
Тронули мамины руки.

[1: с. 46, «Пробужденье»]

В тексте рисуется картина детского пробуждения в выстуженной и темной комнате мрачным осенним утром. И солнца нет за окном, и пробуждение насильно — «разбужен» — и нет рядом мамы, доброй улыбки, нежных рук, и страшный образ куклы без глаз как символа неприветливого дня и бесприютного детства — все это пугает малыша (быть может, Андрюшу?), но защиты нет, в далекой зале с трепетной дрожью в руках мать — за роялем, а значит, мир житейской прозы на мгновения перестал для нее быть.

Но вот иной текст — стихотворение «В Люксембургском саду» — вносит в этот образ — уже обобщенный, расширенный до емкого восприятия *матери* как таковой — традиционное понимание ее как существа близкого, любящего, а бескорыстие любви ее и нежности к своему чаду — как основное призвание женщины. Она эту женскую функцию, которой так бежала ее собственная мать, любя по-своему, но часто тяготясь детьми, не умея дать им простоту материнской заботы, реализовала полностью.

Я женщин люблю, чтоб в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, —
Но я знаю, что только в плену колыбели
Обычное — женское — счастье мое!

[1: с. 54, «В Люксембургском саду»]

В полном осознании, что «колыбель» — дети — это привязь и труд, Цветаева без умиления, здраво и твердо говорит о счастье в этой связанности несвободе, «обычное», столь несвойственное ее лирике, здесь есть общее со всеми матерями, а матерью должна быть всякая женщина.

Образ матери у Цветаевой находится в постоянном развитии, и вот с первых стихов, таких проникновенно-искренних, связанных с образом собственной матери, проникнутых личными воспоминаниями, она придет к более общим выводам, обозначая таким образом свое понимание материнства. Но не единожды будет повторено ею: все лучшее, что сама в себе принимает и осознает — все от матери.

Словно песня — милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.

.....
 Мы лежим, от счастья молчаливы,
 Замирает сладко детский дух.
 Мы в траве, вокруг синеют сливы,
 Мама Lichtenstein читает вслух.

[1: с. 42, «Как мы читали «Lichtenstein»]

Непонимание, чуждость по-мещански опрощенному быту, далекая, насильно оставленная в прошлом, но неизжитая любовь ранней юности, наложившие печать грусти на мать, передались и дочерям.

С ранних лет нам близок, кто печален,
 Скучен смех и чужд домашний кров...
 Наш корабль не в добрый час отчален
 И плывет по воле всех ветров!

[1: с.10, «Маме»]

Трагедия как характерная черта цветаевского мироощущения неотступно связана с образом матери, литературный облик которого в этих первых, очень откровенно-личностных текстах, неразрывно сцеплен с образом реальной земной женщины, жизнь свою прожившей с затаенной в сердце трагедией. «Мать точно заживо похоронила себя внутри нас — на вечную жизнь», — напишет М. Цветаева в очерке «Мать и музыка» [2]. В зрелой лирике мотив одиночества и ощущение трагедии, как бы наследуемое от матери и сопряженное со страданиями, лежащее в основе мироощущения Цветаевой-поэта, сделает ее одной из самых трагических личностей эпохи, эпохи, которой она сама же и дала имя, став, по мнению И. Бродского [7], «величайшим поэтом двадцатого века».

Литература

1. *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7-ми тт. / М.И. Цветаева; сост. А. Саакянц и Л. Мухин. — Т. 1. — М.: Эллис Лак, 1994. — 640 с.
2. *Цветаева М. И.* «Мать и музыка» / М.И. Цветаева // Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7-ми тт. / Сост. А. Саакянц и Л. Мухин. — Т. 5. — М.: Эллис Лак, 1994. — С. 158.
3. *Цветаева М. И.* «Мой Пушкин» / М.И. Цветаева // Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7-ми тт. / Сост. А. Саакянц и Л. Мухин. — Т. 5. — М.: Эллис Лак, 1994. — С. 274.
4. *Саакянц А.* Примечания / А. Саакянц // Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7-ми тт. — Т. 2. — Минск: Изд-во «Народна асвета», 1988. — 480 с.
5. *Кудрова И. В.* Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность / И.В. Кудрова. — СПб.: Вита Нова, 2003. — 528 с.
6. *Белкина М. И.* Скрещение судеб / М.И. Белкина. — М.: Эллис Лак, 2008. — 784 с.
7. *Бродский И. А.* Бродский о Цветаевой: Интервью, эссе / Вступ. ст. И. Кудровой. — М.: Независимая газета, 1997. — 208 с.

Kiryanova E. N.

Mother's Figure in Marina Tsvetaeva's Early Lyrics

In the first two early Marina Tsvetaeva's collections of poems, « Magic lantern» and «Evening album», mother's figure is a determinative one. Being a gifted personality, Maria Meyn could become a prominent pianist, but it turned out otherwise. Mother's figure is tragic in Tsvetaeva's lyrics. That was she who handed her daughter down love for music and refined understanding of Beauty and Art.

Key words: Marina Tsvetaeva; Maria Meyn; Mother's figure; early lyrics

Дни науки – 2009 на филологическом факультете МГПУ

Публикуемый в настоящем разделе материал представляет собой подробный обзор научных мероприятий, приуроченных к традиционным Дням науки и проведенных при непосредственном участии филологического факультета МГПУ в марте – апреле 2009 года. В их числе — III международный Булгаковский семинар, научные семинары «Н.В. Гоголь и русская литература» и «Н.В. Гоголь и зарубежная литература», посвященные празднованию 200-летия писателя, а также ежегодная конференция лингвистов «Русисты МГПУ — столичному образованию». В обзоре затрагивается проблема интеграции науки и образования, послужившая общей темой всего цикла мероприятий, рассматриваются разные способы ее решения в рамках уровневой образовательной системы.

В марте – апреле 2009 года филологический факультет ГОУ ВПО МГПУ в сотрудничестве с руководством университета, другими факультетами и институтами принял активное участие в организации и проведении ежегодных Дней науки. В содержании и формах организации Дней науки нашли отражение разносторонние научные интересы и практические разработки профессорско-преподавательского состава факультета. Выбор тематики мероприятий определялся как фундаментальными потребностями развития филологической науки, так и ее актуальными задачами, включая задачу интеграции знаний, поиска новых форм взаимодействия науки и преподавания в условиях перехода на уровневую модель высшей школы. Большая часть мероприятий прошла в формате межфакультетских, межвузовских и международных научных конференций и научно-практических семинаров, свидетельствуя о высоком авторитете развивающихся в рамках факультета научных школ, об актуальности научных проблем, разрабатываемых филологами МГПУ, и расширении научных связей факультета и вуза в России и за рубежом.

Серию мероприятий, приуроченных к Дням науки, открыл межвузовский семинар «**Государственная итоговая аттестация в системе двухуровневой подготовки**». Наряду с преподавателями филологического факультета в работе семинара приняли участие представители педагогических вузов Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода. Были обсуждены вопросы, связанные с организацией учебного процесса в рамках новой системы, текущей аттестацией студентов, а также особенностями проведения сессионных испытаний бакалавров и магистров.

Особое внимание было уделено новым принципам взаимодействия преподавателей и студентов в процессе обучения. Перед собравшимися выступили декан филологического факультета МГПУ В.А. Коханова, декан филологического факультета РГПУ им. А.С. Герцена Н.Л. Шубина, декан филологического факультета Нижегородского педагогического университета Г.С. Самойлова. Участники семинара активно откликнулись на предложение обсудить затронутые докладчиками проблемы. В ходе обсуждения прозвучало немало вопросов, комментариев, предложений по вопросам организации учебного процесса в новых условиях. Опыт проведения подобных межвузовских семинаров был признан полезным как способ обмена знаниями и навыками преподавания в сфере высшего уровня образования. При этом было отмечено, что, наряду с решением практических задач перехода на новую модель, университетская наука обязана трезво оценивать соотношение негативных и позитивных последствий этого процесса, предлагая реальные способы смягчения первых и усиления вторых с учетом опыта отечественных и зарубежных коллег.

По традиции составной частью Дней науки в МГПУ являются мероприятия, направленные на развитие и поддержку **научных интересов студенчества**. Важнейшее место среди них принадлежит ежегодной студенческой конференции, которая в нынешнем году получила новую тематическую направленность в свете осмысления актуальных задач научно-исследовательской работы студентов в период перехода к европейской системе вузовского образования. Студенческая конференция **«Актуальные вопросы филологии и проблемы столичного образования в условиях перехода на уровневое образование»** состоялась **26 марта 2009 года**, объединив работу **пяти секций**. Всего на конференции выступили с докладами более 40 студентов разных специальностей и направлений филологической подготовки, начиная с первокурсников и заканчивая выпускниками. В работе секционных заседаний приняли участие также преподаватели и аспиранты филологического факультета. В докладах студентов были затронуты современные вопросы лингвистики, литературоведения, методики преподавания филологических дисциплин. В целом конференция как форма участия студентов в научной жизни факультета подтвердила свою эффективность, продемонстрировав интерес будущих специалистов, магистров и бакалавров к этому виду деятельности. Лучшие работы рекомендованы к публикации в сборнике студенческих статей, который готовится к печати.

* * *

Одним из наиболее масштабных научных мероприятий, организованных в рамках Дней науки филологическим факультетом МГПУ, стал **III научно-практический семинар «Творчество М.А. Булгакова в мировом культурном контексте»**, запомнившийся участникам как яркое событие культурной жизни факультета и вуза. Состав участников семинара значительно расширился в сравнении с предыдущими годами. В работе «Булгаковского семинара» **9 апреля 2009 года** приняли участие представители вузов и научных организаций Москвы, России и ближнего зарубежья. Его почетными гостями стали заслуженный деятель науки России, главный научный сотрудник Ин-

ститута русского языка им. В.В. Виноградова РАН, доктор филологических наук, профессор, племянница и крестная дочь М.А. Булгакова **Е.А. Земская**, народный артист России **В.Б. Смехов**, старший научный сотрудник Музея М.А. Булгакова в Киеве **Т.А. Rogozovskaya**, старший научный сотрудник Музея М.И. Цветаевой, член союза писателей г. Москвы **Н.А. Громова**, доктор искусствоведения ИВ РАН **О.Е. Этингф**.

Работу семинара открыла Елена Андреевна Земская докладом «Роль семьи в жизни М.А. Булгакова». На пленарном заседании также выступили: Т.А. Rogozovskaya (Киев), рассказавшая о «праздниках, юбилеях и буднях» музея М.А. Булгакова в Киеве, О.Е. Этингф (Москва) с докладом «М.А. Булгаков в Терском наробразе», Н.А. Громова (Москва), затронувшая проблему «посмертной» жизни булгаковского творчества в 1940-е гг., а также руководитель школьного мемориального музея Нади Рушевой Н.В. Усенко (Москва), проанализировавшая комментарии Е.С. Булгаковой к рисункам Нади Рушевой. После пленарного заседания прошло заседание круглого стола, на котором выступил народный артист России Вениамин Борисович Смехов.

В выступлениях участников секционных заседаний А.П. Романенко (Саратов), А.А. Борисовой (Архангельск), Е.А. Иваньшиной (Воронеж), Л.В. Борисовой (Зеленоград), Н.В. Семеновой (Санкт-Петербург), О.А. Казьминой (Воронеж), В.В. Шилова, О.А. Филоновой, Н.А. Опатерного, С.В. Панова и С.Н. Ивашкина (Москва), студентов филологического факультета МГПУ И. Назарова и В. Силаева, наряду с основными вопросами изучения булгаковского творчества, были затронуты современные проблемы исследования биографии писателя (этой теме было посвящено выступление и стендовые доклады руководителя научно-методического отдела московского культурно-просветительского центра «Булгаковский дом» И.Я. Горпенко), проблемы сравнительного анализа и другие актуальные вопросы булгаковедения. В русле компаративных исследований были выдержаны доклады З.С. Санджи-Гаряевой (Саратов) «*М. Булгаков и А. Платонов: отношение к языку власти*», Т.И. Дроновой (Саратов) «*История как текст («Христос и Антихрист» Д.С. Мережковского и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова)*», В.А. Кохановой (Москва, МГПУ): «*“Страшный суд” как метасюжет в произведениях Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова*», а также О.А. Кирилловой (Киев), М.Н. Капрусовой (Борисоглебск), Ю.С. Шапошниковой (Москва, МГПУ) и Е.Ю. Кольшевой (Москва, МГПУ). В программе семинара были представлены стендовые доклады, в том числе доклад доктора искусствоведения О.Е. Этингф (Москва) «*«Сон Никанора Ивановича» и владикавказский опыт М.А. Булгакова*».

Великолепным завершением семинара стал просмотр фильма Леонида Константиновича Паршина «*Воображаемый Еришалаим Булгакова и реальный Иерусалим I века н.э.*». Автор любезно предоставил фильм факультету для использования в учебных целях.

Научный семинар «Н.В. Гоголь и русская литература», посвященный 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя, прошел на *кафедре русской литературы и фольклора 13 апреля 2009 года*, став органичной частью серии научных

и культурных мероприятий, приуроченных к этой дате и проходивших в апреле по всей стране и за ее пределами. В работе семинара приняли участие профессор, преподаватели кафедр МГПУ, аспиранты и студенты. В рамках семинара работали три секции: «Гоголь и русская литературы XVIII–XIX вв.», «Гоголь и русская литература XX века», «Н.В. Гоголь и М.Е. Салтыков-Щедрин». Самой многочисленной была секция «Гоголь и русская литература XVIII–XIX вв.» (председатель — д. ф. н. С.А. Джанумов). В ее работе приняли участие крупные специалисты, авторы исследований по истории русской литературы профессор Л.П. Кременцов, профессор И.А. Беляева, доктор философских наук И.А. Бирич, доктор философских наук Б.Н. Бессонов и другие. На секции обсуждались вопросы, касающиеся изучения личности и эстетических взглядов Н.В. Гоголя (Л.П. Кременцов, Т.А. Алпатов), особенностей гоголевской стилистики (М.Б. Лоскутникова), мотивной структуры и компаративных связей творчества писателя (доклад д. ф. н. И.А. Беляевой о судьбе мотива Беатриче у Н.В. Гоголя). В прозвучавших на заседании выступлениях рассматривались также художественные основы гоголевского комизма и отдельные комические приемы, интертекстуальные проблемы гоголевского наследия (выступление Е.Ю. Полтавец), вопросы влияния фольклора на художественный мир Гоголя (доклад С.А. Джанумова) и т.п. В рамках секции «Гоголь и русская литература XX века» (председатель — д. ф. н. А.И. Смирнова) обсуждались проблемы изучения традиций Н.В. Гоголя в творчестве писателей XX столетия: Н. Эрмана (И.А. Канунникова), М.А. Булгакова (Е.Ю. Кольшева), Анатолия Королева (А.И. Смирнова). Секция «Н.В. Гоголь и М.Е. Салтыков-Щедрин», организованная профессором А.П. Ауэром, объединила специалистов, занимающихся проблемами русской сатиры. Глубинную взаимосвязь творчества двух великих писателей раскрыли в своих докладах д. ф. н. А.П. Ауэр («Гоголевское начало в поэтике М.Е. Салтыкова-Щедрина»), д. ф. н. Е.Ю. Геймбух («Образ автора и адресата в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина и повестях Н.В. Гоголя»), доцент МГОУ Г.А. Шестопалова («Гоголевские традиции в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина»). Проблеме влияния поэтики Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина на творческую манеру А. Платонова посвятила свой доклад И.И. Матвеева («Традиции Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина в сатире А. Платонова»). Активный интерес к работе секции проявили магистранты кафедры русской литературы и фольклора (В. Вольская, И. Назаров).

Параллельно научному семинару «Н.В. Гоголь и русская литература» 13 апреля 2009 года на кафедре зарубежной литературы филологического факультета МГПУ прошло заседание научного семинара «Н.В. Гоголь и зарубежная литература», в котором приняли участие преподаватели и аспиранты кафедры. Общая проблематика и задачи семинара были намечены в докладе профессора Б.А. Гиленсона «Н.В. Гоголь и мировая литература». Доцент Н.Б. Калашникова представила вниманию слушателей анализ современных исследований гоголевского творчества в голландском литературоведении, а доцент Я.С. Линкова остановилась на причинах необычной, с точки зрения отечественной критики, интерпретации произведений Н.В. Гоголя «Ревизор»

и «Мертвые души» в статье П. Мериме, посвященной их разбору. В докладе доцента Т.Г. Чесноковой на основе анализа сходных коллизий, персонажей и сцен в драматургии Г. Филдинга и Н.В. Гоголя были сделаны выводы о возможности более широкого знакомства Гоголя с драматургическим наследием Филдинга, нежели предполагалось до сих пор.

Завершающим этапом проведения научных мероприятий в рамках празднования Дней науки на филологическом факультете стала очередная (ежегодная) конференция **«Русисты МГПУ — столичному образованию»**. Организованная силами двух кафедр — *кафедры русского языка и общего языкознания и кафедры прикладной лингвистики и образовательных технологий в филологии*, — она успешно прошла на филологическом факультете **15 апреля 2009 года**. Работа конференции началась с проведения круглого стола по проблемам преподавания курса «Функционально-коммуникативное описание русского языка как иностранного». Разработка его научно-методических основ является актуальной задачей в условиях, когда для значительной части московских школьников русский язык не является единственным и родным. Заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания д. ф. н. Е.Ф. Киров наметил основные контуры проблемы. Тему продолжила к. ф. н., доцент А.В. Горелкина, которая подчеркнула особую ответственность, лежащую на разработчиках программы названного курса, предваряющего в учебном плане фундаментальные курсы русского языка (от фонетики до синтаксиса).

Секционное заседание вновь открыл профессор Е.Ф. Киров докладом о гипертексте. Далее, в развитие темы преподавания русского языка в вузе и школе, выступили доценты Н.С. Чернышова, Н.Л. Антонова, Е.Н. Абрашина, С.В. Сабурова, старший преподаватель Ю.С. Шапошников, аспиранты Ю.М. Гребенкова и Н.В. Дмитриева. Н.С. Чернышова, в частности, подчеркнула значение знаний о специфике освоения мира учащимися с право- и левополушарным мышлением для преподавания русского языка (в том числе как иностранного). Е.Н. Абрашина акцентировала внимание на развитии речи студентов в процессе подготовки к конкурсу ораторов. А соискатель кафедры русского языка и общего языкознания Н.В. Дмитриева продемонстрировала возможность активизации творческого потенциала учащихся в освоении языка заданиями по словообразованию. Д. ф. н., профессор Л.И. Осипова посвятила свой доклад лингвострановедческому аспекту изучения суффиксальных универбов, проиллюстрировав основные положения своего выступления примерами из русской литературы XIX и XX вв. Проблема адекватного восприятия языковой картины мира (русской и нерусской) были посвящены доклады профессора Е.Ю. Геймбух и аспирантки Т.В. Питерман. Завершилось секционное заседание докладом соискателя В.В. Мишланова (об актуализации понятия процесса в языках номинативного типа), вызвавшим оживленную дискуссию.

Преподаватели филологического факультета приняли активное участие в межфакультетских и общеуниверситетских мероприятиях, внося свой вклад в организацию **научно-практической конференции «Роль научных исследований в преподавании общепрофессиональных дисциплин и дисцип-**

лин специализации», проведенной 8 апреля 2009 года Институтом иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ. Доцент кафедры русской литературы и фольклора филологического факультета М.Б. Лоскутникова объединила в своем лице функции докладчика (*«Изучение великой русской литературы и проблемы современного гуманитарного образования»*) и сопредседателя секции «Институциональные возможности для научной деятельности в системе вузовского образования». Д. ф. н., профессор Е.Ф. Киров представил на пленарном заседании программно-теоретический доклад *«Система передачи знаний как общая теория интеграции науки и образования»*. На секционном заседании выступили доценты кафедры зарубежной литературы Я.С. Линкова и Н.Б. Калашникова, которые привлекли внимание слушателей к опыту внедрения новых форм исследовательской работы бакалавров и магистров, к проблеме взаимодействия научной работы преподавателей кафедры и прикрепленных к ней студентов. В докладе Я.С. Линковой *«Прикладное значение научных и фундаментальных исследований преподавателей в учебном процессе»* особое внимание было уделено роли науки в преподавании, а также тем последствиям, к которым может привести сокращение научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава.

23 апреля 2009 г. в работе итоговой общеуниверситетской научно-практической конференции **«Интеграция науки и образования в условиях перехода на уровневое высшее профессиональное образование»** вновь приняли деятельное участие представители филологического факультета. На пленарном заседании выступил профессор Е.Ф. Киров с изложением своей концепции научного обеспечения потребностей современной педагогики за счет интеграции методов когнитивной психологии и лингвистики в рамках новой («гипертекстовой») структуры получения знаний. За активное участие в межфакультетских и общеуниверситетских мероприятиях руководство Университета объявило профессору Е.Ф. Кирову благодарность. На заседании были также подведены итоги общеуниверситетского конкурса научных работ. В числе награжденных прозвучали имена преподавателей филологического факультета, в том числе: В.А. Кохановой (за монографию «Роман М.А. Булгакова “Белая гвардия” сквозь призму хронотопа». – М.: Ремдер, 2008. – 165 с.), Б.А. Гиленсона (за учебник «История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века». – М.: Академия, 2008) и других.

Дни науки на филологическом факультете (и в университете в целом) в очередной раз подтвердили высокую профессиональную компетентность и разнообразие научных интересов профессорско-преподавательского состава, активную работу студенчества и тесную связь образования и науки, но и выявили проблемные аспекты взаимодействия этих сфер, обозначившиеся в условиях перехода на уровневую модель высшей школы. К числу реальных опасностей, с которыми сталкивается сегодня университетская наука, принадлежит угроза жесткого подчинения научных исследований прагматическим задачам текущего момента и, как следствие, ослабление позиций фундаментальной науки в вузе. Диктат официального заказа, повышающего «спрос» на науку

ценой ее превращения в средство осуществления организационных задач образования, способен лишь усугубить негативное воздействие экономического диктата — в ущерб критерию научной ценности исследования, определяемому внутренними потребностями развития научной дисциплины. Подлинная цель интеграции науки и образования состоит не в приспособлении научных задач к потребностям активно «продвигаемой» государством образовательной модели, но в обогащении образования достижениями фундаментальной науки. Ставя и решая научно-образовательные задачи, связанные с меняющейся структурой передачи знаний, мы не должны отрывать образование (и саму университетскую науку) от ее фундаментального ядра, каким является процесс первичного обретения знаний в ходе независимого научного исследования. Без связи с этим глубинным ядром научного знания любая, даже самая передовая организация образовательного процесса теряет свою содержательную основу, сводясь к усвоению автоматизированных навыков и абстрактных «компетенций», оторванных от конкретного содержания изучаемой дисциплины и не имеющих ничего общего с процессом творческого освоения ее предмета. Это — один из выводов, к которым подталкивает анализ условий взаимодействия современной университетской науки и образования, и один из итогов изучения этой проблемы в рамках Дней науки – 2009.

Обзор по материалам отчетов о проведении мероприятий в рамках Дней науки – 2009
подготовила Т.Г. Чеснокова

Science Days – 2009 at the Philological Faculty of the MСPU

(a survey by T.G. Chesnokova based on accounts of scientific arrangements held at the philological faculty in March and April of 2009)

The survey contains a detailed account of conferences, seminars and other scientific arrangements connected with the traditional Science days held in March and April 2009 at the philological faculty of the MСPU. These include the III International Bulgakov's seminar, scientific seminars "Gogol and Russian Literature" and "Gogol and Foreign Literature" dedicated to bicentenary of the great Russian writer, and the annual linguistic conference "The MСPU *Rusistica* Researchers — to Moscow education". The problem of integration of education and science, which served the main theme of the whole series of arrangements, and different approaches to its solution in the frame of the two-level educational system are also considered in the survey.

ЮБИЛЕИ

К 80-летию со дня рождения Заслуженного профессора МГПУ Леонида Павловича Кременцова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора ГОУ ВПО МГПУ Леонид Павлович Кременцов — ученый, имя которого широко известно не только в российском, но и в мировом научном сообществе. Его трудовой и жизненный путь отмечен успехами во всех сферах научно-педагогической деятельности.

Окончив с отличием Среднеазиатский государственный университет, в течение пяти лет Леонид Павлович работал преподавателем средней школы, после чего более 50 лет преподавал в педагогических институтах и университетах. Ученая степень кандидата филологических наук была им получена в 1956 году, ученая степень доктора филологических наук присуждена в 1985 году.

В течение 35 лет Кременцов заведовал кафедрой русской литературы, руководил аспирантами и докторантами, проявив незаурядные организаторские способности.

В Московском городском педагогическом университете Леонид Павлович начал работать почти с основания вуза. Когда в 1996 году на филологическом факультете создавалась кафедра русской и зарубежной литературы, ее костяк составили специалисты, закончившие аспирантуру и защитившие кандидатские диссертации под руководством Л.П. Кременцова или при его ближайшем участии: И.А. Канунникова, В.В. Лосев, М.В. Яковлев, О.В. Быстрова, Л.И. Щелокова и др. Вначале он был избран профессором кафедры русской и зарубежной литературы Московского городского педагогического университета, с 2001 года — профессором кафедры русской литературы XX века, а после реорганизации факультета в 2008 году Леонид Павлович — профессор кафедры русской литературы и фольклора.

Преподавательский диапазон Л.П. Кременцова почти безграничен: им прочитаны курсы по введению в литературоведение, теории литературы, истории русской литературы XIX и XX веков, различные спецкурсы в Москве, Ташкенте,

Душанбе, Таганроге, Коканде, Орехово-Зуево. Для студентов, которые слушают его лекции и занимаются по его учебникам и учебным пособиям, имя Кременцова — это синоним строгости, ответственности и профессионализма.

В работе Леонида Павловича счастливо сочетаются яркий талант лектора и умение сосредоточиться на серьезной и кропотливой научной деятельности. Список научных трудов Л.П. Кременцова превышает сотню названий. Среди них — статьи, монографии, учебные пособия. Основные научные труды: монографии — «Книга о Паустовском» (2002), «Чтение как творчество» (2003); учебные пособия — «Русская литература XX века» в двух книгах, четыре издания (2002, 2003, 2005, 2008); «Русская литература XIX века» в трех книгах (2005, 2006, 2006), «Русская литература в XX веке. Обретения и утраты» (2007). Л.П. Кременцов — составитель вузовских учебных программ по русской литературе XIX и XX веков, различных методических материалов. Он является одним из авторов компьютерной программы «Литературный портрет» для проведения практических занятий по истории литературы. Научные и методические работы Л.П. Кременцова отличают глубокое знание предмета, ясность и доступность изложения.

Немало заслуг у Леонида Павловича и в области общественной деятельности. Он председательствовал в государственных аттестационных комиссиях ряда московских педагогических университетов. В течение ряда лет принимал участие в качестве члена жюри в городских научно-практических конференциях гимназий и лицеев Москвы «Человек и общество», проводившихся на базе гуманитарной гимназии № 1504. Л.П. Кременцов является постоянным членом ученого совета филологического факультета, членом редколлегии журнала «Вестник МГПУ» серии «Филологическое образование», членом Общественного совета редколлегии журнала «Мир Паустовского».

Труд Л.П. Кременцова неоднократно и высоко оценивался: он — отличник народного образования, трижды награждался «За многолетний плодотворный и добросовестный труд в системе образования Москвы» Почетными грамотами Департамента образования Правительства Москвы, а также медалью «В память 850-летия Москвы». В январе 2001 года Л.П. Кременцов получил звание «Ветеран труда». В феврале 2002 года он удостоен «Гранта Москвы» в области гуманитарных наук. В 2004 году Леонид Павлович стал лауреатом «Гранта Москвы» в области наук и технологий в сфере образования. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 апреля 2006 года награжден медалью К.Д. Ушинского за заслуги в области педагогических наук.

Профессорско-преподавательский состав и студенческий коллектив филологического факультета горячо поздравляют Леонида Павловича Кременцова с юбилеем и желают здоровья, благополучия и дальнейшей плодотворной деятельности на поприще науки и образования.

К 75-летию Журата Валиевича Ганиева

Ганиев Журат Валиевич — профессор кафедры русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Родился в 1933 г. в г. Ташкенте (Республика Узбекистан), с детства владел двумя родными языками — узбекским и русским. Была мечта поступить на филологический факультет МГУ, и она сбылась. После его окончания Ж.В. Ганиев сосредоточился на сопоставлении русского языка с другими языками, опубликовал несколько работ, посвященных обучению русскому языку иностранцев (в сборниках «Русский язык для студентов-иностранцев», вып. 1, под ред. Л.И. Барилевича (М., 1965); «В помощь преподавателям русского языка как иностранного», под ред. И.Р. Палта (М., 1965) и др.).

Защитив кандидатскую диссертацию, с 1985 по 2003 гг. Ж.В. Ганиев работал в Московском государственном лингвистическом университете в качестве доцента, а позже — заведующего кафедрой русского языка. В этот период обостряется интерес Ж.В. Ганиева к социо-фоностилистическому аспекту нормативности языка. Так, им были опубликованы работы «О произношении рабочих — уроженцев г. Москвы» в академическом сборнике «Развитие фонетики современного русского языка (фонологические подсистемы)», под ред. С.С. Выготского, М.В. Панова, А.А. Реформатского и В.Н. Сидорова (М., 1971), «Проблемы произносительной стилистики. Об изучении произношения», под ред. Ф.М. Березина (М., 1977), «К методике фоностилистического исследования» в сборнике научных трудов Московского гос. института иностранных языков им. М. Тореза (№ 152, 1980) и другие работы. Широкий интерес у научной общественности вызвали работы о феномене моды в современном произношении, опубликованные в сборнике «Язык и общество», вып. 4 (под ред. Л.И. Баранниковой, Саратов, 1977) и некоторых других изданиях.

Делом жизни Ж.В. Ганиева стало обучение студентов, поэтому заметное место среди его публикаций занимают учебные пособия: «Русский язык: Фонетика и орфоэпия» (М., 1990), разделы в учебнике «Современный русский язык» М. 1986) и сборниках тестов «Современный русский язык в программированных упражнениях» (под ред. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой, М., 2001), «Современный русский язык. Тесты» (М., 2002).

Естественно в связи с этим обращение ученого к проблеме нормативности, к культуре речи и к риторике. В сборнике «Актуальные проблемы современной лексикографии» (под ред. Ю.А. Бельчикова) он публикует статью Ж.В. Ганиева «От пиетета к скепсису» («Экспертная оценка» стилистических помет в русских толковых словарях» (М., 1999)), статья «Что значат неязыковые явления в фонетике? (Полный перечень русских литературных пара-

фонетизмов)», напечатанная в сборнике «Фонетика в системе языка» (Изд-во РУДН, 2002) и вызвала живой интерес у коллег.

На протяжении последних лет Ж.В. Ганиева интересуют проблемы орфоэпии и ее истории, отсюда и обостренный интерес юбиляра к ее истокам, начиная с языковой реформы Петра Великого — через XVIII, XIX в. и до наших дней. Такой всеобъемлющий охват работ и имен нашел отражение в публикациях последних лет, помещенных в «Вестнике МГПУ», № 2 (7), в сборниках «Русистика и компаративистика» (2006, 2007), в вильнюсском журнале *Žmogus ir žodis (Man and the Word, 2005)*, в сборнике «Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы» (2006), в журналах «Русский язык в школе» (2007, 2008), «Филологические науки» (2007), «Вопросы языкознания» (2008) и других изданиях. Эти работы призваны убедить читателей и коллег в том, что годы и желание работать, творчество и возраст не альтернативны.

От всей души поздравляем юбиляра, желаем ему здоровья, счастья, творческих успехов и всего самого доброго в плодотворной деятельности на ниве столичного образования!

Кафедра русского языка и общего языкознания,
Е.Ф. Киров

К 60-летию Нины Михайловны Малыгиной

21 апреля 2009 года исполнилось 60 лет доктору филологических наук, профессору кафедры русской литературы и фольклора МГПУ Нине Михайловне Малыгиной.

Нина Михайловна закончила очную аспирантуру в 1978 году при кафедре советской литературы филологического факультета Ленинградского государственного университета. Ее научным руководителем был известный специалист по истории советской литературы, автор книг о Серафимовиче и Всеволоде Иванове Лидия Арсеньевна Гладковская — ученица Б.М. Эйхенбаума и Г.А. Гуковского.

В начале 1970-х годов Н.М. Малыгина обратилась к исследованию творчества тогда полузапрещенного, а ныне классика русской литературы XX века Андрея Платонова. В журнале «Русская литература» ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в 1977 году была опубликована статья молодого исследователя «Идейно-эстетические искания Андрея Платонова начала 1920-х годов («Рассказ о многих интересных вещах»)», в которой шла речь об открытии ранее неизвестной повести Платонова – «Рассказа о многих интересных вещах» (Русская литература. 1977. № 4). Произведение, опубликованное в воронежской «Нашей газете» за 1923 год под псевдонимами «М.Б.» и «А.П.», было обнаружено и атрибутировано Н.М. Малыгиной. Спустя год текст «Рассказа о многих интересных вещах» был опубликован Н.М. Малыгиной в газете «Книжное обозрение».

В 1982 году в Томском государственном университете Н.М. Малыгина успешно защитила кандидатскую диссертацию «Эстетические взгляды Андрея Платонова». Тогда концепцию молодого исследователя поддержала доктор филологических наук, профессор Г.А. Белая, выступившая на защите официальным оппонентом.

В 1985 году в Иркутске вышла монография Н.М. Малыгиной «Эстетика Андрея Платонова» — одна из первых литературоведческих работ о творчестве писателя, заложившая основы последующего его осмысления

В январе 1993 года в Диссертационном совете Московского педагогического университета (нынешнее его название МГОУ) Н.М. Малыгина защитила докторскую диссертацию на тему «Художественный мир Андрея Платонова в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов».

В 1995 году было издано учебное пособие Н.М. Малыгиной «Художественный мир Андрея Платонова» (М.: Изд-во Московского педагогического университета).

Являясь ведущим отечественным платоноведом, Н.М. Малыгина постоянно принимает участие в Международных научных конференциях, посвящен-

ных творчеству Андрея Платонова в ИМЛИ РАН и ИРЛИ РАН (Пушкинском Доме). По материалам этих конференций вышли шесть сборников «“Страна философов” Андрея Платонова», в каждом из которых печатались ее статьи. В 2000 году Нина Михайловна принимала участие в Международной конференции, посвященной 100-летию Платонова, в Оксфорде. Научные статьи профессора Н.М. Малыгиной публиковались не только в России, но и в Америке, Японии и других странах. На работы Н.М. Малыгиной ссылаются известные зарубежные ученые: М. Геллер, М. Любушкина (Франция, 1982; 1994), Х. Гюнтер (Германия, 1978), Т. Лангерак (Нидерланды, 1994), Т. Сейфрид (США, 1993), Р. Чандлер (Англия, 2008), Х. Костов (Финляндия, 2002) и др.

С 1997 по 1999 годы Н.М. Малыгина была руководителем проекта «Научное собрание сочинений А.П. Платонова» по гранту РФНФ. Принимала участие в подготовке первого тома научного издания Сочинений Платонова, который вышел в свет в 2004 году.

В 2005 году в Москве издана монография Н.М. Малыгиной «Андрей Платонов: поэтика возвращения», получившая высокую оценку научной общественности.

Свою педагогическую деятельность Н.М. Малыгина начинала на кафедре русской литературы XX века и теории литературы Якутского государственного университета (ученое звание доцента получила в 1985 году). С переездом в Москву связано новое место работы — с 1993 по 2001 годы работала в должности профессора кафедры русской литературы XX века Московского педагогического университета (ныне МГОУ).

С 2001 года по настоящее время работает в Московском городском педагогическом университете, где семь лет заведовала кафедрой русской литературы XX века (2001–2008). Н.М. Малыгина читает лекционные курсы по истории русской литературы XX века, спецкурсы, курс для магистрантов «Проза и поэзия 1920–1930-х годов в контексте литературной и общественной жизни». В круг профессиональных интересов Н.М. Малыгиной входит вся русская литература XX века, о чем свидетельствуют ее многочисленные публикации, востребованные и в учебном процессе. Это ряд статей в энциклопедии «Русские писатели XX века» под редакцией проф. П.А. Николаева. (М.: Изд-во «Энциклопедия». 1999) и в «Энциклопедии литературных произведений» (М.: Вагриус, 1998), а также главы о литературном движении 1920-х годов, прозе 1920-х годов, Ахматовой, Мандельштаме, Зощенко, Платонове, Довлатове и других писателях в учебном пособии «История русской литературы XX века» в 4-х книгах (М.: «Высшая школа», 2005–2008). Под редакцией Н.М. Малыгиной вышло два издания учебного пособия с грифом УМО «Избранные имена. Русские поэты XX века» (М.: Наука-Флинта, 2006, 2008), подготовленные на кафедре русской литературы XX века МГПУ.

Статьи Нины Михайловны по русской литературе XX века печатались в журналах «Знамя», «Октябрь», «Русская литература», «Литературная учеба» «Русская словесность», «Литература в школе».

Под руководством профессора Н.М. Малыгиной защищено восемь кандидатских и одна докторская диссертации.

На филологическом факультете МГПУ Н.М. Малыгина организовала работу научного семинара «Москва и московский текст в русской литературе XX века», который проводился пять раз и по итогам которого вышло четыре сборника «Москва и московский текст в русской литературе XX века». Высокая оценка работе семинара была дана в статье И. Делекторской и В. Калмыковой в журнале «Новое литературное обозрение» (2008, № 94, с. 412–415).

В декабре 2008 года Министерство науки и профессионального образования республики Якутия наградило Нину Михайловну Малыгину нагрудным знаком «Отличник профессионального образования», что стало несомненным признанием ее заслуг преподавателя высшей школы, специалиста по русской литературе, ученого, внедряющего в учебный процесс результаты многолетней исследовательской работы.

Коллеги и ученики

Л.П. Кременцов

Сшибка¹

В центре внимания автора — дискуссия о роли и месте литературы в современном обществе, различные подходы к изучению литературной классики. Прослеживая истоки нынешних споров, автор подчеркивает, что различие между литературой и массовым чтением находит отражение и в соответствующих им типах воспринимающего сознания — сознания «читателя» и сознания «читающего». Массовая книжная продукция рассчитана на второго, но литература по-прежнему требует серьезного и вдумчивого читателя.

Ключевые слова: дискуссия, литература, массовая книжная продукция, читатель, читающий

*Литература изъята из законов тления.
Она одна не признает смерти.*

М.Е. Салтыков-Щедрин

Все началось еще в конце девятнадцатого века. С декадентства. В 1896 году В.Брюсов призвал русскую литературу к новым путям и открытиям:

Юноша бледный, со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета.
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта... [2]

Одна из многочисленных в те годы литературных групп близко к сердцу приняла завет Брюсова — «только грядущее — область поэта». Не прошло и пятнадцати лет, как будетляне-футуристы ошеломили публику нашумевшим манифестом «Пощечина общественному вкусу»: «Только мы *лицо нашего* Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч. с Парохода современности...» [6].

¹ «Сшибка» — первоначальное название романа А.Бека (1960–1964), появившегося в печати в 1986 году под названием «Новое назначение».

«Сшибка» — *действие по знач. глаг. сшибиться – сшибаться; столкновение*» [8: Т. 4, с. 323].

Сколько можно судить по воспоминаниям современников все эти вызывающие дерзости не произвели на них серьезного впечатления и были оценены как попытка очередного эпатажа на манер желтой кофты В. Маяковского.

Свершился 1917 год. Закончилась гражданская война. Партия большевиков получила возможность вплотную заняться вопросами мирного строительства. Среди других первостепенное значение придавалось вопросам идеологии. Школьными делами советская власть занялась с первых лет своего существования. В основу реформ был положен известный тезис: «Литература должна стать частью общепролетарского дела, колесиком и винтиком одного-единственного социал-демократического механизма...» [4: с. 88].

Призыв В. Маяковского, обращенный к писателям, — «занять свое место в рабочем строю», — был услышан и в школе и тоже принят к исполнению и руководству. Здесь-то и была совершена роковая ошибка.

Изучая математику, физику, химию и некоторые другие предметы, учащийся получал представление о принципах научного мышления и основах этих наук, художественная же литература, практически единственная представительствовала в школе от искусств — музыки, живописи, архитектуры и т.п.

Художественная литература — единственный вид искусства, с которым ученик постоянно общается на протяжении 10–11 лет. И каких лет! Придя к учителю ребенком, он расстается с ним взрослым человеком. Литература могла бы да и должна была принимать самое активное участие в формировании личности и главным образом — ее нравственно-эстетических принципов. Принимала ли?

В 1936 году в СССР было объявлено, что социализм в основном уже построен. Хотя, если судить по итогам переписи населения 1937 года, обнародованным, правда, только в начале 90-х годов, в области образования успехи были куда скромнее: «Оказалось, 59% населения страны в возрасте от 16 лет не имели образования вообще, хотя считались грамотными, то есть умели читать по складам и расписаться. Среднее образование имели только 4,3%, высшее — 0,6%. Что же до начальства, то лишь пятая часть руководящих, партийных, советских и хозяйственных работников могла похвастаться высшим образованием, а 20,7% не имели даже среднего и нигде в тот момент не учились. На самом деле грамотность была еще ниже, потому что многие при опросе завышали свой уровень» [10].

8 августа 1936 года в главном органе ЦК ВКП (б) газете «Правда» была опубликована передовая статья — «Привить школьникам любовь к классической литературе». В ней настоятельно рекомендовалось усилить внимание к этому предмету: «Преподавание литературы в школе — чрезвычайно важное и ответственное дело. Наряду с математикой и естествознанием изучение родного языка и художественной литературы является фундаментом для всякого образования и сколько-нибудь серьезной грамотности вообще. Кроме

того, литература в школе может и должна служить могучим средством воспитания характеров подрастающих поколений, воспитания у них художественного вкуса, любви и преданности родине. К сожалению, преподавание художественной литературы в нашей школе поставлено из рук вон плохо. Программы непродуманны и нежизненны, учебники большей частью слабы. Даже времени отводится для этого важнейшего предмета ничтожно мало...

Нельзя больше терпеть, чтобы в школе извращалось преподавание художественной литературы. Оканчивающие среднюю школу должны не только знать кое-что о великих русских писателях, но знать и самые произведения этих писателей».

Партийное мнение поддержали авторитетные советские писатели. А.Н. Толстой возмущался: «Существующие учебники по литературе содержат главным образом пересказы биографий писателей, пересказы их произведений, пересказы литературоведческих исследований и критических работ. Учебники изобилуют вульгарно-социологическими дефинициями. Изложение тяжелое, неудобоваримое. Существующие учебники превращаются в преграду между художественной литературой и учащимися. Авторы учебников словно стремятся превратить школьников в скучных литературных начетчиков. Из такой затеи не получается ничего, кроме вреда.

Элементарный курс литературы должен ставить перед собой совсем иные цели. Вовлекая учащихся в мир художественной литературы, он помогает правильному восприятию явлений искусства, воспитывает художественный вкус...» [10: Т. 13, с. 401–402].

Надолго запомнилось участникам Всероссийского совещания учителей литературы в 1960 году блестящее выступление А.Т. Твардовского: «...мои учителя и учителя моих сверстников горячо любили свое дело. И это является, конечно, решающим моментом. Они любили художественную литературу. Они любили ее, как следует любить произведение искусства, не с намерением препарировать его, разнимать на части, разбирать и собирать, а получать от него живое наслаждение. И думаю, что это самый замечательный и самый простейший секрет в преподавании литературы, как впрочем и родного языка» [9: Т. 5, с. 300].

Школьная литература в последующие годы в полном соответствии с переживаемой эпохой находилась в состоянии застоя. Она практически не обращала внимания на закипающую литературную обстановку.

К концу 80-х годов последовал поистине вулканический взрыв. Восторжествовал лозунг — разрешено все, что не запрещено. На читателя обрушился подлинный шквал давно желанных, но еще недавно недоступных книг. Из дальних ящиков писательских письменных столов извлекались сочинения, увидеть которые в печати авторы давно уже потеряли всякую надежду. Вспомним, что в цензурное время читателю были недоступны даже многие произведения известных советских писателей и поэтов. Что же говорить о сотнях русских эмигрантов?! Их произведения были, казалось, обречены на вечное погребение. В стране усиленно распростра-

нялись слухи о несостоятельности творчества эмигрантов. Их сочинения, если и публиковались, то, даже в самиздате отдельно, под специальным грифом «Литература русского Зарубежья», обидным для великих художников... Советская пропаганда утверждала, что их таланты, лишенные родной почвы и читателей, бесцельно, бесполезно угасали вдали от родины. Это было ложью! Именно такие писатели, как Шмелев, Набоков, Бунин, Замятин и многие другие в годы тоталитаризма поддерживали авторитет русской классической литературы, чьи высокие образцы словесного искусства были прославлены на весь мир. Не забудем: первую Нобелевскую премию в русской литературе в 1933 году получил Иван Алексеевич Бунин. Теперь все это богатство стало достоянием народа.

Возвращались на родину недавние изгнанники — А. Солженицын, В. Аксенов, В. Войнович, Г. Владимов и другие. Миллионными тиражами некоторое время выходили в свет популярные журналы «Новый мир», «Звезда», «Знамя» и другие, не успевавшие доставлять читателю драгоценные подарки.

Сегодня все это видится сказочным сном, когда удостоверяешься, что издания, далеко не исчерпавшие всего своего потенциала, выходят в свет ничтожными тиражами, влача жалкое существование на подаяния богатых мира сего.

Еще в 1989 году Виктор Ерофеев публично пригласил желающих принять участие в поминках по советской литературе, заявив, что он с удовольствием скажет надгробное слово. Писатель выразил надежду, что в России традиционно богатой талантами появится новая литература, которая будет не больше и не меньше, чем *литературой*.

Люди, разделившие его уверенность, понимали также, какие гигантские усилия придется приложить, чтобы разгрести завалы, превратившие художественную литературу в «помощницу» партии, вернуть ей статус искусства. Но начавшаяся работа встретила серьезное сопротивление со стороны тех, кто не разделял мнений Виктора Ерофеева и его единомышленников. Произошла сшибка, которая все еще продолжается

Однако вернемся пока к учебным проблемам. Конец 80-х годов, несмотря на грандиозность происшедших в литературе перемен, школ и вузов практически не коснулся. Отдельные учителя, как всегда, старались идти в ногу со временем, но поддержки учебной и методической литературой, соответствующими духу времени рекомендациями не получили никакой. По-прежнему в учебных заведениях преподавались не искусство (художественная литература), а научные дисциплины (литературоведение либо методика). Попыток найти гармоническое соотношение искусства и науки даже не предпринималось. Духовные, нравственные и эстетические ценности, которые хранила в себе изящная словесность, так и оставались втуне.

Эпоха «бури и натиска» как-то незаметно, тихо и быстро, сошла на нет. Исчез Советский Союз, исчезли его руководящие писательские организации, его издательства и вся инфраструктура. На их место с приходом рынка явились новые. А что же литература в учебных заведениях?

Вначале зашевелились учащиеся: «Кому он нужен, этот Ленский?» — такой вопрос был поставлен в ученическом письме перед редакцией одной из молодежных газет. В самом деле, в небе летают межпланетные космические станции, в школах на столах стоят компьютеры, работает Интернет, а они изучают «устаревшего» «Евгения Онегина». Ирония судьбы?

Но если ученикам, думается, все-таки можно объяснить, зачем стоит читать А. Пушкина, то как быть со взрослыми?

В популярном журнале печатается статья «Сплин, из диалектических экзерсисов на русскую тему».

Член редколлегии представляет читателю новую публикацию: «Провокация? Пускай так. Но провокация добросовестная и продуктивная».

Сплин, как известно из «Словаря русского языка», — хандра, тоска. Автор статьи считает по-другому: сплин — это ничто, пустота, отрицание. Опираясь на это свое определение, он приходит к следующим умозаключениям: «Главным действующим лицом “Евгения Онегина” не Евгений Онегин, как полагаем все мы, и не Татьяна, как думал Достоевский. Главным героем “Евгения Онегина” является *сплин* — ничто, отдающее себе отчет в своем ничто(жестве), ничтожество, отличающее самого себя, только вследствие этого саморазличения приобретающее характер своей противоположности — бытия...; “Евгений Онегин” — роман о сплине, о ничто, получающем право на самоопределение, роман об *отрицании*. Оно есть альфа и омега, начало и конец романного мира, в котором некое эпическое пространство и драматическое напряжение получается только как результат того, что отрицание направляется само на себя, раздваивается и размножается...; Если Онегин с Татьяной молчат, или говорят мало, то автор не молчит, он говорит, и говорит слишком много. Один из характерных мотивов авторской «болтовни» — стремление «заметить разность» между Онегиным и им самим. В мелочах ему это, конечно, удастся, но в главном он терпит поражение».

Объявив о поражении Пушкина, автор переходит к более широким обобщениям: «Русская классика с первого шага, с «Евгения Онегина», столкнулась с отсутствием содержания, она возникла на пустом месте и с этой точки зрения представляет собой любопытнейший пример «умышленной» литературы. В этих условиях он поступил так, как не мог не поступить. Русская классика сделала своим содержанием отсутствие содержания... [1].

Авторы письма «Кому он нужен, этот Ленский?» боролись против траты времени на изучение устаревшей с их точки зрения книги. С кем и против чего борется «Новый мир», кому и зачем понадобилась подобная экзерсис-провокация, «добросовестная и продуктивная» (?!), исполненная с полузабытой писаревской безапелляционностью?

Невольно вспоминается время, когда даже «Правда», несмотря на свои сугубо партийные ориентации, нашла возможность указать органам народного образования на недопустимость сокращения часов на изучение литературы в учебных заведениях. А сколько за прошедшие десятилетия раздавалось голов людей различных профессий, но неизменно отстаивавших законное вос-

становление изящной словесности в духовной жизни учащихся. Увы! Не изменилось ничего! Более того. Теперешние государственные мужи вознамерились активизироваться, перейдя от тактики постепенного вытеснения литературы из учебных заведений к полной ликвидации предмета — «за ненадобностью»! В 1999 году именно так проголосовала Государственная дума. Академик Д.С. Лихачев сумел организовать достойную отповедь современным нигилистам. Но не прошло и нескольких лет, как активная группа во главе с тогдашним министром культуры продемонстрировала по телевидению передачу, название которой не оставляло никаких сомнений в ее целях — «Русская литература умерла».

На поминки по этому случаю, убежден, ни Виктор Ерофеев, ни его соратники не явились бы.

В последнее время обращают на себя внимание систематические и частые публикации в СМИ материалов, никак не содействующих популяризации подлинно художественной литературы. Нет, не детективов и любовных романов. Они, как известно, в этом не нуждаются. Учащихся от некоторых подобных материалов необходимо просто охранять.

В популярном журнале («Огонек», 2001, № 21) было опубликовано интервью с М. Черемисиновой, автором диссертации «Латентная гомосексуальность в русской классической литературе». Прочитываем несколько фраз: *«...берем конкретно наших литературных героев. Онегин — типичный кидальщик. Ленский его на самом деле больше интересовал, чем женщины, и убил он его не потому, что хотел заполучить женщину (ему наплевать было и на Ольгу, и на Татьяну), а просто из скрытой бессознательной ревности. Этакая собака на сене с пистолетом.*

Печорин — тоже кидальщик. Как он с несчастной Бэлой обошелся, вспомните, и с княжной Мэри также».

Обломов и Штольц. Типичная гомопара! И таких пар, кроме Обломова со Штольцем, в русской литературе видимо-невидимо. Иван Иванович и Иван Никифорович Гоголя, Базаров и Кирсанов Тургенева, ...Чертюханов и Недопюскин (фамилии-то какие говорящие!), Лежнев и Рудин».

Главный вывод: *«...в русской литературе явный голубой перекосяк... Но почему-то именно когда речь заходит о классике, то учителя благоговейно закатывают глаза к потолку. Что не может, по моему мнению, не отражаться на психике некоторых впечатлительных учащихся».*

И о себе: *«...такова судьба настоящего ученого: разрушать стереотипы, чтобы дать дорогу новому».*

Маскируясь надуманной необходимостью «современного» прочтения классики, пишут и такие соавторы, что познакомившись с их творчеством, хочется заглянуть в Уголовный кодекс в поисках подходящей статьи. Как вам понравится повесть под названием «Штольц»? Действие ее происходит в Швеции. Действующие лица — удачливый бизнесмен Альф-Штольц и Илья Ильич Обломов. Текст повести буквально прошит цитатами из романа Гончарова. По своим характеристикам герои противоположны гончаровским. И никаких комментариев [5].

Римейк по роману Фадеева «Молодая гвардия» называется «Команда». Алик Куренной (Олег Кошевой), Марьяна Хромова (Ульяна Громова), Люда Швецова (Любовь Шевцова) и другие «молодогвардейцы» отражают нападение чеченской банды на мирный южный городок. Зачем это? [3].

Более всех усердствуют на ниве «современного» прочтения классики театральные режиссеры. В «Грозе» Катерина Кабанова появляется на сцене в мини-юбке и сигаретой в зубах. Чеховские сестры плавают в аквариуме. Гамлет произносит свой знаменитый монолог «Быть или не быть», раздеваясь и нюхая свои носки.

Но все мыслимые и немыслимые границы здравого смысла перешли коллеги-литераторы. С 1997 года московское издательство «Олимп Аст» силами группы «ученых» под квалифицированным руководством доктора филологических наук предпринимает издание двух многотомных и многостраничных серий. Одна называется — «Все о шедеврах мировой литературы в кратком изложении», вторая — «Энциклопедия литературных героев». Каждой книге предваряется лаконичное обращение «К читателю» о том, что необходимость в книжном издании такого типа назрела давно. Современная культура нуждается в систематическом и вместе с тем доходчивом описании золотого фонда мировой литературы, сложившегося к концу XX века и второго тысячелетия.

Далее эти серии рекомендуются не просто как справочное издание, но книги для чтения. Составители, естественно, оговариваются: краткие пересказы хотя и не могут заменить первоисточников, но могут дать целостное и живое представление о них. Готовьтесь, читатель, получать **«целостное и живое представление»** о содержании «Процесса» Кафки, изложенное на 5 страничках, о «Повелителе мух» — на трех, о «Недоросле» — на четырех, «О подлинной жизни Себастьяна Найта» — на трех, о «Докторе Живаго» — на пяти, о «Петре Первом» на четырех и т.д., и т.п. Сомневаетесь в получении?! Имеете все основания. Зато какая радость для современных Митрофанушек! Ни «Илиады» теперь читать не надо, ни «Войны и мира», ни «Евгения Онегина»!

В газете «Жизнь» (24–30 октября 2007 года), специализирующейся на бракоразводной и сексуальной проблематике, была помещена неожиданная заметка-сенсация. Ее заглавие было набрано крупным шрифтом: **«НОВАЯ АТОМНАЯ БОМБА. Чиновник написал книгу о Гоголе».**

В заметке говорилось: «Сотрудник Федерального агентства по атомной энергетике, Николай Спасский, написал роман про классика русской литературы Николая Гоголя. «Проклятие Гоголя» — своеобразная литературная провокация, хитро замаскированная под шпионский роман, заставляет по-новому взглянуть на шедевры русского классика. Если верить «расследованию» Спасского, умело облеченному в форму «мистического детектива» а-ля «Код Да Винчи», писатель был самым банальным некрофилом. И практически все его творения появлялись на свет исключительно благодаря «общению» классика с мертвыми телами».

В доказательство актуальности труда сотрудник процитировал мнение читателя о своей книге: «Проклятие Гоголя» — это проклятие всей русской литерату-

ры, от Лермонтова и Чехова до Достоевского и Толстого. Их книги еще в школе закладывают в нас некую программу, нацеленную на самоуничтожение».

«Прогресс» очевиден. Если несколько лет назад Государственная Дума пыталась изъять литературу из программ учебных заведений — «за ненадобностью», то теперь мотивировка будет посерьезнее. Вот где рекомендуют искать зловредную бациллу, отравляющую нравственное здоровье общества, заражающую его пессимизмом, поражающую депрессией, толкающую к суициду. Все это, несмотря на очевидную смехотворность, не так безобидно, как кажется. Любой преподаватель литературы, работающий более десяти лет, скажет, насколько уменьшилось время на изучение литературы за последние годы и в школе, и в вузе.

Свое мнение о положении русской литературы в современном обществе высказал В.А. Пьецух. Он, указав на заслуги русской литературы перед всем цивилизованным человечеством, далее в свойственной ему иронической манере убеждает читателя, что, кажется, русская литература идет к концу. По всем приметам приближается ее смертный час. Он предлагает об этом судить по тому, что за литературный труд уже ничего не платят, то есть платят, конечно, но сравнительно ничего. Писатель, — сокрушается Пьецух, — уже не властитель дум, и настоящих читателей в России теперь стало гораздо меньше.

Недаром В.А. Пьецух десять лет работал в школе. Во всяком случае, одна из причин бедственного положения литературы подмечена им безошибочно — мало в России настоящих читателей. Искусство и наука в учебном процессе так и не обрели необходимой гармонии.

Более ста пятидесяти лет тому назад П.А. Вяземский записал в своем дневнике: «Публика делится на два разряда, а именно читателей и читающих. Тут почти та же разница, что между пишущими и писателями. Нечего и говорить, что в том и в другом случае большинство на стороне первых» [7: Т. 1, с. 203].

В XX веке, когда читать научились практически все, различать чтение просто текстов и текстов художественных стало очевидной необходимостью. Принципиальное различие этих «чтений» обнаруживается при сравнении процессов, протекающих в сознании *читателя* и *читающего*. Получая и осмысливая необходимую информацию, *читающий* откладывает ее до востребования в кладовую своей памяти. *Читатель* же с помощью воображения, фантазии, интуиции, памяти воссоздает и хранит в своем сознании художественный мир писателя, становясь таким образом его сотворцом, соавтором.

Разницу в подготовке читающего и читателя поняла и выработала соответствующие рекомендации еще дореволюционная методика преподавания литературы: труды В.Я. Стоюнина, В.П. Острогорского, В.В. Сиповского, В.Ф. Саводника и других. Но в двадцатые годы их программы показались Наркомпросу устаревшими. Художественная литература была фактически выведена из школы. Вместо восприятия искусства детям навязывали идеологические прописи и установки, с помощью которых следовало «разбирать» произведения и таким образом «проходить» литературу.

С 60-х годов начался процесс сначала неофициального проникновения в русскую литературу различных модернистских веяний. С середины 80-х, когда были объявлены гласность и перестройка, упразднена цензура, этот процесс обрел стихийный характер. С начала 80-х до середины 90-х шла когда успешная, когда не слишком ассимиляция новинок. Нельзя отрицать, что поддержка, оказанная советским писателям, когда соцреализм оказался в нравственном и эстетическом тупике, была и своевременной, и полезной. Но попытки части критики посчитать постмодернизм и вообще любой иной «изм» продуктивной ему альтернативой оказались несостоятельными. Полностью овладеть русским литературным пространством не удалось никому. Основной тенденцией предстоящего литературного развития явно просматривается... реализм.

Первым продуктом его сотрудничества с модернизмом видится «другая» проза, промелькнувшая на литературном горизонте на рубеже десятилетий. Появлялись и исчезали новые научные термины: бренд, формат, концепт, шизоанализ, проект, супермаркет гипертекст, гендер, симулякр и т.п.

Наредкость удачное название нашел своей актуальной статье профессор МГУ В. Елистратов — «Накануне реализма» Выразив скептическое отношение к модернистской терминологии: «шизоаналитические матрицы бриколажа», — он предложил вернуться к «великим словам — герой, тема, язык» [12: с. 175]. На мой взгляд, очень своевременное предложение, если учесть необходимые и назревающие перемены в преподавании художественной литературы.

Быстрая смена декораций мешала по достоинству оценить происходившие вокруг события. На дворе уже бушевал рынок. Росли тиражи массовой литературы, падал интерес к серьезным книгам. В естественности этого процесса читателя убеждали многочисленные факты, упомянутые выше и не оставлявшие сомнений в том, что «та» литература действительно умерла. Если талантливые книги продаются плохо, что ж! — конкуренция, таков закон рынка. Ничего не поделаешь! Но как это часто бывает с модными увлечениями, меняются они с неувимой быстротой. И вот уже критика констатирует несомненные признаки увядания постмодернизма.

В новых условиях знание особенностей художественной литературы как одного из видов искусства, владение мастерством чтения ее произведений приобретает особенную ценность. Необходимость возвращения изящной словесности в сферу духовных интересов современного человека может быть мотивирована и той ролью, которую она могла бы сыграть в становлении Личности, благотворно повлияв тем самым и на общественный климат. Острая потребность в этом видна невооруженным взглядом.

Объект художественной литературы есть исследование внутреннего мира — мировосприятия, эстетики, психологии, нравственности — человека в процессе его эволюции и функционирования. Изящная словесность дает читателю материал для воссоздания в его воображении эстетически достоверно-

го мира людей и окружающей обстановки во всем богатстве их взаимосвязей и взаимоотношений. «Отражательный» момент здесь играет куда меньшую роль, чем ему обыкновенно отводится. Художественный мир, созданный писателем, является главным образом результатом его творческого вдохновения.

В свою очередь читатель должен понимать особенности художественной литературы, быть на уровне тех знаний и умений, что позволят ему войти в мир художника, адекватно воспринять и оценить его замысел. У него должно быть ясное представление о механизмах восприятия художественного произведения. Воображение, эмоции, интеллект, интуиция в совокупности способны обеспечить полноценное чтение. Неучастие хотя бы одного из этих компонентов приводит к ослаблению, а то и уничтожению эстетического эффекта.

Русской литературе возвращены не только имена и книги, возвращается, быть может, самое драгоценное, — право свободно выбирать, свободно читать и интерпретировать художественные произведения в одной только зависимости от личных духовных потребностей, желаний, вкусов и предпочтений. При всем том, что вызывают удовлетворение процессы восстановления статуса и авторитета словесности, нельзя совсем забывать о многочисленных попытках разными способами «похоронить» русскую литературу, нельзя не замечать, что в начале 90-х годов реже, чем обычно, заявляли о себе новые дарования, что заметно понизился общий эстетический уровень литературы.

Сшибка продолжается!

Когда возник книжный рынок и появилась возможность выбора, вниманием покупателя завладела массовая книжная продукция. Семена, брошенные В. Пикулем в 70–80-е годы, дали обильные всходы. Уже более пятнадцати лет в местах скопления народа, у станций метро, на рынках, можно видеть пестрые книжные развалы. Разноцветные мягкие обложки, популярные имена на — А. Маринина, Ф. Незнанский, Д. Донцова и многие другие, не говоря уже о десятках переводных авторов той же ориентации. Массовая литература обрела статус социального явления, чему немало способствовала экранизация произведений этих авторов на телевидении.

У нее выработался свой жанровый репертуар: книги криминального содержания (детектив, шпионский роман, боевик, триллер); розовый или, как еще его называют, дамский роман — литературный аналог телевизионных «мыльных опер»; костюмно-исторический роман, прямо наследующий традиции уже упомянутого В. Пикуля; порнографические книги, конкурирующие с видеопродукцией подобного же содержания, и некоторые другие.

Главная примета массовой литературы — ее стандартный облик. Везде одни и те же или очень похожие сюжетные ходы и ситуации. Близнецы-персонажи неумоимо кочуют из одной книги в другую, объясняясь на некоем псевдорусском языке с обильным включением специфической лексики.

Такой литературе читатель не нужен, ей хватает читающего!

Литература

1. *Бирюков В.* Сплин, из диалектических экзерсисов на русскую тему / В. Бирюков // Новый мир. – 2006. – № 3. – С. 122–131.
2. *Брюсов В.* Юному поэту. Избранные сочинения / В. Брюсов. – М.: ГИХЛ, 1980. – С. 8.
3. *Иванов Д.* Команда: Киноповесть / Д. Иванов // Октябрь. – 2007. – № 12. – С. 38–103.
4. *Ленин В.* О литературе и искусстве / В. Ленин. – М.: Худож. литература, 1986. – 575 с.
5. *Маркова Р.* Штольц / Р. Маркова // Нева. – 2006. – № 9. – С. 6–55.
6. *Маяковский В.* «Пощечина общественному вкусу» / В. Маяковский // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. – Т. 13. – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 244–245.
7. Русские писатели о литературе (XVII–XX вв.): отрывки из писем, дневников, статей, записных книжек, художественных произведений: В 3-х тт. / Под общ. ред. С. Балухатого. – Т. 1–3. – Л.: Сов. писатель, 1939.
8. Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1999. – С. 796.
9. *Твардовский А.* Собр. соч.: В 5-ти тт. / А. Твардовский. – Т. 5. – М.: ГИХЛ, 1971. – 518 с.
10. *Толстой А.* Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. / А. Толстой. – Т. 13. – М.: ГИХЛ, 1947–1953. – С. 401–402.
11. *Шенталинский В.* Расстрельные ночи / В. Шенталинский // Звезда. – 2004. – № 4. – С. 93–94.
12. *Елистратов В.* Накануне реализма / В. Елистратов // Нева. – 2007. – № 10. – С. 169–179.

Krementsov L.P.

The Collision

The author draws our attention to the discussion concerning the role and place of literature in modern society. He also considers different approaches to studying classics. Having traced the history of contemporary quarrels back to their origins the author shows that the difference between Literature and mass reading production is reflected in corresponding types of recipients: a reader and a “reading person” (in P.A. Vyazemsky’s words). Mass production is designed for the latter while Literature is still in need of a serious and thoughtful reader.

Key words: discussion, Literature (fiction), mass reading production, reader, reading person

Рецензия на учебное пособие: *Райкова И. Н., Травников С. Н., Ольшевская Л. А., Июльская Е. Г.* Русское устное народное творчество: хрестоматия-практикум; учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / Под общ. ред. С.А. Джанумова. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 400 с.

Первое чувство при ознакомлении с этим весомым трудом — это чувство глубокого удовлетворения. Хотя фольклорное «поле» в вузовском и академическом контексте вспахивается в отечественной науке постоянно, налицо и множество привходящих внешних факторов, негативно влияющих на развитие устного народного творчества, чье место в современной культуре постоянно размывается. Поэтому создание рецензируемой книги — дело насущное. Данное пособие представляется мне качественно иным по сравнению с любыми предыдущими изданиями, осуществленными у нас в этом направлении. Оно прежде всего комплексно по своему подходу к предмету. Оно также действенно (то есть ориентировано на практику, на работу индивида и группы) и очень диверсифицировано в смысле методики, насыщено по материалу. Мне кажется, оно итожит многолетние наработки, достигнутые в отечественной науке о фольклоре, а что касается всех родственных ему по жанру изданных прежде пособий — поднимает проблематику и разговор о фольклоре на более высокий уровень. Я сказал бы и больше: данная работа учитывает культурологический опыт последних десятилетий, и оттого имеет выраженный выход к междисциплинарности.

Я также отметил бы, что, хотя пособие предназначено студенту-филологу, оно будет ценно как для академического ученого, для культуролога, так и для студента нефилологического профиля, ибо оно обладает большим дидактическим зарядом, естественно вытекающим из построения, формулировок, всего замысла работы. Мне видятся большие перспективы в использовании данного пособия даже за пределами фольклористики — в широком цикле гуманитарных дисциплин.

Особенно импонирует тщательно продуманная структура пособия. Учтены не просто все основные жанры русского фольклора, но заявлены ясно, проблемно, на материале ведущих текстов. В методическом плане очень важно, что помимо всех традиционных и естественно ожидаемых разделов (тексты, библиография, темы научных работ и т.д.) присутствует опыт осмысления и интерпретации текстов у классиков фольклористики (Буслаев, Афанасьев).

Естественным продолжением и органичным развитием их опыта является точка зрения самого авторского коллектива. Предложен широкий спектр различных методик преподавания конкретных фольклорных феноменов.

Очень важен акцент на поэтику и типологию, заявленный уже в названиях глав и проведенный через всю книгу. В этом просматривается важная связь с архетипами мифологии — национальными и мировыми, и с глубинной сутью и смыслом фундаментального филологического исследовательского процесса.

Особо хочется отметить и логическую основательность в отборе тем практических занятий, сюжетов и образов: все они прекрасно «ложатся» на отечественную аксиологию и историю (циклы человеческого бытия, исторический опыт народа — орда, богатство, календарность и т.д.).

Учен современный материал — половозрастные, групповые, профессиональные критерии в анализе фольклорных феноменов. Словом, многогранность составных частей книги есть одновременно и свидетельство ее гибкости, ориентации на широчайший круг читателей и требований нашей эпохи.

Замысел книги четко заявлен в направляющей вводной статье, создающей прекрасный компендиум необходимых ориентиров для тех, кто пускается в плавание по океану народной культуры слова — и шире, народной культуры вообще.

О достоинствах книги и вытекающей из ее издания пользе можно говорить долго, но в контексте краткой рецензии не вижу в этом необходимости — мое мнение об этом новаторском, междисциплинарном, счастливо сочетающем теорию и практику труде в высшей степени комплиментарное. Книга выглядит как базовая работа по фольклористике, которая будет долго востребована, потому что без нее просто невозможно обойтись.

Рискну — может быть, для грядущих переизданий — высказать несколько незначительных предложений общего и частного характера.

Возможно, стоило бы приложить список фольклорных терминов и понятий, другими словами — выделить терминологический аппарат, необходимый для осмысления и усвоения, своего рода теоретический минимум для специалиста-филолога. Он, мне кажется, логично вписался бы в методический план работы.

Выскажу одно частное сомнение. Очень соблазнительно было бы нарастить межкультурные типологические сопоставления вроде предложенного в занятии № 13 (бой со Змеем, через сопоставление боя на Калиновом мосту и «Беовульфа»), но боюсь, что пока они не будут осмыслены фольклористами на самом высоком типологическом уровне, тут возможны искажения и большие натяжки со стороны студенческой аудитории. Здесь мне видится особое направление исследований, оно принадлежит будущему, просится в самостоятельный труд, который, надеюсь, со временем появится.

Пока же хочется от души поздравить авторский коллектив с крупным успехом и пожелать книге продуктивного включения в учебный процесс.

Рецензия на книгу: О славе небесной и вечной радости. Народные христианские легенды. Средневековая агиография / Сост., перевод текстов, вступ. ст. и коммент. А.С. Джанумова. – М.: Совпадение, 2008. – 223 с.

Появление настоящей книги именно в наше время представляется весьма симптоматичным. В современной науке и культуре происходят важные изменения: вспоминаются, «возвращаются» и вводятся в научный оборот многие явления традиционной культуры, незаслуженно преданные забвению, усиливается процесс межкультурной и межрелигиозной коммуникации. На этом фоне отраднее появление книги кандидата филологических наук, доцента кафедры германской филологии филологического факультета ГОУ ВПО МГПУ А.С. Джанумов. Она объединяет в себе публикацию текстов христианских легенд разных народов и произведений средневековой агиографии различных конфессиональных традиций в талантливом переводе на русский язык, осуществленном автором-составителем. В своих переводах А.С. Джанумову удалось средствами русского языка художественное своеобразие западноевропейских народных легенд и агиографии. Очень важно, что некоторые легенды и агиографические памятники приводятся в вариантах. Значительную часть книги составляют подробные комментарии географических, исторических, лингвистических и религиозных реалий в представленных текстах. Во вступительной статье автор анализирует поэтические особенности двух взаимосвязанных и взаимовлияющих традиций — фольклорной (на примере народной христианской легенды) и агиографической.

Настоящее издание книги А.С. Джанумова может стать востребованным учебным пособием для широкого круга студентов гуманитарного профиля и заинтересовать специалистов-филологов.

И.Н. Райкова

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ» 2009, № 1 (2)**

Алферова Анна Анатольевна — аспирантка кафедры прикладной лингвистики и образовательных технологий в филологии ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: alferov-anna@yandex.ru

Богомазов Геннадий Михайлович — доктор филологических наук, профессор.

Ганиев Журат Валиевич — кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: DenisovaE@mgpu.ru

Вашенко Александр Владимирович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

Для контактов: safedra526@yandex.ru

Девятова Надежда Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: deviatovan@mail.ru

Захарова Мария Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: mary-zaharova@yandex.ru

Зубкова Людмила Георгиевна — доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

Для контактов: ariunadi@mail.ru

Калашникова Наталья Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: dimnatkalash@mail.ru

Киров Евгений Флорентович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: evg-kirov@mail.ru

Кирьянова Екатерина Николаевна — аспирантка кафедры русской литературы и фольклора ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: KaterinaXIX@rambler.ru

Коханова Валентина Александровна — кандидат филологических наук, профессор и зав. кафедрой прикладной лингвистики и образовательных технологий в филологии, декан филологического факультета ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: KohanovaV@rambler.ru

Кременцов Леонид Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора ГОУ ВПО МГПУ, заслуженный профессор ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: ZajtzevaE@mail.ru

Матвеева Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: matv1@yandex.ru

Райкова Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: nikolavna@inbox.ru

Чекалов Кирилл Александрович — доктор филологических наук, зав. отделом классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН.

Для контактов: ktchekalov@mail.ru

Чеснокова Татьяна Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: tchesno@bk.ru

Щелокова Лариса Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: lariva2007@yandex.ru

Authors / МСРВ Vestnik, № 1 (2)-2009

Alferova Anna Anatolyevna — Postgraduate of the Department of Applied Linguistics and Educational Technologies in Philology of МСРВ.

Contacts: alferov-anna@yandex.ru

Bogomazov Gennady Mikhailovich — Doctor of Philology, Professor.

Ganiev Zhurat Valyevich — Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics of МСРВ.

Contacts: DenisovaE@mgpu.ru

Vashchenko Alexandr Vladimirovich — Doctor of Philology, the Head of the Department of Comparative Studies of National Literatures and Cultures of the Faculty of Foreign Languages and Region Studies of Lomonosov Moscow State University.

Contacts: кафедра526@yandex.ru

Devyatova Nadezhda Mikhailovna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of the Russian Language and General Linguistics of МСРВ.

Contacts: deviatovan@mail.ru

Zakharova Maria Valentinovna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of the Russian Language and General Linguistics of МСРВ.

Contacts: mary-zaharova@yandex.ru

Zubkova Ludmila Georgievna — Doctor of Philology, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Contacts: ariunadi@mail.ru

Kalashnikova Natalia Borisovna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of the Foreign Literature of МСРВ.

Contacts: dimnatkalash@mail.ru

Kirov Yevgeny Florentovich — Doctor of Philology, Professor, the Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics of МСРВ.

Contacts: evg-kirov@mail.ru

Kiryanova Yekaterina Nikolaevna — Postgraduate of the Department of the Russian Literature and Folklore of МСРВ.

Contacts: KaterinaXIX@rambler.ru

Kokhanova Valentina Alexandrovna — Candidate of Philological Sciences, Professor, the Head of the Department of Applied Linguistics and Educational Technologies in Philology of MCPU.

Contacts: KokhanovaV@rambler.ru

Krementsov Leonid Pavlovich — Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Literature and Folklore of MCPU, Honored Professor of MCPU.

Contacts: ZajtzevaE@mail.ru

Matveeva Irina Ivanovna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of the Russian Literature and Folklore of MCPU.

Contacts: matv1@yandex.ru

Raikova Irina Nikolaevna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of the Russian Literature and Folklore of MCPU.

Contacts: nikolavna@inbox.ru

Chekalov Kirill Alexandrovich — Doctor of Philology, the Head of the Department of Classical Western Literatures and Comparative Literary Studies of the Russian Academy of Sciences Institute of the World Literature (IMLI).

Contacts: ktchekalov@mail.ru

Chesnokova Tatyana Grigorievna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of the Foreign Literature of MCPU.

Contacts: tchesno@bk.ru

Shchelokova Larisa Ivanovna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of the Russian Literature and Folklore of MCPU.

Contacts: lariva2007@yandex.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филологическое образование»
№ 1 (2), 2009

Главный редактор:
кандидат филологических наук, доцент *Т.Г. Чеснокова*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:
Л.Ю. Ильина

Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 20.05.2009 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз.